

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 9 (26). 2023

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный
университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук

М. О. Баев

(главный редактор)

доктор юридических наук

Е. Каспшак

доктор юридических наук

В. А. Мещеряков

кандидат

юридических наук

Т. Э. Кукарникова

(ответственный секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации

ПИ № ФС77-60396

от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 7

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Белкин А. Р. Процессуально-тактические проблемы допроса
(в развитие идей О. Я. Баева) 9

Бирюков П. Н. К вопросу о цифровой криминалистике 16

Дорофеев К. И. Использование технологий искусственного
интеллекта в процессе противодействия преступлениям,
связанным с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних
(опыт зарубежных стран) 24

Исаенко В. Н. Отдельные аспекты учения
о криминалистической версии в научном наследии
профессора Олега Яковлевича Баева 31

Краснова Л. Б. Следовая картина киберпреступлений 38

Крюков В. В. Методические подходы получения исходных
данных о параметрах торможения транспортного средства
в условиях дорожно-транспортного происшествия 44

Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю., Черепков Р. А.
Виртуальная природа следов в информационной
инфраструктуре..... 49

Милюков С. Ф., Кузнецова Н. И. Экологические
последствия вооруженных конфликтов 58

Пьянков Н. В. Особенности извлечения данных
из мобильных устройств сотовой радиосвязи в рамках
производства судебной компьютерно-технической
экспертизы..... 66

Ростовцев А. В., Берестенко Е. Д. К вопросу о правовом
регулировании использования электронных носителей
информации 72

Сурхов Н. М., Изюмов Р. Н., Сафин М. Р. Современное
состояние, развитие и проблемы судебной инженерно-
технологической экспертизы 78

Тайтубаева Л. М. Проблемные вопросы использования
информационных технологий при производстве
отдельных следственных действий 83

Адрес редакции:
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Дата выхода в свет
12.07.2023.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 16,0.
Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 200. Заказ 330

Адрес издателя:
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Адрес типографии
Издательского дома ВГУ:
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2023
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2023

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН

- Берестенко Е. Д., Ростовцев А. В.** Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных дистанционным способом 88
- Головин А. Ю., Богомолова А. Г.** Тактические особенности взаимодействия органов предварительного расследования с общественностью в ходе решения розыскных задач..... 93
- Головина Е. В.** Ситуационный подход к преодолению противодействия предварительному расследованию 97
- Карагодин В. Н.** Дискуссионные аспекты представлений об объекте и предмете криминалистической тактики 102
- Кукарникова Т. Э.** О проблеме необходимости привлечения специальных познаний в уголовном судопроизводстве в работах профессора О. Я. Баева 106
- Малахова Л. И.** Следственные действия в уголовном процессе и криминалистике: краткий сравнительный анализ 111
- Малык А. В.** Оценка экспертного заключения в качестве доказательства в работах О. Я. Баева 117
- Моргачёва Л. А.** Идеи О. Я. Баева о состязательности современного отечественного уголовного судопроизводства ...122
- Насонов А. А.** Согласие как механизм, необходимый для уголовно-процессуальной системы..... 128
- Насонова И. А., Халимоненко С. С.** Типичные ошибки и упущения в практике применения уголовно-процессуального запрета..... 133
- Саньков В. И.** Уголовно-процессуальная форма и криминалистическое содержание: актуальные вопросы совершенствования следственной деятельности 141
- Смушкин А. Б.** Дистанционная криминалистика (постановка проблемы и основная концепция) 150
- Стояновский М. В.** О. Я. Баев о методологических ориентирах в исследовании проблем следственной тактики...156
- Трухачев В. В.** О необходимости реализации предложений О. Я. Баева по оптимизации норм Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за посягательства на доказательственную информацию 164
- Фарафонова О. А.** О необходимости тактико-криминалистического обеспечения следственных действий, проводимых посредством видео-конференц-связи 171
- ### ТАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
- Баев М. О., Баева К. М.** Самоотверженность и смелость как структурообразующие начала адвокатской деятельности 176
- Маркова Т. Ю.** Проблемные аспекты реализации права защитника на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве..... 180
- Федорин В. Е.** Адвокат-представитель: процессуальные гарантии объективности деятельности 190
- Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования 195

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 9 (26). 2023

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....7

CRIMINALISTIC MEANS AND METHODS OF CRIME INVESTIGATION

Belkin A. R. Procedural and tactical problems of interrogation
(as a follow-up to O. Ya. Baev's ideas) 9

Biriukov P. N. On the issue of digital forensics 16

Dorofeev K. I. The use of artificial intelligence technologies
in the process of countering crimes related to the sexual exploitation
of minors (experience of foreign countries) 24

Isaenko V. N. Some aspects of the forensic version
in the scientific heritage of professor Oleg Yakovlevich Baev 31

Krasnova L. B. Traces of cybercrime 38

Kryukov V. V. Methodological approaches to obtaining
initial data on vehicle braking parameters under the conditions
of a road accident 44

Meshcheryakov V. A., Tsurluy O. Yu., Cherepkov R. A. The
virtual nature of traces in the information infrastructure..... 49

Milyukov S. F., Kuznetsova N. I. Environmental consequences
armed conflicts..... 58

Pyankov N. V. Features of data extraction from mobile cellular
radio communication devices in the framework of forensic
computer-technical expertise 66

Rostovtsev A. V., Berestenko E. D. On the question of legal
regulation of the use of electronic information media 72

Surkhov N. M., Izyumov R. N., Safin M. R. Current
state, development and problems of forensic engineering and
technological expertise..... 78

Taitubaeva L. M. Problematic issues of the use of information
technology in the production of individual investigative actions.. 83

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

CRIMINALISTIC TACTICS AND CRIMINAL PROCEDURE LAW

- Berestenko E. D., Rostovtsev A. V.** Features of investigation of crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs committed by remote method 88
- Golovin A. Yu., Bogomolova A. G.** Tactical features of the interaction of the preliminary investigation bodies with the public in the course of solving investigative tasks..... 93
- Golovina E. V.** Situational approach to overcoming opposition to preliminary investigation..... 97
- Karagodin V. N.** Discussion aspects of ideas about the object and subject of criminalistic tactics.....102
- Kukarnikova T. E.** The problem of the need to attract special knowledge in criminal proceedings in the works of professor O. Ya. Baev 106
- Malakhova L. I.** Investigative actions in the criminal process and forensics: a brief comparative analysis 111
- Malyk A. V.** Evaluation of the expert opinion, as evidence, in the works of O. Ya. Baev 117
- Morgacheva L. A.** Ideas of O. Ya. Baev about the adversarial nature of modern national criminal legal proceedings122
- Nasonov A. A.** Consent as a necessary mechanism for the criminal procedure system128
- Nasonova I. A., Khalimonenko S. S.** Typical mistakes and omissions in the practice of applying the criminal procedure prohibition133
- San'kov V. I.** Criminal procedural form and criminalistic content: topical issues of improving investigative activities 141
- Smushkin A. B.** Remote criminalistics (problem statement and basic concept)150
- Stoyanovsky M. V.** O. Ya. Baev on methodological guidelines in the study of the problems of investigative tactics.....156
- Trukhachev V. V.** On the need to implement O. Ya. Baev proposals to optimize the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for encroachments on evidentiary information.....164
- Farafonova O. A.** On the need for tactical and forensic support of investigative actions carried out via video conferencing 171

TACTICS OF PROFESSIONAL PROTECTION FROM CRIMINAL PROSECUTION

- Baev M. O., Baeva K. M.** Dedication and courage as the structure-forming beginnings of advocacy 176
- Markova T. Yu.** Problem aspects of realizing the right of the defender to collect evidence in criminal proceedings180
- Fedorin V. E.** Representative lawyer: procedural guarantees of objectivity of activity 190
- The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication 195

*По материалам Международной научно-практической
конференции «День Учителя: памяти профессора
Олега Яковлевича Баева»
(7–8 октября 2022 г.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Памяти О. Я. Баева

К сожаленью, приходит ненастье,
Прорываясь из темной ночи.
Нашу жизнь, разрывая на части,
Время без усталости мчит.
Застывает беда в горле комом,
Боль уляжется, но не пройдет,
Станет воздухом невесомым –
Время мчится вперед.
Но замер октябрь. Птицы тянутся
С криком прощальным на юг.
В каждом сердце навечно останется
Наш наставник, учитель и друг.
Время нас не спасет от невзгод,
И в Кольцовском скучающем сквере
Вместе с нами оплакивать будет уход
Дождливая осень, грустя о потере.

Александр Душкин

7–8 октября 2022 г. кафедрой криминалистики была организована и успешно проведена Международная научно-практическая конференция «День Учителя: памяти профессора Олега Яковлевича Баева».

Уже более пяти лет Олега Яковлевича Баева – основоположника Воронежских криминалистических чтений – нет с нами, но, как бы пафосно это ни звучало – дело его живет.

Кроме пленарного заседания в рамках конференции были проведены круглые столы по следующим темам: «Криминалистические средства и методы исследования преступлений», «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон» и «Тактика профессиональной защиты от уголовного преследования».

Содержание данного номера Воронежских криминалистических чтений во многом основано на подготовленных и представленных к данной конференции исследований ученых-процессуалистов и криминалистов – учеников, друзей и коллег Олега Яковлевича: А. Р. Белкина, В. Н. Исаенко, С. Ф. Милюкова, В. Н. Карагодина и др.

Представленные статьи затрагивают практически весь спектр актуальных в настоящее время уголовно-процессуальных и криминалистических проблем.

Убежден, что многое из изложенного Олег Яковлевич, безусловно, поддержал бы, со многим поспорил, кое-что резко раскритиковал.

Но, как он говорил, так и должно быть, так и делается наука, независимо от возраста, предыдущих заслуг и званий, что более чем актуально в преддверии столетнего юбилея родного факультета – возраст более чем зрелый.

Олег Яковлевич любил повторять меткое высказывание великой русской балерины Майи Плисецкой, произнесенное ею уже в зрелом возрасте: «Со старостью опыт набирается, а прыжок теряется».

Желаю всем нам не терять прыжка.

*Академик РАН,
доктор юридических наук, профессор*
М. О. Баев

А. Р. Белкин

Российский технологический университет (РТУ–МИРЭА)

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОПРОСА (В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ О. Я. БАЕВА)

А н н о т а ц и я: статья посвящена уголовно-процессуальным нормам, регламентирующим производство такого важного следственного действия, как допрос. Анализируются противоречия, лакуны и узкие места, имеющиеся в данных нормах, и предлагаются пути улучшения нормативной базы, нацеленные на обогащение тактики допроса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тактика допроса, повторный допрос, наводящие вопросы.

PROCEDURAL AND TACTICAL PROBLEMS OF INTERROGATION (AS A FOLLOW-UP TO O. Ya. BAYEV'S IDEAS)

A b s t r a c t: the article is devoted to the criminal procedural rules regulating the conduct of such an important investigative action as interrogation. It analyses the contradictions, gaps and bottlenecks in these norms and suggests ways to improve the regulatory framework aimed at enriching interrogation tactics.

Key words: interrogation tactics, repeated interrogation, leading questions.

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Вопросы проведения такого важнейшего следственного действия, как допрос, по-прежнему остаются в центре внимания ученых-процессуалистов; однако формулировки статей гл. 26 УПК РФ далеки от совершенства.

Так, в явном усовершенствовании нуждается норма, запрещающая повторный допрос обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ). Смысл этой нормы понятен – она защищает обвиняемого от давления со стороны следователя, вновь и вновь вызывающего его на допрос, пытаясь получить от него показания; но с высокой оценкой этой новации, данной И. М. Комаровым и Э. А. Винокуровым, счита-

ющими ее «серьезной гарантией права обвиняемого на защиту»¹, согласиться трудно. Более того, нельзя не разделить недоумение О. Я. Баева, еще в 2002 г. указывавшего на неразумность ситуации, когда «следователь с обвиняемым... может не встречаться месяцами, не имеет права его повторно допросить, даже если добыты новые доказательства, избличающие обвиняемого, предъявление которых может повлечь дачу им правдивых показаний»². Сходные возражения выдвигает и А. А. Петуховский: «Недопущение в таких случаях повторного допроса ограничивает возможности следователя по проверке и оценке вновь появившихся после предъявления обвинения доказательств. Право повторно отказаться от дачи показаний за обвиняемым

сохраняется, и закон содержит достаточно обширные гарантии от принуждения его к даче показаний»³.

А как быть, если отказ от дачи показаний заявлен не на первом, а на втором допросе, – налагает ли это ограничения на последующие допросы или нет? По логике закона, последствия должны быть аналогичны отказу от дачи показаний на первом допросе. Однако в этом случае какие-то показания от обвиняемого ранее были получены – следует явно отметить, что последующий отказ от дачи показаний не лишает их юридической силы.

Распространяется ли такой запрет на вызов для допроса и на другие следственные действия, прежде всего, на очную ставку? В Комментариях можно встретить положительный ответ; но такая точка зрения представляется нам весьма спорной: очная ставка – иное следственное действие, и она может быть проведена именно с целью продемонстрировать обвиняемому, отказывающемуся давать показания, уязвимость его позиции.

Еще один любопытный момент: как быть, если обвиняемый отказывается давать показания по определенному кругу вопросов, – следует ли при таком *частичном* отказе разрешить (по аналогии) повторный его допрос об этих же обстоятельствах только по его просьбе? Думается, такой запрет был бы неправомерным.

Наконец, обратим внимание, что ч. 1 ст. 173 требует от следователя допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 настоящего Кодекса. Сопоставим это с ч. 1 ст. 175, согласно которой, если появятся основания для изменения предъявленного обвинения, то следователь в соответствии со ст. 171 выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиня-

емому. Представляется вполне соответствующим логике закона, чтобы в подобном случае следователь имел право вызвать обвиняемого на допрос даже в том случае, если обвиняемый ранее отказывался давать показания, – ведь процессуальная ситуация изменилась! Аналогичное право имеет смысл предоставить следователю и в том случае, когда он своим постановлением прекратил уголовное преследование в какой-либо его части.

Часть 1 ст. 187 УПК РФ требует уточнения, поскольку допрос может производиться в рамках как следствия, так и дознания. Кроме того, из ч. 4 формально может быть сделан ложный вывод о том, что по медицинским показаниям продолжительность допроса может быть не только уменьшена, но и увеличена.

Часть 1 ст. 188 УПК упоминает только свидетеля и потерпевшего, однако допрошены могут быть и другие участники процесса, например понятой, гражданский истец и пр. Часть 2 ст. 188 сначала явно намекает на то, что факт получения повестки как-то зафиксирован, но затем говорит просто о средствах связи, хотя в качестве таковых может выступать и обычная почта, и телефонная связь, не предоставляющие в общем случае возможности удостовериться, что повестка доставлена, причем именно нужному лицу, а заканчивает и вовсе туманным упоминанием неких иных лиц, обязанность которых передать повестку сомнительна.

Вновь приходится удивиться «заботе» законодателя о военнослужащих. Мы не раз отмечали, что реально вызов военнослужащего на допрос через командование части может иметь смысл разве что в отношении военнослужащего срочной службы (рядового или сержантского состава), постоянно находящегося в месте дислокации части, либо лица, проходящего военные сборы с отрывом от

места обычного проживания, тогда как, скажем, офицер Генштаба в этом плане принципиально не отличается от гражданского лица (тем более что *возможность* вызова офицера через его командование уже в любом случае заложена в ч. 2 ст. 188 УПК)⁴.

Зато нелишне упомянуть о том, что лицо, находящееся под стражей, вызывается на допрос через администрацию места нахождения под стражей. Имеет смысл вспомнить и о том, что вызов на допрос лица, находящегося за пределами России, производится по нормам главы 53 УПК РФ.

Запрет на наводящие вопросы, сформулированный в ч. 2 ст. 189 УПК РФ, не выглядит ни бесспорным, ни однозначным. Во-первых, само понятие наводящего вопроса нельзя определить достаточно строго, резкую границу между *наводящими* и *ненаводящими* вопросами провести затруднительно (если вообще возможно). В общем, наводящим вопросом может считаться любой вопрос, поставленный так, что допускает ответ «да» или «нет», поскольку вся информация уже есть в вопросе и ее остается лишь подтвердить или опровергнуть. Законом не могут быть точно определены рамки недопустимости вопроса, поскольку «почти каждый вопрос, в какой бы безобидной форме он ни был предложен, вызывая в сознании отвечающего определенное представление, побуждает его включить это представление в сохранившуюся в его памяти картину того явления, о котором его допрашивают. Иными словами: любой вопрос является в некоторой степени наводящим»⁵.

Во-вторых, в ходе повторного допроса ситуация, когда допрашиваемое лицо излагает ход событий не совсем так, как ранее, совсем не редкость – в этой ситуации уточняющие вопросы, задаваемые следователем, неминуемо окажутся в той

или иной степени наводящими. Еще более ярко это проявляется при допросе в суде, выявляющем противоречия в текущих показаниях и том, что было показано в ходе предварительного расследования (при этом ч. 1 ст. 275 УПК РФ исключает наводящие вопросы к подсудимому, а ст. 277–278 УПК РФ ни о чем подобном при допросе потерпевших и свидетелей почему-то не говорят). Отметим также, что правила проведения очной ставки (ст. 192 УПК РФ) запрета на наводящие вопросы не предусматривают.

Само понятие наводящих вопросов и их роль процессуалисты оценивают по-разному. Так, Л. Е. Ароцкер полагал, что суд может использовать лишь напоминание как тактический прием допроса. Наводящие же вопросы недопустимы как с точки зрения закона, так и требований судебной этики, поскольку они способны путем внушающего воздействия на допрашиваемого лишь извратить информацию, которой он располагает, и привести к ошибкам в показаниях⁶.

Как отмечал профессор О. Я. Баев, смысл появления в УПК РФ запрета на наводящие вопросы правоприменители толком объяснить не могли: «Почему, например, запрещена постановка наводящих вопросов допрашиваемому лицу?» – «Так записано в УПК», – отвечали они. На вопрос же: «Почему так записано в законе?» – большинство из опрошенных следователей, прокуроров, судей не дали удовлетворительного ответа⁷.

Мы полагаем, что цель появления этой нормы, в общем, понятна, но сама ее формулировка неудачна и неточна. Тем не менее мы не предлагаем каких-то поправок, ограничиваясь здесь привлечением внимания к данной проблеме.

Определенные возражения вызывает и указание ч. 2 ст. 189 о том, что *следователь свободен при выборе тактики допроса*, – и вызвано это разным истолковани-

ем смысла, вкладываемого здесь в понятие *тактики*. Криминалисты, подвергающие эту норму ожесточенной критике, имеют в виду систему тактических приемов, операций, комбинаций, используемых следователем, и делают вывод, что УПК РФ тем самым разрешает следователю пользоваться любыми из них, в том числе и явно неэтичными (а то и вовсе незаконными), причем в любых сочетаниях и последовательности.

«Нет сомнений, – писал профессор О. Я. Баев, – что это может быть воспринято на практике как своеобразная индульгенция для применения следователем исключительно на основе своего на то усмотрения тактических приемов, не соответствующих детально проработанным криминалистической тактикой критериям их допустимости, может размыть границу между допустимым усмотрением и произволом»⁸, – и далее автор упоминает такие сомнительные «приемы», как использование при допросе музыки, запахов, биоритмов, гипнотического состояния допрашиваемого и даже его сновидений. В более поздней работе М. О. & О. Я. Баяевых мысль об «индульгенции» вновь повторена, норма названа «чрезвычайно опасной», могущей повлечь «далеко идущие негативные последствия», и выражена надежда, что следователи более серьезно станут относиться к решению вопроса о допустимости тактических приемов⁹.

Безусловно разделяя эту надежду в целом, мы, однако, полагаем эти страхи сильно преувеличенными. С уголовно-процессуальной точки зрения, речь идет всего лишь о том, что следователь не скован какой-либо жесткой схемой и в рамках общих правил проведения допроса волен выстраивать цепь вопросов по своему усмотрению, перескакивать с одного момента на другой, возвращаться к уже исследованному и известному,

предъявлять допрашиваемому лицу какие-либо предметы и документы, знакомить его с имеющейся у следователя информацией и т. п. Требование допустимости применяемых им тактических приемов при этом само собой разумеется и не подвергается сомнениям.

УПК РФ более не требует начинать допрос по существу дела со свободного рассказа допрашиваемого лица, как это требовали ч. 5 ст. 150 и ч. 5 ст. 158 УПК РСФСР, императивно предусматривая свободный рассказ только для проверки показаний на месте (ч. 4 ст. 194 УПК РФ)¹⁰. Свобода в выборе тактики допроса проявляется и в том, что следователь может начать допрос с конкретных вопросов. В то же время право на свободный рассказ допрашиваемых лиц имеется по-прежнему – хотя бы в соответствии со ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹¹, провозглашающей право каждого на свободу выражения своего мнения. Ограничения этого права возможны лишь в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. Подобные условия вряд ли могут ограничивать право допрашиваемого лица свободно рассказать в ходе допроса то, что оно считает нужным, а следователь вправе прервать рассказ лишь при изложении сведений, явно не относящихся к уголовному делу.

Сравнивая ч. 3 ст. 189 и ст. 279 УПК РФ, можно отметить целесообразность дополнения ч. 3 ст. 189 указанием на право следователя приобщить к уголовному делу копию представленных на допросе

документов. Кроме того, ст. 192 разрешает следователю предъявлять участникам очной ставки документы и вещественные доказательства, а в правилах допроса почему-то ничего подобного не оговорено, что может быть исправлено дополнением ст. 189 новой частью 3¹.

Заметим, что ст. 152 и 160 УПК РСФСР предоставляли обвиняемому, потерпевшему и свидетелю право не только устно дать показания, но и собственноручно их изложить. УПК РФ отказался от этой идеи; однако и сейчас можно встретить утверждения, будто «допрашиваемый вправе записать свои показания собственноручно. Эта тактическая рекомендация, отсутствующая в законодательстве, достаточно часто используется в практике»¹². Так или иначе, нельзя отрицать того, что некоторым людям лучше удастся письменное изложение фактов и событий, нежели устный рассказ о них. В свете этого предложим дополнить ст. 189 УПК новой частью 3², допускающей (в несколько измененном виде) письменную дачу показаний.

Коль скоро ч. 5 ст. 189 упоминает о правах адвоката свидетеля, не будет лишним упомянуть здесь же и об аналогичных правах представителя потерпевшего. Отметим, кстати, что ч. 2 ст. 53 УПК РФ говорит не о присутствии защитника, а о его участии в допросе, что далеко не одно и то же.

Напомним, что ранее нами была предложена новая часть 6 ст. 189 УПК РФ, направленная на преодоление отказа от дачи показаний, и новая ст. 56², уточняющая понятие свидетельского иммунитета¹³. Таким образом, с учетом предложенных изменений и дополнений, ст. 189 УПК РФ приобретает вид:

Статья 189. Общие правила проведения допроса

1. Перед допросом следователь (дознатель) выполняет требования, преду-

смотренные частью пятой статьи 164 настоящего Кодекса, а при возникновении сомнений, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, – выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания.

2. Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь (дознатель) свободен при выборе тактики допроса.

3. В ходе допроса допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и собственными записями. При этом следователь (дознатель) вправе ознакомиться с любым используемым документом и приобщить к уголовному делу его копию.

3¹. В ходе допроса следователь (дознатель) вправе знакомить допрашиваемое лицо с документами и вещественными доказательствами.

3². До начала допроса или в ходе него, по просьбе допрашиваемого лица, ему может быть дана возможность изложить свои объяснения собственноручно, о чем делается отметка в протоколе допроса. Ознакомившись с письменными объяснениями, следователь допрашивает данное лицо по их содержанию, после чего удостоверяет их и приобщает в качестве приложения к протоколу допроса.

<...>

5. Адвокат свидетеля, а также представитель потерпевшего или иного допрашиваемого лица вправе участвовать в допросе и пользоваться правами, предусмотренными частью второй статьи 53 настоящего Кодекса, а по окончании допроса вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов допрашиваемого лица. Указанные заявления подлежат занесению в протокол допроса.

6. При отказе допрашиваемого лица от дачи показаний по мотивам п. 5–7 части второй и части третьей статьи 56²

настоящего Кодекса следователь либо дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить перед судом ходатайство о признании дачи показаний в данном случае обязательной. Данное ходатайство рассматривается судом по общим правилам в порядке статьи 165 настоящего Кодекса. В случае удовлетворения ходатайства суд своим постановлением обязывает допрашиваемое лицо дать показания по данному вопросу; дальнейший отказ данного лица от дачи показаний по этому вопросу влечет за собой уголовную ответственность в порядке статьи 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Отметим принципиальное изменение позиции законодателя по вопросу об удостоверении правильности фонограммы допроса. В отличие от УПК РСФСР, ничего подобного УПК РФ не содержит, так что предъявление и удостоверение фонограммы допроса теперь не предусмотрено. Это, конечно, сильно экономит время, но снижает доказательственную ценность самой фонограммы. Отметим, что нет недостатка и в предложениях вообще отменить «бумажный» протокол допроса, заменив его аудио- или даже видеопротоколом. По мнению профессора Н. А. Колоколова, ссылающегося на практику уголовного процесса

в Канаде, тогда техника бесстрастно фиксирует каждый звук и на недобросовестность следователя ничего списать не удастся.

Профессор О. Я. Баев подверг подобные предложения аргументированной критике, отметив их излишнюю радикальность и практическую неприемлемость. Так, допрос на предварительном следствии может быть весьма продолжительным, при этом содержательная часть данных показаний в «бумажном» варианте может уложиться буквально в несколько страниц текста. Если же письменного протокола не ведется, выявление этой содержательной части показаний в массе запечатленного в аудио- или видеозаписи информационного шума потребует от адресата доказывания (прокурора, суда) и других лиц, изучающих материалы дела (адвоката, обвиняемого, потерпевшего и т. д.), полного прослушивания (просмотра) всего аудиовидеоматериала в течение такого же времени, сколько занял сам допрос данного лица. Добавим к этому и то, что в случае наличия лишь аудиовидеопотокола, удостоверить по окончании допроса придется именно его (т. е., опять же, прослушать/просмотреть все целиком), от чего законодатель, как уже отмечалось, в новом УПК РФ отказался.

¹ Комаров И. М., Винокуров Э. А. Уголовно-процессуальные и тактические аспекты профессиональной защиты на стадии предварительного расследования. Белгород : БелГУ, 2011. С. 87.

² Баев О. Я. Новации норм доказательственного права в УПК РФ 2001 г. и проблемы их реализации // Материалы международной научной конференции. «50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина». Воронеж : ВГУ, 2002. С. 34.

³ Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М. : Академия управления МВД России, 2009. С. 105–106.

⁴ Любопытно, что Б. Т. Безлепкин удостоил особой похвалы заложенный в Кодекс порядок вызова военнослужащего через командование, назвав его «ценным но-

вовведением, ...полностью отвечающим особому характеру военной службы» (Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 270).

⁵ Кулишер Е. М. Психология свидетельских показаний // Вестник права. 1904. № 8. С. 201.

⁶ См.: Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 48, 49.

⁷ Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений. М., 2009. С. 111.

⁸ Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М., 2012. С. 37.

⁹ См.: Баев М. О., Баев О. Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014. С. 51.

¹⁰ Ряд комментаторов, видимо, по инерции полагают, что допрос однозначно начинается со свободного рассказа (см., например: Безлепкин Б. Т. Указ. соч. С. 271–272).

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

¹² Печерский В. В. Предмет доказывания и типовые программы допроса в уголовном судопроизводстве РФ : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 17.

¹³ См.: Белкин А. Р. УПК РФ : нужны ли перемены? М., 2013. С. 191.

*Российский технологический университет
(РТУ–МИРЭА)*

Белкин А. Р., доктор юридических наук,
профессор

E-mail: anatbel@yandex.ru

Тел.: 8-926-427-80-56

Russian University for Technology

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-926-427-80-56

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация: статья посвящена проблемам цифровой криминалистики (далее – ЦК). Исследуется правовая база ЦК. Автор анализирует зарубежные подходы к ЦК, выявляет проблемы использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровые доказательства, Интерпол, ЕС, СНГ, США, РФ.

ON THE ISSUE OF DIGITAL FORENSICS

Abstract: the article is devoted to the problems of digital forensics (hereinafter referred to as the DF). The article examines the legal framework of the DF. The author analyzes foreign approaches to the DF, identifies the problems of using digital evidence in criminal proceedings.

Key words: digital forensics, digital evidence, Interpol, EU, CI, USA, RF.

Поступила в редакцию 11 октября 2022 г.

В настоящее время преступники все чаще используют информационные технологии при планировании и совершении любых видов преступлений, не только компьютерных. Соответственно, следы в электронной форме можно обнаружить в компьютерах, смартфонах, флеш-накопителях, облачных хранилищах данных и др.

О. Я. Баев придавал большое значение криминалистическому изучению виртуальных следов, разработке методик расследования компьютерных преступлений¹. Он подчеркивал: «Практическая криминалистика, по сути своей, есть следоведение. Да и сами понятия “следователь”, “расследование”, как и используемое мной более широкое понятие “исследование преступлений” – категории, синонимические производные от термина “след” в самом общем виде. А наука криминалистика есть в первую очередь не

что иное, как наука о закономерностях следообразования в результате преступной деятельности и его переработки (извлечения следов, их исследования и использования) в целях процессуального исследования преступлений... Характерным примером этому служит появление понятия виртуальных следов преступления, основанного на том, что особенности компьютерных технологий, используемых зачастую на различных стадиях преступной деятельности, вне зависимости от желания пользователя влекут возникновение информации, которую можно использовать в криминалистических целях»².

Таким образом, О. Я. Баев признавал значимость цифровой информации в криминалистике, хотя и не использовал терминов «компьютерная/цифровая криминалистика».

Нужно сказать, что в зарубежной юриспруденции понятия «форензика»/ЦК³ употребляются как синонимы достаточно давно.

В конце 70-х гг. прошлого века стремительное развитие технологий привело к возникновению компьютерных преступлений. Соответственно, появилась потребность в методике их расследования, механизме выявления и закрепления доказательств в электронной форме, правилах их использования в уголовном судопроизводстве.

Первыми, кто столкнулся с компьютерной преступностью, стали ангlosаксы. В 1978 г. во Флориде был принят Закон о компьютерных преступлениях⁴, который запрещал несанкционированное изменение или удаление данных в ЭВМ. Началось активное регулирование ответственности на уровне штатов⁵; накапливалась нормативная база форензики.

В 1986 г. принимается федеральный закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях⁶, который был включен в Свод законов США⁷. Были приняты также Закон о конфиденциальности электронных коммуникаций 1986 г.⁸, внесены изменения в так называемый «Патриотический акт»⁹. Подчеркнем, что в указанных законах содержались как материальные, так и процессуальные нормы, которые регулировали процесс расследования и судебного разбирательства указанной категории дел.

На данной правовой базе ФБР и полиция запустили программы ЦК и начали разрабатывать методики расследования различных видов преступности. IT-специалисты помогали сотрудникам правоохранительных органов выявлять «электронные следы», формировать цифровые доказательства (далее – ЦД), участвовать в процессуальных действиях на следствии и в суде. Началось активное использование ЦК в бизнесе.

В 1985 г. в Канаде также вносятся соответствующие изменения в УК¹⁰; в Великобритании в 1990 г. принимают за-

кон о неправомерном использовании компьютеров¹¹.

Все эти обстоятельства в совокупности способствовали широкому распространению и признанию форензики/ЦК в мире. Данные термины прочно вошли в научный оборот¹².

В 2006 г. США закрепили статус электронных доказательств в Федеральных правилах гражданского процесса¹³. Были введены в действие новые правила сохранения и раскрытия ЦД. Данные правила были восприняты и уголовным процессом. В настоящее время Федеральные правила доказывания США¹⁴ применяются по уголовным делам. В 2008 г. был принят Закон о краже личных данных и реституции¹⁵, который криминализовал соответствующие деяния и закрепил процессуальные нормы, в том числе о ЦД.

Важную роль в разработке ЦК стали играть международные организации.

В частности, в 2001 г. была подписана Конвенция Совета Европы о киберпреступности¹⁶. Ее основной целью обозначено повышение эффективности расследований и процессуальных действий в отношении преступлений, связанных с компьютерными системами и данными, а также обеспечение возможности сбора доказательств в электронной форме. В Конвенции сейчас около 50 государств, однако России среди них нет. Дело в том, что ст. 32 Конвенции позволяет иностранным спецслужбам без официального уведомления получать информацию в компьютерных сетях зарубежных государств. Очевидно, что Российская Федерация принять это правило не может, особенно в нынешних условиях. Вместе с тем, Конвенция дала новый импульс развитию ЦК, закрепив механизмы получения и признания ЦД.

В начале нулевых за дело принялись Международная организация по стандартизации¹⁷ (далее – ISO) и Междуна-

родная электротехническая комиссия¹⁸ (далее – ИЕС). Они стали издавать стандарты в области информационных технологий, которые послужили моделями для национального нормотворчества на уровне министерств и ведомств.

Так, в 2005 г. появился документ ISO/IEC 17799:2005¹⁹, который закреплял правила управления информационной безопасностью в госорганах и компаниях. В 2012 г. ISO и ИЕС было принято «Руководство по идентификации, сбору, получению и сохранению цифровых доказательств» (27037:2012²⁰). Документ 27042:2015²¹ закрепил правила анализа и интерпретации электронных данных для правоохранителей и технических специалистов. Акт 27043:2015²² содержит рекомендации для общих процессов расследования различных преступлений с использованием ЦД.

Сегодня ISO и ИЕС приняты около 100 документов в сфере ЦК; постоянно разрабатываются новые. На базе многих из них в России приняты национальные стандарты. К примеру, документ 17799:2005 реализовался в национальном ГОСТе ИСО/МЭК 17799-2005²³; 27037:2012 – ИСО/МЭК 27037-2014²⁴ и т. д.

Большое внимание ЦК уделяет Интерпол. В частности, выявляются проблемы, возникающие при получении ЦД, разрабатываются рекомендации как законодательным, так и правоохранительным органам государств-членов²⁵. В рамках Интерпола создана Единая информационная баллистическая система²⁶; осуществляются различные программы в сфере борьбы с киберпреступлениями²⁷ и т. д.

Что касается Евросоюза, то в ЕС уже несколько лет разрабатывается Регламент о Европейских ордерах о производстве и сохранении электронных доказательств по уголовным делам²⁸. В нем

закреплены процедуры для быстрого доступа к ЦД, находящимся за границей, посредством Европейского ордера. Регламент имеет прямое действие в странах ЕС и наделяет правоохранительные органы государств ЕС правом запрашивать напрямую у зарубежных поставщиков услуг связи доступ к электронным данным, необходимым для расследования преступлений. Запрос должен исполняться всеми субъектами в ЕС, вне зависимости от нахождения штаб-квартиры компании или места хранения информации. Срок – 10 дней, а в неотложных случаях – 6 часов. Для сравнения – средний срок исполнения запроса в рамках процедур правовой помощи по конвенциям доходит до 10 месяцев.

Директива ЕС о назначении законных представителей для сбора доказательств по уголовным делам²⁹ обязывает поставщиков услуг назначать специальное подразделение либо должностное лицо для получения и исполнения Ордера. Правда, директива нуждается в национальной имплементации, с чем могут возникнуть проблемы.

В 2020 г. в ЕС был введен в действие юридический инструмент для обмена ЦД через сеть e-CODEX³⁰ в рамках процедур правовой помощи и Европейского следственного ордера³¹.

В 2001 г. подписана Конвенция о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации³².

В 2018 г. странами СНГ было подписано новое Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере ИТ³³, которое заменило Конвенцию 2001 г. Соглашение вступило в силу в 2020 г., Россия участвует с 2021 г. От России компетентным органом по Соглашению является СКР.

В Соглашении не только даны понятия в сфере борьбы с преступлениями, но

и закреплены меры по обмену информацией: а) о готовящихся или совершенных преступлениях в сфере компьютерной информации и причастных к ним физических и юридических лиц; б) формах и методах предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере; в) способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации и др. Урегулирован механизм правовой помощи по получению ЦД из-за рубежа.

С 2021 г. в ООН обсуждается Проект Конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Конвенция не наделяет иностранные компетентные органы правом осуществлять на территории другого государства юрисдикцию и функции, которые относятся к исключительной компетенции органов этого другого государства, если иное не предусмотрено в Конвенции или законодательством соответствующего государства.

Принятие данной Конвенции еще сильнее подстегнет ЦК, поскольку нормативной базой криминалистики является процессуальное законодательство.

В настоящее время в результате бурного международного и внутригосударственного нормотворчества достижения форензики активно используются в зарубежном уголовном судопроизводстве³⁴. При этом в юриспруденции подчеркивается, что основная цель ЦК – анализ и расследование событий, включающих цифровую информацию, компьютерные устройства и сети, а также сбор, хранение и защиту электронных данных – ЦД³⁵. В мире издаются многочисленные журналы по форензике и электронным следам³⁶.

Ученые отмечают, что предмет ЦК постоянно расширяется. Он охватывает любые устройства (не только компью-

терные) и виртуальные пространства, которые могут хранить цифровые данные. ЦК стала прикладной дисциплиной, ориентированной не только на раскрытие преступлений в сфере высоких технологий, но и на поиск, сохранение и исследование ЦД по любым преступлениям, а не только компьютерным³⁷. Поэтому правохранителям нужно не только уметь собирать и анализировать электронные данные, но и понимать правовые основы использования ЦК в уголовном процесс.

Обобщая зарубежную литературу о ЦК³⁸, можно сказать, что в целом данная дисциплина решает следующие задачи: 1) восстановление, анализ и сохранение электронных данных, помощь в подготовке ЦД для представления в суде; 2) соблюдение необходимых протоколов сбора и фиксации ЦД; 3) восстановление удаленных или скрытых данных с любых цифровых устройств, имеющих значение для дела; 4) помощь в установлении личности подозреваемого и мотивов преступления; 5) разработка частных криминалистических методик; 6) совершенствование криминалистической «цифровой» техники; 7) выполнение иных многочисленных задач, например, криминалистическое обеспечение бизнеса. Анализ каждого из указанных направлений требует специального изучения.

Таким образом, за последние полвека ЦК за рубежом превратилась в хорошо структурированную прикладную дисциплину, которая не только изучает электронные данные – будущие ЦД в уголовном судопроизводстве. Она охватывает также: а) исследование электронных устройств и информационно-телекоммуникационных сетей; б) выявление, сохранение, восстановление и анализ цифровой информации; в) применение высоких технологий в деятельности правоохранительных органов.

В российской науке «цифровое измерение» в криминалистике стало развиваться в связи с внесением в УК РФ компьютерных преступлений и разработкой соответствующих методик³⁹. Однако сам термин «компьютерная/цифровая криминалистика» появился сравнительно недавно⁴⁰. Вначале это понятие использовалось в статьях⁴¹, затем появились главы в учебниках и учебных пособиях⁴². Наконец, начали публиковаться монографии⁴³, а в 2021 г. был издан первый учебник⁴⁴. Венцом развития идеи стало создание кафедры цифровой криминалистики в МГТУ имени Н. Э. Баумана⁴⁵. В других вузах имеются отделения ЦК на базе имеющихся кафедр.

В России регулярно проводятся научно-практические конференции по ЦК. Так, в Москве состоялось мероприятие «E-FORENSICS RUSSIA 2019», в 2020 г. в БГУ имени И. Канта международная конференция «Цифровая криминалистика: вызовы XXI века», в 2021 г. в Южно-Уральском государственном университете – «Электронное правосудие и цифровая криминалистика: современные тренды юридической науки и практики» и т. д.

Большое внимание ЦК уделяется российскими правоохранительными органами. Можно назвать Приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627 (в ред. от 01.12.2021)⁴⁶, Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 (в ред. от 30.06.2022)⁴⁷ о программах цифровой трансформации соответствующих структур. Глава СК РФ назвал развитие «внеэкспертной ЦК» одной из самых приоритетных задач в современных условиях⁴⁸.

В настоящее время российские специалисты в области ЦК играют важную роль в процессе расследования киберпреступлений и не только. В их задачи также входит обеспечение информации, которая будет использоваться в каче-

стве доказательств. Криминалисты участвуют в допросе подозреваемых, потерпевших и свидетелей, помогают подготовить электронные доказательства для судебного разбирательства. Отдельное направление ЦК образует работа с виртуальными активами и криптовалютами, что требует отдельного изучения.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения, российской ЦК еще многое предстоит сделать. Методы извлечения информации с различных электронных устройств, а также сами устройства, на которых хранится информация, быстро меняются. Сложной задачей является и сохранение электронных доказательств: в отличие от вещественных они могут быть изменены или удалены удаленно. Необходимо последовательно развивать цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов, активнее привлекать специалистов к судебным разбирательствам.

Очевидно, что отечественная криминалистика должна внимательно изучить международный и иностранный опыт в сфере ЦК с тем, чтобы использовать его в процессе получения и интерпретации электронных данных и уголовном преследовании преступников.

О. Я. Баев подчеркивал, что «криминалистика традиционно подразделяется на три взаимосвязанные, взаимообусловленные и в то же время в определенной степени автономные части: криминалистическую технику, криминалистическую тактику и методику расследования отдельных видов преступлений»⁴⁹.

В настоящее время ЦК отражена во всех трех элементах криминалистической науки. Думаю, это позволяет сделать вывод о праве ЦК на существование. Данный раздел криминалистики ориентирован на раскрытие преступлений в сфере высоких технологий и иных преступлений, где используются электрон-

ные устройства, на поиск, получение, исследование ЦД и их использование в уголовном процессе; развитие соответствующих информационных систем и программных продуктов, обеспечивающих

выполнение задач. Поэтому правоохранным органам нужно не только уметь собирать и анализировать электронные данные, но и знать правовые основы использования ЦК в уголовном судопроизводстве.

¹ См.: *Баев О. Я.* Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2007 ; *Его же.* Избранные работы : в 2 т. Воронеж : Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2011 ; *Его же.* Криминалистические методики в реализации доказывания по уголовным делам и совершенствование основ их конструирования // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2017. № 5. С. 21–29 ; и др.

² *Баев О. Я.* Основы криминалистики. Курс лекций. М., 2001. С. 15.

³ См.: *Simmons R.* The Failure of the Computer Fraud and Abuse Act : Time to Take an Administrative Approach to Regulating Computer Crime // *The George Washington University Law School.* 2016. Issue 84:6. P. 1703–1724 ; *Sachowski J.* Implementing Digital Forensic Readiness : From Reactive to Proactive Process. 2nd edition. CRC Press, 2019. 416 p.

⁴ См.: The Florida Computer Crimes Act 1978. URL: http://www.clas.ufl.edu/docs/fl-crimes/section2_1_1.html#SECTION00110000000000000000

⁵ См.: State Computer Crime Laws. URL: <https://www.findlaw.com/state/criminal-laws/computer-crimes.html#:~:text=Computer%20crime%20laws%20prohibit%20use,or%20money%20via%20the%20Internet>

⁶ См.: The Computer Fraud and Abuse Act (CFAA). URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/97-1025.html>

⁷ См.: 18 U.S. Code § 1030 – Fraud and related activity in connection with computers. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030>

⁸ См.: Electronic Communications Privacy Act of 1986. URL: <https://bja.ojp.gov/program/it/privacy-civil-liberties/authorities/statutes/1285>

⁹ См.: The USA Patriot Act. URL: https://www.justice.gov/archive/olp/pdf/sunsets_report_final.pdf

¹⁰ См.: Criminal Code (R.S.C. 1985. c. C-46). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-342.1.html>

¹¹ См.: The Britain's Computer Misuse Act 1990. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18>

¹² См.: *Collier P. A., Spaul B. J.* A forensic methodology for countering computer crime // *Artificial Intelligence Review.* 1992. № 6 (2). P. 203–215 ; *Kanellis Panagiotis.* Digital crime and forensic science in cyberspace. IGI Publishing, 2006. 357 p. ; *Marshall A. M.* Digital forensics : digital evidence in criminal investigation. Wiley-Blackwell, 2008. 148 p. ; *Garfinkel S. L.* Digital Forensics Research : The Next 10 Years. Digital Investigation. 2010. № 7 (suppl.). P. 64–73 ; *Kirkpatrick K.* It's not the algorithm, it's the data // *Communications of the ACM.* 2017. № 60 (2): 21–23 ; и др.

¹³ См.: Federal Rules of Civil Procedure. URL: <https://www.uscourts.gov/file/34346/download>

¹⁴ См.: Federal Rules of Evidence. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>. Составляют одну из федеральных частей «УПК США».

¹⁵ См.: Identity Theft Enforcement and Restitution Act of 2008. URL: <https://www.findlaw.com/consumer/online-scams/the-identity-theft-enforcement-and-restitution-act.html>

- ¹⁶ Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#>
- ¹⁷ ISO. URL: <https://www.iso.org/home.html>
- ¹⁸ IEC. URL: <https://www.iec.ch/homepage>
- ¹⁹ ISO/IEC 17799:2005. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/39612.html>
- ²⁰ ISO/IEC 27037:2012. URL: <https://www.iso.org/standard/44381.html>
- ²¹ ISO/IEC 27042:2015. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:30121:ed-1:v1:en>
- ²² ISO/IEC 27043:2015. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/44407.html>
- ²³ ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200044724>
- ²⁴ См.: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 9 сентября 2014 г. № 1028-ст. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200112857>
- ²⁵ См.: URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2019/First-INTERPOL-fully-online-training-focused-on-digital-evidence>; <https://www.interpol.int/How-we-work/Innovation/Digital-forensics>
- ²⁶ INTERPOL Ballistic Information Network. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Firearms-trafficking/INTERPOL-Ballistic-Information-Network>
- ²⁷ См.: URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime>
- ²⁸ См.: Regulation on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/12/07/regulation-on-cross-border-access-to-e-evidence-council-agrees-its-position>
- ²⁹ См.: COM/2018/226 final – 2018/0107 (COD).
- ³⁰ Evidence2e-codex. URL: <https://evidence2e-codex.eu/>
- ³¹ См. подробнее: *Бирюков П. Н.* Имплементация в государствах – членах ЕС правил о Европейском следственном ордере // Вестник СПбГУ. Сер.: Право. 2019. № 3. С. 566–576.
- ³² См.: Бюллетень международных договоров. 2009. № 6.
- ³³ Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере ИТ 2018 г. URL: <https://base.garant.ru/72087644>
- ³⁴ См. подробнее: *Бирюков П. Н.* Цифровые доказательства в зарубежном уголовном процессе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. № 1 (48). С. 275–287.
- ³⁵ См. подробнее: *Jones A.* Building a Digital Forensic Laboratory. Butterworth-Heinemann, 2008. 312 p. ; *Various Eoghan Casey* (ed.). Handbook of Digital Forensics and Investigation. Academic Press, 2009. 567 p. ; *Arnes A.* Digital Forensics. Wiley et al. 2018 ; *Forensische technologie – IT forensic*. URL: <https://forentec.ch/> ; и др.
- ³⁶ См.: *Journal of Digital Forensics, Security and Law*. URL: <https://commons.erau.edu/jdfsl> ; *Journal of Digital Forensics, Security and Law. International Journal of Digital Crime and Forensics*. URL: <https://www.igi-global.com/journal/international-journal-digital-crime-forensics/1112> ; *Forensic Science International: Digital Investigation*. URL: <https://www.journals.elsevier.com/forensic-science-international-digital-investigation> ; *International Journal of Digital Evidence*. URL: <https://dblp.org/db/journals/ijde/index.html> ; *International Journal of Forensic Computer Science*. URL: <https://www.researchgate.net/journal/The-International-Journal-of-Forensic-Computer-Science-1809-9807>
- ³⁷ См.: *Sammons J.* The basics of digital forensics : the primer for getting started in digital forensics. Syngress, 2012 ; *Justicia Digital : una mirada internacional en época de crisis / Coord. Diana María Ramírez Carvajal – Fundación Red para el Estudio del Proceso y la Justicia*. Medellín : Editorial Justicia y Proceso, 2020. 721 p.

³⁸ См.: *Reith M., Carr C., Gunsch G.* An examination of digital forensic models // International Journal of Digital Evidence. 2002; *Carrier B.* Defining digital forensic examination and analysis tools // International Journal of Digital Evidence. 2003. № 1; *Carrier Brian D.* Basic Digital Forensic Investigation Concepts. 7 June 2006; Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System Identifying Technology and Other Needs to More Effectively Acquire and Utilize Digital Evidence / by S. E. Goodison, R. C. Davis, B. A. Jackson. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html; *Adams R.* The Advanced Data Acquisition Model (ADAM): a process model for digital forensic practice. 2012; *Carrier Brian D.* Risks of live digital forensic analysis // Communications of the ACM. 2006. № 49 (2). P. 56–61; *Crowley Paul.* Kevin Miller. CD and DVD Forensics. Rockland: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 202 p.; и др.

³⁹ См.: *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 94–119.

⁴⁰ См.: *Федотов Н. Н.* Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юридический мир, 2007. 433 с.; *Медведев И. В.* Компьютерная криминалистика. «Форензика» и киберпреступность в России // Пролог: журнал о праве. 2013. № 3. С. 66–69; и др.

⁴¹ См.: *Мещеряков В. А.* Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. 2014. № 4. С. 231–241; *Русанова Д. Ю.* Цифровая криминалистика: возможности и перспективы развития // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 12–4 (39). P. 142–145; *Скобелин С. Ю.* Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44; и др.

⁴² См.: Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. 702 с.; Криминалистика: учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2022. 560 с.; и др.

⁴³ См.: IT-справочник следователя / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.; *Вольнский А. Ф., Прорвич В. А.* Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М.: Экономика, 2020. 475 с.; *Мещеряков В. А.* Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике: монография. М.: Проспект, 2022. 176 с.

⁴⁴ См.: Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2021. 417 с.

⁴⁵ См.: URL: <https://bmstu.ru/chair/cifrovaia-kriminalistika>

⁴⁶ См.: URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-14.09.2017-N-627>

⁴⁷ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414300/

⁴⁸ См.: *Бастрыкин А.* При расследовании сложных преступлений развивается цифровая криминалистика. URL: <https://rg.ru/2021/10/18/bastrykin-pri-rassledovanii-prestuplenij-razvivaetsia-cifrovaia-kriminalistika.html>

⁴⁹ *Баев О. Я.* Избранные работы: в 2 т. Т. 1. С. 18.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Бирюков П. Н., доктор юридических наук,
профессор

Biriukov P. N., Doctor of Legal Sciences,
Professor

E-mail: birukovpn@yandex.ru

E-mail: birukovpn@yandex.ru

К. И. Дорофеев

Управление правовой информации
Договорно-правового департамента МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация: рассматриваются возможности специального программного обеспечения, предназначенного для выявления преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Приводятся примеры существующих зарубежных технологических инструментов, используемых для противодействия обороту материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Ключевые слова: специальное программное обеспечение, технологии искусственного интеллекта, предназначенные для противодействия распространению материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF COUNTERING CRIMES RELATED TO THE SEXUAL EXPLOITATION OF MINORS (EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES)

Abstract: using the capabilities of special software in process of detecting crimes related to the sexual exploitation of children. The author provide examples of existing foreign technological tools used to fight with the distribution of child sexual abuse materials.

Key words: special software, artificial intelligence combating online sexual abuse of children, child sexual abuse materials (CSAM).

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

20 ноября 2019 г. ознаменовалось 30-летием со дня принятия Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций «Конвенции о правах ребенка». Несмотря на значительный прогресс в продвижении прав детей во всем мире, в последние два десятилетия экспертным сообществом отмечается экспоненциаль-

ный рост сексуального насилия над детьми в сети Интернет.

Такое насилие расширяется за счет созданной цифровой инфраструктуры и предоставления недорогого хостинга для интернет-ресурсов. По последним оценкам специалистов, до 90 % общемирового оборота материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних приходится на страны Европы и Северной Америки. Между тем указанная проблема быстро распространяется

и на развивающиеся страны, поскольку они получают полный доступ к современным технологиям и средствам связи¹.

Противоправные посягательства в отношении детей имеют различные формы и проявления, которые могут выражаться в торговле несовершеннолетними в целях их сексуальной эксплуатации, получении сексуальных услуг несовершеннолетних (секс-туризм), совершении насильственных и ненасильственных преступлений в отношении половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, самостоятельном производстве несовершеннолетними изображений интимного и порнографического характера с последующим их обменом в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет (далее – ИТКС), и многом другом.

Отдельно стоит упомянуть об использовании злоумышленниками программного обеспечения, использующего технологии искусственного интеллекта (далее – технологии ИИ), для производства высококачественных трудно различимых аудиовизуальных подделок (deepfakes). С помощью данных технологий злоумышленники могут создавать модифицированные порнографические объекты (например, лицо порнографической модели заменяется лицом жертвы) для последующего воздействия на ребенка с целью получения новых материалов порнографического характера с его участием².

Приведенные обстоятельства свидетельствуют об активном использовании ИТКС для распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, что, в свою очередь, обуславливает необходимость использования правоохранительными органами возможностей современных технологических инструментов для сбора цифро-

вых следов в ИТКС для противодействия рассматриваемым видам преступлений.

Увеличение объемов сведений, подлежащих изучению, содержащихся на электронных носителях информации, изъятых в ходе процессуальных действий, привело к необходимости разработки и внедрения специального программного обеспечения (далее – СПО), способного автоматизировать деятельность по обнаружению и исследованию информации, запрещенной к свободному обороту.

В настоящее время к наиболее эффективным технологическим инструментам относится СПО, основанное на использовании технологий ИИ.

Отметим, что в рамках настоящей статьи нами используется терминологический аппарат, изложенный в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года³.

В целях противодействия обороту запрещенной информации в ИТКС (сведений о поощрении совершения суицида, реализации наркотических средств и психотропных веществ, распространении материалов, содержащих информацию экстремистского характера, материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и др.) используется различное программное обеспечение: поисковые веб-сканеры; реестры, содержащие сведения об адресах веб-сайтов и интернет-страниц, на которых обнаружена запрещенная информация; фильтры по отграничению запрещенной информации от сведений, находящихся в свободном доступе; программное обеспечение, предназначенное для блокирования доступа к сайтам в ИТКС, не предназначенным для ознакомления с их содержанием несовершеннолетними, и ряд других.

Так, Бюро Специального представителя и координатора Организации

по безопасности и сотрудничеству в Европе по борьбе с торговлей людьми совместно с некоммерческой организацией «Технология в борьбе с торговлей людьми» (Tech Against Trafficking) подготовлен отчет, в котором приведен обзор 305 технологических инструментов, подразделенных на 11 категорий⁴. В частности, в нем приводятся примеры использования СПО, предназначенного для выявления жертв сексуальной эксплуатации. Большинство данных технологических инструментов разработано в США и странах Евросоюза, распространяются на безвозмездной основе и могут быть беспрепятственно использованы национальными правоохранительными органами.

Применительно к преступлениям, связанным с оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в мировой практике используются следующие методы обнаружения указанной запрещенной информации, в том числе основанные на технологиях ИИ:

- хеширования;
- изучения содержания аудиовизуального материала;
- семантического анализа текста (поиск по ключевым словам);
- сетевой аналитики.

1. Технологии хеширования⁵.

Хеш-значение – это шестнадцатеричный код, который действует как цифровой отпечаток пальца для любого файла. Вероятность того, что два файла имеют одинаковое значение хеша, рассчитанного с помощью алгоритмов MD5 или SHA-1, крайне мала. По этой причине функция хеширования имеет различное применение, например, при использовании систем электронной подписи или в случае эксплуатации систем обработки информации различного назначения.

Однако и данная технология имеет свои ограничения⁶. Хеш-значение файла изменяется, как только файл модифицируется. Это может сделать как конечный пользователь, например, путем его обрезки, так и веб-сайт в процессе автоматической загрузки файла на сервер путем уменьшения размера или изменения первоначального формата файла.

С целью повышения точности обнаружения новых, ранее неустановленных материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних используется технология видеохеширования, основанная на алгоритмах ИИ. Примером здесь может выступить технологический инструмент под названием PhotoDNA, разработанный компанией Microsoft. В Европейских странах и в США указанный технологический инструмент стал отраслевым стандартом, который используется поставщиками электронных услуг (electronic service providers, ESP) с целью мониторинга своих серверов для обнаружения и блокирования запрещенной информации. Он также внедрен в различные СПО⁷.

2. Технологии изучения содержания аудиовизуальной информации.

Технологический инструмент под названием Griffeye использует технологии сверточных нейронных сетей и моделей глубокого компьютерного обучения. В связи с этим СПО осуществляет сканирование аудиовизуального объекта для распознавания, маркировки и классификации изображений и видео с целью обнаружения ранее неизвестных и не проиндексированных материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Также в СПО используются алгоритмы определения телесной наготы (цвет кожи, форма обнаженных органов и пр.), что позволяет обнаруживать изображения таких лиц даже в некачественных видеороликах. Кроме того,

алгоритмы данного СПО позволяют выделять лица людей, запечатленных в кадре, с целью последующего определения их возраста, исследовать звуковой ряд, а также оценивать движение тела изображенных людей, чтобы определить, относится ли исследуемый материал к категории порнографических. На основании используемых алгоритмом с высокой точностью делается вывод о наличии или отсутствии в исследуемом объекте материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних⁸.

Вместе с тем указанный подход требует использования больших вычислительных мощностей (ресурсы центральных процессоров и графических карт), которыми не всегда располагают государственные органы.

3. Технологии поиска по ключевым словам.

Данные инструменты осуществляют мониторинг в ИТКС на основании словарей ключевых слов, а также позволяют визуализировать связи между злоумышленниками на основании имеющихся данных. К примеру, такой технологический инструмент, как Tellfinder, осуществляет индексацию и хранит на своих серверах сотни тысяч онлайн-объявлений о сексуальных услугах, позволяя визуально строить связи (графы) на основании телефонных номеров и адресов электронной почты с привязкой к временным и геопространственным метаданным⁹.

Для выявления лиц, осуществляющих переписку с несовершеннолетними в режиме реального времени с целью получения от них порнографических изображений с их участием (груминг), также разработан ряд СПО. Например, технологии обработки естественного языка, используемые в виртуальных ассистентах (чат-ботах), применяются для чтения, понимания и общения с помощью устной и письменной речи. Примером

здесь может выступать технологический инструмент childsafe.ai, который ищет информацию о сексуальной эксплуатации людей на «закрытых» популярных веб-сайтах, расположенных в DeepWeb и DarkWeb¹⁰.

Также интересен опыт использования технологического инструмента Sweetie 2.0, который разрабатывался и как чат-бот, и как виртуальная десятилетняя филиппинская девочка с использованием технологий компьютерной анимации¹¹. Цель данного проекта заключалась в том, чтобы, используя трансляцию в режиме реального времени, количественно изучить распространенность сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в ИТКС. В результате проведенного эксперимента за два с половиной месяца с помощью данного СПО в ИТКС исследователи выявили тысячу потенциальных злоумышленников из 71 страны мира, сведения в отношении которых были переданы в Европол.

Вместе с тем в целях сокрытия своих действий злоумышленники часто меняют название файлов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. В этой связи целесообразно на постоянной основе отслеживать изменения терминологического аппарата, используемого лицами, совершаемыми педосексуальные посягательства в отношении детей.

4. Технологии сетевой аналитики.

Поскольку объем изображений, видео, голосовых и текстовых данных, распространяемых в ИТКС, продолжает расти в геометрической прогрессии, становится все более важным эффективно и точно анализировать тенденции в сети Интернет, обнаруживать потенциальные признаки сексуального насилия над детьми без обязательной проверки содержания данных.

Указанные технологические инструменты, используя статистические методы для обнаружения определенных тенденций и закономерностей, основанных на определенных признаках противоправного поведения, могут помогать выявлению возможных жертв сексуальной эксплуатации.

Примером может выступать технологический инструмент, разработанный некоммерческой организацией Thorn, позволяющий осуществлять анализ веб-трафика и других сетевых данных, связанных с размещаемой на сайтах в ИТКС сексуальной рекламой, необходимый для выявления потенциальных жертв, отслеживания потенциальных сетей злоумышленников, построения связей между продавцами и покупателями услуг жертв сексуальной эксплуатации.

Дальнейшее изучение и развитие технологий ИИ (прогнозная аналитика) для противодействия рассматриваемым видам преступлений позволит решать и более глобальные задачи. Так, прогностические модели, построенные на использовании технологий ИИ, в перспективе смогут с определенной долей вероятности определять категории лиц, склонных к совершению анализируемых преступлений, тем самым способствуя эффективному использованию ограниченных ресурсов правоохранительных органов.

Существуют и готовые технологические решения, которые объединяют все эти технологии. Примером здесь может выступить технологический инструмент – NuDetective (Бразилия). В четвертой версии данного СПО реализованы следующие функции: автоматическое обнаружение наготы; хеш-анализ аудиовизуальных изображений; контекстный поиск имен файлов, наиболее часто используемых педофильным сообществом; средства мо-

бильной криминалистики по изучению смартфонов на базе операционной системы Android с целью обнаружения цифровых следов, аналитические инструменты, позволяющие визуализировать обнаруженную информацию.

Данное СПО разработано специально для использования государственными органами при исследовании электронных носителей информации на месте проведения оперативно-следственных мероприятий с целью решения вопроса об определении круга объектов, подлежащих изъятию. По информации разработчиков данный технологический инструмент предоставляется бесплатно по заявке правоохранительных органов¹².

Вместе с тем создание универсального СПО в настоящее время представляется затруднительной задачей. Изложенное связано с различиями в законодательной регламентации указанных преступных деяний, что также обусловлено расхождениями в терминологии и описательных признаках, используемых правоохранительными органами с целью отнесения исследуемых объектов к категории порнографических (шкалы COPINE, SAP, Sexual Definitive Offences Guideline, CETS, I-KiZ).

Например, в странах с англо-саксонской правовой системой (США, Великобритания, Новая Зеландия, Австралия) предусмотрена уголовная ответственность в том числе за хранение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. В связи с этим в соответствии с требованиями судебной системы указанных стран при предоставлении материалов уголовного дела в суд сотрудники правоохранительных органов вынуждены осматривать и классифицировать каждый выявленный объект с запрещенной информацией (иногда их может быть свыше 500 тыс. файлов) вместо того, чтобы представить репрезентатив-

ную выборку изображений, демонстрирующих наиболее опасные формы сексуального взаимодействия взрослых лиц с несовершеннолетними¹³.

При этом для повышения результативности технологических инструментов, использующих технологии ИИ, производящие автоматизированную оценку аудиовизуальных объектов, такие СПО должны обучаться на общедоступных наборах данных (датасетах), доступ к которым затруднен по этическим и юридическим основаниям.

С целью решения указанных проблем многие зарубежные страны объединяют усилия академического сообщества (научные методы исследования), промышленности (наличие необходимого оборудования), бизнеса (готовые тех-

нологические платформы и имеющиеся разработки в сфере ИИ) и государственных органов (объекты криминалистического учета) для создания таких СПО.

В заключении статьи необходимо отметить, что опыт зарубежных стран по использованию технологий искусственного интеллекта в процессе противодействия преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, имеет определенный научный и практический интерес.

Кроме того, представленная нами информация заслуживает внимания в том числе и для решения задач по импортозамещению зарубежного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов¹⁴.

¹ См.: IWF Annual Report 2018 : Once Upon a Year. April 2019 / Internet Watch Foundation website. URL: <https://goo-gl.me/A82h3> (дата обращения: 31.10.2022).

² См.: Towards Responsible Artificial Intelligence Innovation : Second INTERPOL-UNICRI report on Artificial Intelligence for law enforcement. Page 61 / United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). URL: <https://goo-gl.me/6JjG2> (дата обращения: 31.10.2022).

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ См.: Использование инноваций в борьбе с торговлей людьми : комплексный анализ технологических инструментов (Вена, май 2020 г.) : Бюро Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми и Tech Against Trafficking / ОБСЕ. URL: <https://goo-gl.me/caXrw> (дата обращения: 31.10.2022).

⁵ Хеш-функция (collision-resistant hash-function) – функция, отображающая строки бит в строки бит фиксированной длины и удовлетворяющая определенным свойствам (см.: ГОСТ 34.11-2018. Межгосударственный стандарт. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хеширования : приказ Росстандарта от 4 декабря 2018 г. № 1060-ст).

⁶ См.: Guerra E., Westlake Bryce G. Detecting child sexual abuse images : Traits of child sexual exploitation hosting and displaying websites. September 2021. Child Abuse & Neglect.

⁷ PhotoDNA. Microsoft. Help stop the spread of child exploitation. URL: <https://goo-gl.me/nTPG3> (дата обращения: 31.10.2022).

⁸ См.: Artificial intelligence Combating Online Sexual Abuse of Children / Respect international. URL: <https://respect.international.com> (дата обращения: 31.10.2022).

⁹ Метаданные (metadata) или информация о ресурсе – идентифицируемый аспект или средства, которые соответствуют требованиям. Пространственные данные (spatial data) – данные о пространственных объектах, включающие сведения об их форме, местоположении и свойствах, в том числе представленные с использованием координат (см.: ГОСТ Р 57668-2017 (ИСО 19115-1:2014). Национальный стандарт Российской Федерации. Пространственные данные. Метаданные. Часть 1. Основные положения : приказ Росстандарта от 14 сентября 2017 г. № 1114-ст).

¹⁰ См.: Artificial intelligence Combating Online Sexual Abuse of Children...

¹¹ См.: Schermer B. W. et al. Legal Aspects of Sweetie 2.0 // Sweetie 2.0. Information Technology and Law Series. 2019. Vol. 31 (P. 1–94). Springer.

¹² См.: NuDetective Forensic Tool. URL: <https://goo-gl.me/Y0b7Y> (дата обращения: 31.10.2022).

¹³ См.: Dalins J. et al. Laying foundations for effective machine learning in law enforcement. Majura – A labelling schema for child exploitation materials // Digital Investigation. Vol. 26, September 2018. P. 40–54.

¹⁴ См.: О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 14. Ст. 2242.

Управление правовой информации Договорно-правового департамента МВД России

Дорофеев К. И., подполковник внутренней службы, старший эксперт отдела мониторинга законодательства и правовой пропаганды

E-mail: kdorofeev6@mvd.ru

Department of Legal Information of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Dorofeev K. I., Lieutenant Colonel of the Internal Service, Senior Expert of the Department of Legislation Monitoring and Legal Propaganda

E-mail: kdorofeev6@mvd.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА ОЛЕГА ЯКОВЛЕВИЧА БАЕВА

А н н о т а ц и я: рассматриваются взгляды профессора О. Я. Баева и ряда других ученых на криминалистическую версию как необходимый элемент информационной основы работы следователя и взаимодействующих с ним субъектов по раскрытию и расследованию преступления. Высказывается мнение автора об обоснованности суждения О. Я. Баева о том, что термин «версия» в его буквальном значении не может употребляться в течение всего процесса расследования. Отмечается значительный вклад ученого в развитие криминалистического учения о версии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическое учение, предварительное расследование, криминалистическая версия, обвинение, истина, научное наследие.

SOME ASPECTS OF THE FORENSIC VERSION IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR OLEG YAKOVLEVICH BAEV

A b s t r a c t: the article examines the views of Professor O. Ya. Baev and number of other scientists version on the forensic as a necessary element of the information basis for the work of the investigator and the subjects interacting with him on the disclosure and investigation of the crime. The opinion is expressed and substantiated on the validity of O. Ya. Baev's judgment that the term "version" in its literal meaning cannot be used during the entire investigation process. The significant contribution of the scientist to the development on the forensic theory of the version is noted.

Key words: forensic teaching, preliminary investigation, forensic version, accusation, scientific heritage.

Поступила в редакцию 27 сентября 2022 г.

Следственная (криминалистическая) версия – одно из базовых понятий, прочно устоявшееся и активно исследуемое в теории криминалистики, привычно используемое в практической деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Значение версии в ней невозможно переоценить, поскольку многие запутанные преступления были раскрыты, а совершившие их лица установлены и изобличены именно в результате

тщательной отработки рабочих версий, выдвижение и обоснование которых потребовало значительных затрат профессионального интеллекта, однако обеспечило построение четкого плана расследования, приведшего к положительному результату. Р. С. Белкин обоснованно отметил, что разработка вопросов версии неизбежно влечет за собой в том или ином аспекте вопросов планирования расследования в рамках единой частной криминалистической теории – учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования. Само по

себе выдвижение версий еще не имеет практического значения и не влечет никаких последствий. Вслед за выдвижением версии идет фаза определения «опорных пунктов» расследования, т. е. элемент его планирования¹.

Отечественное учение о криминалистической версии и планировании имеет значительную историю. В частности, В. И. Громов, не используя термина «версия», подчеркивал: «В тех случаях, когда собранные факты или доказательства по делу недостаточны для разрешения вопросов, связанных с исследуемым преступлением, – орган расследования, естественно, строит гипотезу, делает предположительные умозаключения о личности совершителя данного преступления, о способах его совершения и т. д.»². В связи с тем, что в настоящее время в криминалистической литературе содержится значительное количество определений понятия «версия», целесообразно привести отдельные из них. Незначительные лингвистические расхождения в содержании этих понятий не изменяют их сущности и значения.

Так, Я. Пещак полагает: «Следственная версия – это обоснованное собранными материалами предположение следователя о формах связи и причине отдельных явлений расследуемого события (или его в целом) как одно из возможных объяснений установленных к этому времени фактов и обстоятельств дела»³. Н. А. Селиванов рассматривает следственную версию как обоснованное фактическими данными предположение следователя о факте, группе фактов, направленное на установление истины по делу. В обоснование следственной версии могут входить не только доказательственные факты, но и оперативные данные⁴. Более широко рассматривает версию Р. С. Белкин, трактуя ее как обоснованное предположение относительно от-

дельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание, служащее целям установления объективной истины⁵. Н. А. Данилова и О. Н. Коршунова определяют криминалистическую версию как построенное в соответствии с законами логики, обоснованное фактическими данными и подлежащее проверке в установленном законом порядке предположение о механизме преступления в целом или отдельных его элементах, о пространственно-временных, причинно-следственных связях между обстоятельствами, подлежащими исследованию и доказыванию по уголовному делу⁶.

Определения понятия криминалистической (следственной) версии содержатся также в работах Л. В. Берговского, А. Н. Васильева, И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина, В. Д. Зеленского, И. М. Комарова, А. М. Ларина, В. А. Образцова, А. Р. Ратинова, Н. А. Якубович и других известных ученых-криминалистов.

В трудах профессора О. Я. Баева исследование проблем версионного подхода к организации и проведению расследования занимает значительное место. Ввиду ограничения допускаемого объема статьи, назовем основные исследованные им положения. Олег Яковлевич Баев обоснованно констатировал, что при определении данного понятия и уяснении его сущности необходимо исходить из общепринятого представления о версии как о гипотетическом суждении в виде предположения, выдвигаемого для объяснения какого-либо явления и требующего его верификации. В связи с этим он отметил: «В сути своей версия выступает как предполагаемая с той или иной степенью обоснованности причина известных на момент ее выдвижения

следствий – результатов преступления, других материальных и идеальных следов от него»⁷. Предположительный характер версии О. Я. Баев объяснял тем, что полученные на определенный момент расследования сведения обычно установлены и исследованы далеко не полностью. Они допускают весьма различную их интерпретацию, а потому по одним и тем же следствиям (на их основе и должны быть!) выдвинуты и сформулированы все возможные различные, вызвавшие их появление, предполагаемые причины – версии⁸.

Чрезвычайно важно и актуально сформулированное О. Я. Баевым положение о том, что при выдвижении версий недопустимо ограничиваться только одним представляющимся наиболее правильным суждением о возможных обстоятельствах преступления и круге лиц, к которому наиболее вероятно может принадлежать искомый преступник. Напротив, следует стремиться найти различные объяснения причинам и обстоятельствам возникновения полученной информации и на этой основе выдвинуть и обосновать максимальное количество версий. Эти версии не должны носить отвлеченного характера, т. е. быть реально вытекающими из результатов имеющихся в распоряжении следователя сведений, причем полученных не только из процессуальных источников. О. Я. Баев постоянно напоминал, что основанием для выдвижения любой следственной версии является соответствующая ей, обуславливающая необходимость ее выдвижения информация, касающаяся уголовно-релевантных фактов и обстоятельств, независимо от источников ее получения следователем⁹. В этом плане, разумеется, в первую очередь следует иметь в виду необходимость тесного и постоянного взаимодействия следователя с сотрудниками подразделений,

осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Представляемые им в следственные органы сообщения о результатах проведенных оперативно-разыскных мероприятий в совокупности со сведениями, полученными процессуальным путем, могут существенно повысить обоснованность выдвигаемых версий и указать верные направления их исследования. В определенных случаях материалы оперативно-разыскной деятельности могут быть основанием для выдвижения реальной рабочей версии и в последующем способствовать получению доказательств¹⁰. К сожалению, на практике нередко случаи игнорирования следователями возможностей такого взаимодействия, являющегося одним из базовых принципов криминалистической методики расследования, а также оставления без внимания полученной от оперативных работников информации.

О. Я. Баев обоснованно обращал внимание на суждения специалистов-криминалистов как разновидность информационного обоснования для выдвижения следственных версий. Несмотря на их предположительный характер, они нередко заслуживают внимания и при их целенаправленном исследовании обеспечивают установление и изобличение преступника. Например, в последние годы все большее значение придается использованию в раскрытии и расследовании преступлений электронным носителям информации, а также следам применения электронных устройств. В одном из случаев проверки заявления об изнасиловании следователь, проводивший осмотр указанного заявительницей места совершенного над ней надругательства, обнаружил пустую бутылку из-под водки. По словам заявительницы, эта бутылка находилась в руках одного из двоих напавших на нее субъектов. Поскольку на бутылке находился штрих-код кассово-

го аппарата торгового учреждения, следователь предположил, что водка могла быть приобретена преступниками незадолго до совершенного ими деяния в расположенном поблизости магазине. Незамедлительная проверка подтвердила это, а также помогла установить время продажи водки. В свою очередь, просмотр записей с имеющихся в этом магазине камер внутреннего наблюдения способствовал получению сведений о внешности приобретавших водку лиц. Эта информация использовалась в выдвижении версии о совершении ими изнасилования. После их задержания была получена достаточная совокупность изобличающих их неопровержимых доказательств.

С учетом того, что многие преступления совершаются без очевидцев, а на момент обнаружения их признаков отсутствует достаточный объем информации, позволяющей выдвинуть реальную рабочую версию, О. Я. Баев справедливо указывал на возможность и необходимость проверки на данном этапе типичных версий. Он пишет, что на первоначальном этапе расследования преступления, чаще всего при отсутствии опосредованного уголовного преследования, при наличии, как правило, лишь минимальной информации по конкретному делу объективность его может быть обеспечена лишь исследованием события именно в разрезе, с позиций соответствующих типичных версий¹¹. Данные версии имеют ориентирующее значение, но вместе с тем в определенной мере способствуют верной оценке имеющихся исходных данных, а в последующем – построению на их основе уже конкретной версии¹². При этом О. Я. Баев совершенно верно возражает, например, мнению профессора А. М. Ларина о том, что типичные версии не являются криминалистическими, поскольку они представляют собой не предположительное, а положительное значение,

отражающее не конкретную ситуацию, а все известные, обобщенные предыдущей практикой ситуации данного рода¹³. Отмечая то важное значение, которое имеют типичные версии, ученый справедливо пишет: «Именно на основе типичных версий криминалисты создают системы типовых версий по расследованию преступлений отдельных видов... Следственная практика показала достаточную их работоспособность. Смысл и задача создания типовых версий – это оптимизация следственного поиска на основе своевременного выдвижения версий по фактам и обстоятельствам, которые, как показывает корреляционный анализ материалов следственной и судебной практики, наиболее вероятны для вида преступлений, к которому относится и расследуемое деяние»¹⁴.

Постоянно подчеркивал О. Я. Баев и то, что проверка версий может и должна осуществляться в рамках уголовно-процессуального закона и направленности на установление перечисленных в нем обстоятельств предмета доказывания. По этому поводу он подчеркивал: «Когда-то А. В. Суворов сказал, что каждый солдат должен понимать свой маневр. Для всех профессиональных участников уголовно-процессуального исследования преступлений, в первую очередь, для органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование, их “маневры” – закон»¹⁵.

Владение навыками выдвижения обоснованных версий и определения действительно верных путей, правильный выбор средств их проверки – непреходящий показатель служебной состоятельности работников следственных, оперативно-разыскных органов, базирующийся как на практическом опыте, так и на знании научных основ выдвижения и анализа их оснований, содержащихся в материалах уголовного дела и оперативно-служебных документах. Только при

этих условиях возможно сосредоточение совместных усилий на проверке реально вытекающих из них версий при соблюдении условия о критическом отношении к ним во избежание возникновения пристрастности относительно фактического значения полученных результатов¹⁶.

В одной из работ, изданных до введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г., О. Я. Баев, как может показаться, заблуждался, назвав в числе версий, классифицируемых по субъекту выдвижения, в том числе судебные версии¹⁷. Однако можно ли это мнение рассматривать как заблуждение? Следует учитывать, что в действовавшем на тот период постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» разъяснялось: «В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии» (п. 4). В ныне действующем постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 с одноименным названием подобного положения не содержится, но в п. 1 разъясняется, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. При этом Пленум воздержался от использования криминали-

стического термина «версия», подчеркнув обязанность установления истины в судебном разбирательстве.

В связи с этим вызывают вопросы еще встречающиеся в официальных источниках сообщения должностных лиц правоохранительных органов о направлении в суды уголовных дел, в которых по версии органа расследования сделан вывод о совершении преступлений теми или иными лицами. Употребление данного термина в подобных случаях не только некорректно, но и юридически безграмотно. Лицам, уголовные дела в отношении которых направлены в суды, предъявлено обвинение, а в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение – это утверждение (но не предположение. – *прим. авт.*) о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном данным Кодексом.

В связи с этим О. Я. Баев совершенно обоснованно сформулировал выводы, в соответствии которыми, во-первых, выдвижение и проверка версий, безусловно, направлены на установление истины, т. е. подлинных обстоятельств преступления, и не допускающее сомнения подтверждение достаточными доказательствами факта его совершения конкретным лицом. В то же время ученый точно подчеркнул, что лишь когда и только когда практическая проверка докажет существование – и докажет достоверно, однозначно – существование всех необходимых следствий, вытекающих из общей и частных версий, они перестанут быть версиями и превратятся в истину¹⁸.

Научное наследие профессора Олега Яковлевича Баева – существенная составляющая общего золотого фонда отечественной криминалистической науки. Его изучение, использование, творческое развитие – неперемнная задача практических и научных работников.

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М. : Академия МВД СССР, 1978. Т. II. С. 284.

² *Громов В. И.* Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступления. Осмотр места происшествия : сб. науч. трудов (перепеч. с изданий 1926, 1929, 1931 гг.). М. : ЛекстЭст, 2003. С. 429.

³ *Пещак Я.* Следственные версии. М. : Юрид. лит., 1976. С. 132.

⁴ *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика : система понятий : монография. М. : Юрид. лит., 1982. С. 107.

⁵ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : учебный словарь-справочник. М. : Юристъ, 1999. С. 22.

⁶ Курс криминалистики. Т. 1: Общая теория криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр, 2016. С. 178.

⁷ *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М. : Экзамен, 2001. С. 114.

⁸ См.: *Баев О. Я.* Криминалистика. Лекционный курс : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮСТИЦИЯ, 2017. С. 97.

⁹ См.: *Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности) : научно-практическое издание. М. : Прометей, 2017. С. 439.

¹⁰ Следует иметь в виду, например, разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации, содержащиеся в его определении от 28 сентября 2017 г. № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урманцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»». В соответствии с ними положения УПК РФ и Закона об оперативно-розыскной деятельности находятся в системной взаимосвязи. Если образцы голоса подозреваемого, обвиняемого в силу их специфичности не могут быть получены в рамках предусмотренной процессуальной процедуры, даже принудительным путем, если лицо отказывается от их предоставления следователю, то это делает невозможным реализацию положений статьи 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства, защите прав потерпевших от преступлений. В этих условиях получение образцов голоса для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных действующим законодательством и не противоречащих требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Получение образцов для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, позволяющее объективно установить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, – это действие, при проведении которого лицо не понуждается к свидетельствованию против самого себя по смыслу статьи 51 Конституции Российской Федерации, не делает заявлений о своей виновности и не представляет каких-либо доказательств. При этом сам по себе образец не является доказательством, а служит предметом для исследования, средством для проведения следственных действий и получения доказательства, которое подлежит проверке и оценке по правилам статей 87 и 88 УПК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022). Данное определение не публиковалось.

¹¹ См.: *Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). С. 442–443. При этом ученый справедливо отмечает, что смысл и задача создания систем типовых версий – это оптимизация поиска на основе своевременного выдвижения версий по фактам и обстоятельствам, которые, как показывает корреляционный анализ

обобщенных материалов следственной и судебной практики, наиболее вероятны для вида преступлений, к которому относится и расследуемое деяние (Баев О. Я. Указ. соч. С. 444).

¹² Н. А. Селиванов в связи этим верно, по нашему мнению, констатирует, что типичная (типовая) версия представляет собой сделанное на основе опыта следственной работы или в результате научного исследования общее суждение о закономерной связи между определенными фактами, обстоятельствами. При построении конкретной версии типовая служит большей посылкой силлогизма, в котором меньшей посылкой являются определенные фактические данные по конкретному делу. Конкретная же версия здесь есть не что иное, как вывод из этого силлогизма (См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика : система понятий. С. 108–109).

¹³ См.: Ларин А. М. От следственной версии – к истине. М. : Юрид. лит., 1976. С. 8–9.

¹⁴ Баев О. Я. Основы криминалистики. С. 125.

¹⁵ Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : система и ее качество. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 86.

¹⁶ По этому поводу еще Ганс Гросс наставлял: «Нередко предубежденный взгляд вырабатывается вследствие неправильного отношения к делу, совершенно так же, как в оптическом отношении можно известный предмет видеть совсем иначе лишь благодаря особому его положению; так же точно и в психическом отношении можно рассматривать известное событие неправильно и не быть в состоянии отрешиться от своего впечатления, более того, постоянно стремиться к тому, чтобы свое “предвзятое убеждение” оправдать. В таких случаях предубежденные взгляды, хотя бы несущественные, могут иметь роковые последствия» (Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 28).

¹⁷ См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. С. 120.

¹⁸ См.: Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики // Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж : Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2011. Т. II. С. 57.

Московский государственный областной университет

Исаенко В. Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: viach.isaencko2015@yandex.ru

Tel.: 8-916-557-90-44

Moscow State Regional University

Isaenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: viach.isaencko2015@yandex.ru

Tel.: 8-916-557-90-44

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: рассматриваются проблемы понимания и применения такого понятия, как следы преступлений. Изучаются подходы различных ученых к особенностям следовой картины киберпреступлений. Обосновывается необходимость использования термина «цифровые следы», раскрывается его значение.

Ключевые слова: киберпреступления, преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, следы преступлений, цифровой след, электронный след, виртуальный след.

TRACES OF CYBERCRIME

Abstract: the article deals with the problems of understanding and applying such a concept as traces of crimes. The approaches of various scientists to the features of the trace picture of cybercrime are being studied. The necessity of using the term digital traces is substantiated, its meaning is revealed.

Key words: cybercrimes, crimes committed using information technology, traces of crimes, digital footprint, electronic footprint, virtual footprint.

Поступила в редакцию 21 ноября 2022 г.

По мнению О. Я. Баева, одной из важных тем, составляющих основы науки и учебной дисциплины криминалистики, является учение о следах¹.

Вопросы, касающиеся сущности, понятия и классификации следов, достаточно полно и глубоко исследованы в работах О. Я. Баева и других отечественных криминалистов².

Согласно положениям этих работ, «в самом общем и широком смысле слова след в криминалистике – это любое изменение, любое отражение, любая информация, причинно обусловленные любой стадией совершения преступления, которые можно использовать для их процессуального исследования»³.

Следы в криминалистике традиционно подразделяются на две основные группы:

1) материальные следы. К ним относятся «отпечатки» события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и (или) организме потерпевшего, обстановке события и т. д.;

2) идеальные следы – отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление и (или) к нему прикосновенных (потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т. д.).

К материальным следам относятся:

- следы-отображения;
- следы-предметы;
- следы-вещества.

При этом следы-отображения – «отображение морфологических особенностей внешнего строения объекта, име-

ющего устойчивые пространственные границы, образующиеся в результате взаимодействия, сопряженного с событием преступления»⁴.

«Следы-предметы – это материально оформленные объекты, возникновение, перемещение или изменение состояния которых связано с подготовкой, совершением или сокрытием преступления.

Следы-вещества – это небольшие количества жидких, пастообразных или порошковых веществ, чье размещение, форма и размеры отображают механизмы следообразования, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступления»⁵.

При совершении киберпреступлений следы этих преступлений имеют свои особенности, связанные, во-первых, с тем, что совершение таких преступлений преследует в большинстве случаев цель какого-либо воздействия на цифровую информацию: программы и данные, и, во-вторых, с большим разнообразием электронных носителей информации, имеющих различную природу – память разнообразных электронных устройств, информационно-телекоммуникационные сети, распечатки с принтера и т. д., для работы с которыми необходимы различные технические средства, навыки и специальные познания.

В научной литературе уже более 20 лет ведется дискуссия о необходимости введения специальных понятий для описания таких следов.

Так, авторы работы «Расследование компьютерных преступлений» указывают, что «среди типичных материальных следов компьютерных преступлений можно выделить специфические следы, которые можно назвать “компьютерными следами”».

И относят к «компьютерным» следам:

- так называемую «дату»: день недели, часы, минуты;

- отсутствие необходимой информации или, наоборот, существенное изменение информации или ложную информацию;

- специальные программы (например, для преодоления защиты), алгоритмы ложных условий, подобранные пароли, коды, идентификационные шрифты;

- частые сбои в процессе работы компьютера;

- участвовавшие жалобы клиентов компьютерной системы или сети;

- изменения в структуре каталогов, папок и файлов (удаление, добавление новых, изменение имени, объема атрибутов и дат рождения)⁶.

В. Е. Козлов, также относя следы преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники и информации к материальным следам, отмечает, что «существенным моментом в образовании следов-отображений при совершении компьютерных преступлений, является то, что в качестве следообразующего объекта выступает, по нашему мнению, «виртуальный» объект – система команд ЭВМ. Введение понятия виртуального следообразующего объекта для классификации следов компьютерных преступлений представляется целесообразным и обусловлено тем, что система команд ЭВМ, направленных на создание и модификацию файлов, является следствием воздействия как пользователя, так и технологических процессов, вызванных аппаратным или программным обеспечением ЭВМ без участия человека. Таким образом, понятие виртуального объекта наиболее полно соответствует термину следообразующего объекта»⁷. И далее для описания таких следов предлагает термин «файловые следы».

Ю. В. Гаврилин считает, что «следы неправомерного доступа к компью-

терной информации подразделяются на два вида: традиционные следы, рассматриваемые трасологией, и нетрадиционные – информационные следы. ...Информационные следы образуются в результате воздействия (уничтожения, модификации, копирования, блокирования) на компьютерную информацию путем доступа к ней и представляют собой любые изменения компьютерной информации, связанные с событием преступления»⁸. Данное определение, на наш взгляд, неправомерно исключает такие часто встречаемые следы преступлений, как сбои в работе автоматизированной системы.

А. Г. Волеводз, не вводя специальных терминов для описания следов преступлений в сфере компьютерной информации, считает, что «следы преступлений в сфере компьютерной информации носят специфический характер, который определяется специфичностью самого понятия “информация”»⁹.

А. В. Остроушко считает, что одним из элементов системы следообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации являются нетрадиционные материальные следы преступления в виде компьютерной информации¹⁰.

В. А. Мещеряков пишет, что «при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации мы сталкиваемся с особой группой следов, так называемыми “виртуальными” следами, т. е. следами, сохраняющимися в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающей промежуточное положение между материальными и идеальными»¹¹.

Но в последние годы большинство авторов склоняются к использованию терминов «цифровые, электронно-цифровые или электронные следы», «к ко-

торым относят криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, ее обработки, хранения и передачи»¹².

Е. С. Переверзева и А. В. Комов в своей работе обосновывают существование понятий и виртуального, и цифрового следа, соотносящихся между собой как часть и целое.

«Виртуальные следы – это определенные изменения в сетевом виртуальном пространстве со всеми протекающими в нем информационными процессами, непосредственно связанные с механизмом совершения преступления и зафиксированные в электронном поле.

При изложенном подходе к виртуальным следам цифровые следы будут представлять собой информацию, зафиксированную на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающуюся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов.

На основе представленного подхода следует, что будет присутствовать целый ряд различий между цифровыми следами (как целого) и виртуальными (как части целого)...»¹³.

Мы не согласны с данным подходом. На наш взгляд, термины «цифровые» и «виртуальные» – это указание на различные свойства этих следов.

Основная отличительная особенность следов киберпреступлений связана с тем, что в сетях физическое местонахождение следовой информации и ее носителей (например, конкретного физического сервера) может быть вообще не установлено или он может быть физически недоступен, а возможен только виртуальный доступ по компьютерным сетям. Причем очень часто для следствия физическое местонахождение ис-

комой компьютерной информации не имеет какого-либо значения, так как при ее осмотре и исследовании происходит изучение ее виртуальной копии, передаваемой и преобразуемой с помощью телекоммуникационных устройств, что и отличает рассматриваемый вид следов от традиционных и говорит об их виртуальной природе. Кроме того, получаемые следы внутренне не надежны (благодаря своей природе), так как их можно неправильно считать (например, используя программно-технические средства, основанные на различных соглашениях, легко подделать). И в данном случае им также подходит характеристика «виртуальные» следы. Но несмотря на это эти следы хранятся на электронных носителях и получаются с использованием технических средств, действующих в строгом соответствии с заложенными в них алгоритмами.

И при криминалистическом исследовании информации, на наш взгляд, наиболее существенным является именно цифровой способ представления информации, обрабатываемой информационными технологиями, т. е. способ двоичного кодирования и декодирования такой информации. Представление информации осуществляется с помощью двух символов – 0 и 1, которые позволяют соответствующими способами двоичного кодирования представить и обработать техническими средствами для достижения поставленной задачи любую информацию. В качестве таковых может выступать текст, фотоизображения, видеозаписи, фонограммы, графика и т. п.

Также в литературе встречается понятие электронного следа¹⁴.

7 декабря 2011 г. ст. 272 УК РФ была дополнена примечанием о том, что «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сиг-

налов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Таким образом, законодатель отказался от прямого перечисления устройств, способных хранить, обрабатывать и передавать компьютерную информацию, как это было ранее, тем самым расширив сферу действия данной статьи, и сделал акцент на форме представления информации.

Введение этого термина в УК РФ вызвало более широкое использование в юридической практике терминов «электронный» и «электрический». Так, в статье, посвященной хранению вещественных доказательств, появился новый вид вещественных доказательств – доказательства в виде электронных носителей информации, в статьях, посвященных следственным действиям, – положения, касающиеся порядка изъятия и возвращения электронных носителей информации. В научной литературе появился термин «электронная информация». Но мы согласны с С. П. Кушниренко, который, анализируя термин «электронная информация», приходит к выводу, что «слово “электронный” происходит от “электрический” и является слишком широким по смыслу: оно охватывает многие сферы человеческой деятельности и явления. Некоторые из них еще не исследованы до конца. Так, например, «электронной информацией» вполне обоснованно можно назвать те импульсы, которые передаются по нервной системе человека. Они имеют электрическую природу и, несомненно, несут определенную информационную нагрузку, однако вряд ли станут предметом исследования криминалистической науки в ближайшее время¹⁵.

Таким образом, термины «электронный» и «электрический» указывают на внешнюю форму и способ восприятия информации и могут употребляться либо для указания типа устройства хранения информации, например, «элек-

тронные носители информации», либо для указания формы существования информации – «информация в электронном виде», «информация в электронной форме». Использование терминов «электронная информация» и «электронные следы» мы считаем некорректным.

Поэтому, как нами уже указывалось выше, при изучении следов киберпреступлений акцент должен делаться именно на цифровой сущности рассматриваемых следов; электронная природа носителя учитывается, однако интерес вызывает в первую очередь сама цифровая информация, а не ее носитель.

Поэтому мы считаем, что более перспективным и универсальным примени-

тельно к уголовному процессу и криминалистике является использование термина «цифровые следы».

Таким образом, цифровой след – это любое изменение состояния информационной системы, вызванное системой команд, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде цифровой информации на электронном носителе. Причем эта система команд может являться результатом как непосредственных действий пользователя с использованием какой-либо информационной технологии, так и результатом действия аппаратно-программного обеспечения электронного устройства без участия человека.

¹ См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М. : Экзамен, 2001. С. 1.

² См.: например: *Крылов И. Ф.* Криминалистическое учение о следах. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976 ; *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М. : Экзамен, 2001.

³ См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. С. 55.

⁴ *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : БЕК, 1997. С. 201.

⁵ *Агафонов В. В., Филиппов А. Г.* Криминалистика : вопросы и ответы : учеб. пособие. М. : Юриспруденция, 2000. С. 24.

⁶ См.: *Расследование компьютерных преступлений : учеб. пособие / [под ред. В. И. Комиссарова]*. Саратов : СГАП, 2000. С. 31.

⁷ *Козлов В. Е.* Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М. : Горячая линия-Телеком, 2002. С. 144.

⁸ *Гаврилин Ю. В.* Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 5.

⁹ *Волеводз А. Г.* Противодействие компьютерным преступлениям : правовые основы международного сотрудничества. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 153.

¹⁰ См.: *Остроушко А. В.* Организационные аспекты методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 17.

¹¹ *Мещеряков В. А.* Механизм следообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Тула, 2000. Вып. 3. С. 167.

¹² *Россинская Е. Р., Рядовский И. А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.

¹³ *Переверзева Е. С., Комов А. В.* Виртуальные и цифровые следы : новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

¹⁴ См.: *Перов В. А.* Доказательственное значение электронных следов при расследовании преступлений с использованием блокчейн-технологий // *Российский следователь*. 2021. № 4. С. 38–40.

¹⁵ См.: *Кушниренко С. П.* Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // *Вестник криминалистики*. 2006. № 2. С. 43–47.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics
Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ О ПАРАМЕТРАХ ТОРМОЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В УСЛОВИЯХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

А н н о т а ц и я: показаны пути повышения достоверности исходных данных автотехнической экспертизы, проводимой при расследовании дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями. Предложен к применению на практике один из способов получения исходных данных для проведения автотехнических экспертиз и исследований обстоятельств ДТП.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза ДТП, автотехническая экспертиза, параметры торможения, график торможения.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO OBTAINING INITIAL DATA ON VEHICLE BRAKING PARAMETERS UNDER THE CONDITIONS OF A ROAD ACCIDENT

A b s t r a c t: the article shows ways to increase the reliability of the initial data of the autotechnical expertise carried out in the investigation of cases related to road accidents. Proposed for use in practice is one of the ways to obtain initial data for conducting autotechnical examinations and research into the circumstances of an accident.

Key words: road accident expertise, autotechnical expertise, braking parameters, braking schedule.

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Созданная еще в Советском Союзе система безопасности дорожного движения включала в себя важнейшую научно-техническую составляющую – экспертизу дорожно-транспортных происшествий. Государственная поддержка этого направления позволила в прошлом столетии заложить прочнейший фундамент данного направления экспертной деятельности. Созданный в прошлом столетии научно-методический базис, поддерживаемый современными деятелями в области экспертизы дорожно-транспортных происшествий, позво-

ляет Российской школе экспертизы дорожно-транспортных происшествий считаться сильнейшей в мире.

Наследие советской экспертной школы было достаточно подробно скомпоновано в учебном пособии В. А. Иларионова «Экспертиза дорожно-транспортных происшествий»¹, в котором среди прочего сформулирована как вид экспертизы дорожно-транспортных происшествий.

«Экспертизой ДТП называют комплексное научно-техническое исследование всех аспектов каждого происшествия в отдельности, проведенное лицами, имеющими специальные познания в науке, технике или ремесле. Экспертиза требует использования информации из

самых разных областей знания: юриспруденции; криминалистики медицины; психофизиологии; конструкции, теории и расчета транспортных средств, технологии их изготовления, обслуживания и ремонта; проектирования, строительства и эксплуатации дорог; организации и безопасности дорожного движения и др.

Под транспортными средствами в дальнейшем подразумеваются все типы автомобилей (легковые, грузовые, автобусы, специальные) и автопоездов (буксирные, седельные), мотоциклы и мопеды, трактора (колесные и гусеничные), самоходные машины и механизмы (автокраны, погрузчики, комбайны), а также средства городского электротранспорта (трамваи, троллейбусы)».

Наиболее значимым для исследования обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, связанных как со столкновением транспортных средств, так и с наездами на препятствие (в том числе и наездами на пешеходов), является сравнение величины остановочного пути с величиной удаления транспортного средства от места столкновения (наезда) в момент возникновения опасности для движения. На величину остановочного пути влияют тормозные свойства транспортного средства участника ДТП непосредственно на месте и в момент происшествия. По данным параметрам в традиционной автотехнической экспертизе и производится расчет времени (или расстояния) на снижение скорости, требуемого для предотвращения водителем дорожно-транспортного происшествия с момента возникновения опасности для движения.

Параметры торможения автомобильного транспортного средства (АТС) являются одними из основных исходных данных при исследовании дорожно-транспортных ситуаций (ДТС) и про-

изводстве экспертизы дорожно-транспортных происшествий.

Основанный на технологических возможностях середины прошлого века подход к расчету параметров движения (определение скорости по длине следа торможения) и параметров торможения (расчет остановочного пути по скорости и усредненным параметрам торможения) при своей универсальности в целом связан с действительной обстановкой на месте происшествия только по косвенным признакам.

Еще в начале XXI в. ЭКЦ МВД РФ опубликовал результаты работ, в которых выявлена зависимость параметров торможения не только от факторов, которые должны были фиксироваться в протоколах осмотров мест дорожно-транспортных происшествий². Соответственно, методически обоснованные³ табличные исходные данные о параметрах торможения транспортных средств достоверно соответствовали только ряду дорожных условий, исключительно совпадавших с условиями проведения серий испытаний, результаты которых были занесены в таблицы. Причем абсолютные величины предлагаемых авторами параметров торможения (в частности, установившегося замедления) транспортных средств не совпадают с данными, приведенными как в ГОСТ 25478-91 (утратившем силу), так в ГОСТ Р 51709-2001 и ГОСТ 33997-2016. Авторы методических рекомендаций со ссылкой на методические рекомендации «Применение в экспертной практике параметров торможения автотранспортных средств» от 1995 г. отмечают: «Значения параметров торможения следует определять путем проведения контрольного торможения АТС – участника ДТП – на участке дороги, где имело место ДТП»⁴. Они указывают на необходимость экспериментального получения параметров тормо-

жения в условиях приближенных к условиям ДТП.

Современный уровень развития науки и техники для получения экспериментальных параметров торможения позволяет применять приборную базу по размерам, массе и способам установки, не влияющей на исследуемые параметры движения транспортного средства.

В качестве примера экспериментального получения параметров торможения использовался программно-аппаратный комплекс, основанный на GPS-трекинге, – прибор PerformanceBox – GPS-логгер, позволяющий фиксировать перемещение транспортного средства в пространстве.

В ходе проведения экспериментальной части исследования, положенного в основу данной статьи, было проведено несколько сотен экспериментов, в ходе которых при помощи программно-аппаратного комплекса компании Racelogic Co, фиксировавшего данные о положении в пространстве транспортного средства с частотой 10 Hz, фиксировались данные о перемещении (изменении положения в пространстве) транспортных средств, управляемых водителями-статистами. На основании зафиксирован-

ных параметров при помощи программной части данного комплекса анализировались основные параметры движения транспортного средства, такие как перемещение, скорость, ускорение (замедление) и их изменения.

Все параметры, полученные при помощи данного аппаратного комплекса, фиксировались на SD-карту памяти, данные с которой в дальнейшем обрабатывались на компьютере и с помощью программного обеспечения «PerformanceBox Tools» устанавливались ускорение, скорость и т. д.

Компактные габариты аппаратной части комплекса и его незначительный вес позволяют пренебречь его влиянием на ход эксперимента.

Скорость движения до начала торможения выбиралась водителем с учетом требуемых условий испытания при условии соблюдения ПДД РФ и мер безопасности.

Условия эксперимента: светлое время суток, сухие участки дорог с асфальтированным покрытием, входящие в дорожную сеть московского региона.

Результаты испытаний могут приводиться как в табличном виде, так и в виде графиков (рис. 1–3).

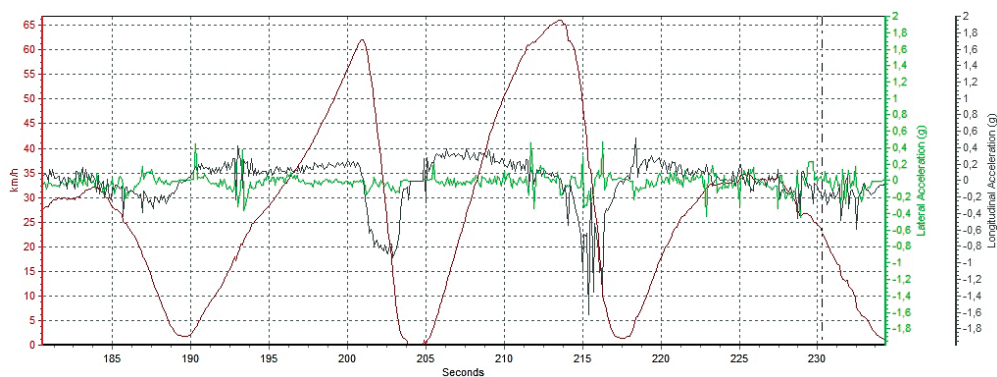

Рис. 1. Параметры движения автомобиля по времени с 180 по 230 с испытания при отключенной «системе стабилизации»

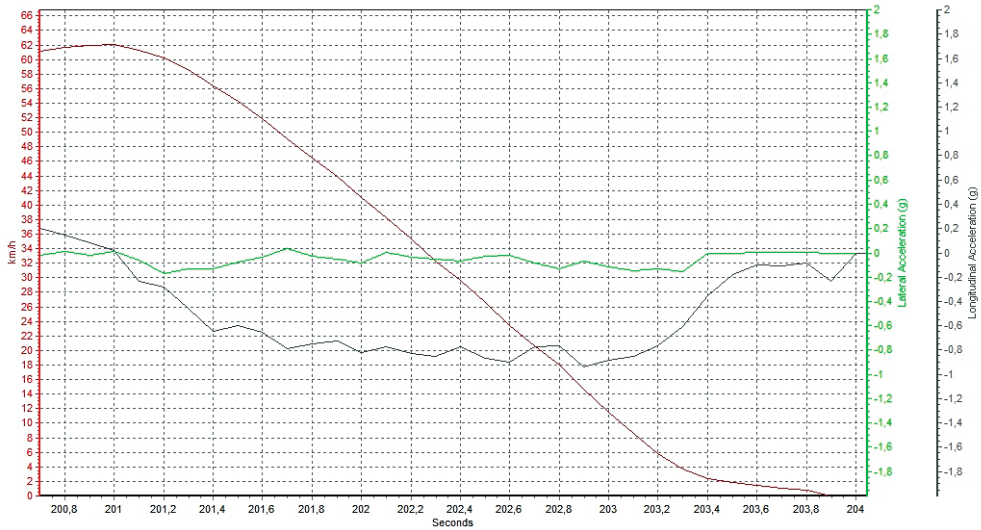

Рис. 2. Параметры движения автомобиля по времени с 200,7 по 204 с испытания

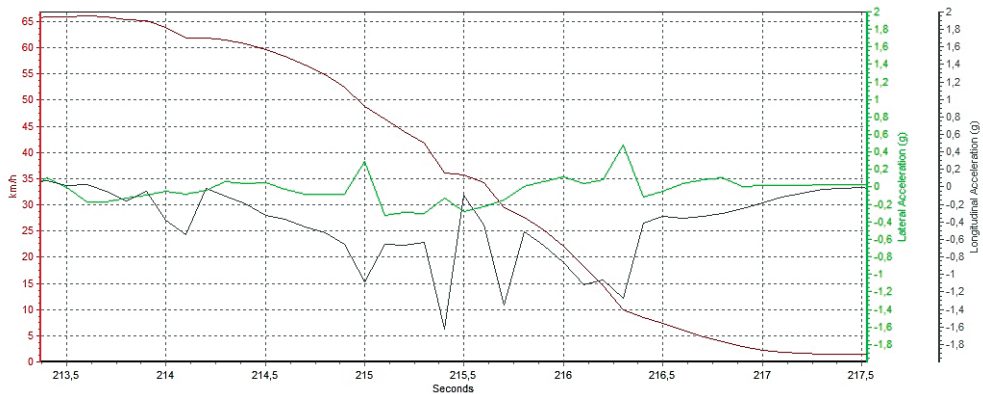

Рис. 3. Параметры движения автомобиля по времени с 213,5 по 217 с испытания при отключенной «системе стабилизации»

На графиках: красная кривая – изменение скорости движения; серая кривая – изменение продольного ускорения; зеленая кривая – изменение поперечного ускорения.

По полученным в ходе испытаний результатам возможно определить абсолютные значения параметров движения испытуемого транспортного средства в каждый из моментов испытания, а также установить изменение данных параме-

тров в ходе испытания. Помимо основной задачи по определению параметров торможения испытуемого транспортного средства, использование аналогичных систем открывает возможности определения особенностей испытуемой системы ВАДС (водитель–автомобиль–дорога–среда). Так, например, зафиксированная на данных графиках закономерность позволила выявить дефект тормозной системы автомобиля,

способствовавший отклонению автомобиля от заданной траектории при торможении.

Относимость результатов, проведенных с тем же автомобилем на том же участке дороги при тех же метеорологи-

ческих условиях экспериментов, позволит устранить сомнения в относимости используемых исходных данных произошедшему дорожно-транспортному происшествию.

¹ Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий : учебник для вузов. М. : Транспорт, 1989.

² См.: Пушинов А. В., Крюков В. В., Каплиев А. А. Применение параметров замедления автомобилей зарубежного и отечественного производства в экспертной практике. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2001.

³ Григорян В. Г., Григорян А. В. Применение в экспертной практике параметров торможения автотранспортных средств : методические рекомендации для экспертов. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. С. 40.

⁴ Пушинов А. В., Крюков В. В., Каплиев А. А. Указ. соч. С. 24.

Государственный социально-гуманитарный университет

Крюков В. В., преподаватель кафедры судебной экспертизы и уголовно-правовых дисциплин, председатель правления Межрегиональной общественной организации содействие развитию экспертно-судебной деятельности «Ассоциация судебных экспертов»

E-mail: kryukovvv@yandex.ru

State Social and Humanitarian University

Kryukov V. V., Lecturer of the Department of Forensic Examination and Criminal Law Disciplines, Chairman of the Board of the Interregional Public Organization Assistance to the Development of expert-judicial activity «Association of Forensic Experts»

E-mail: kryukovvv@yandex.ru

В. А. Мещеряков

Воронежский государственный университет

О. Ю. Цурлуй, Р. А. Черепков

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ВИРТУАЛЬНАЯ ПРИРОДА СЛЕДОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

А н н о т а ц и я: рассматривается механизм следообразования в результате совершения преступлений в информационной инфраструктуре. Особое внимание уделено виртуальной природе следов данного вида преступлений. Исследуется понимание и структуры виртуального следа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: виртуальный след, механизм следообразования, информационная инфраструктура.

THE VIRTUAL NATURE OF TRACES IN THE INFORMATION INFRASTRUCTURE

A b s t r a c t: the article discusses the mechanism of trace formation as a result of crimes committed in the information infrastructure. Special attention is paid to the virtual nature of the traces of this type of crime. The understanding and structure of the virtual trace is investigated.

Key words: virtual trace, trace formation mechanism, information infrastructure.

Поступила в редакцию 24 сентября 2022 г.

Провозглашенный в последнее время курс на развитие цифровой экономики подстегнул интерес к цифровой тематике практически во всех сферах человеческой деятельности. Криминалистика и уголовный процесс не стали исключением в этом ряду.

Появление новых криминалистических объектов – компьютерной информации, компьютеров (как средств обработки компьютерной информации), цифровых сетей связи (как средств передачи компьютерной информации) и машинных носителей информации (как

средств хранения компьютерной информации) привело к тому, что почти двадцать лет назад в криминалистике была высказана мысль о существовании новой категории следов (виртуальных следов), обязанной своим появлением развитию компьютерной техники и цифровых систем связи. Для данной категории следов было определено промежуточное положение между традиционно рассматриваемыми в криминалистике материальными и идеальными следами¹.

Воспринятое вначале с энтузиазмом это предложение впоследствии подверглось определенному размытию и различному толкованию, зачастую меняющему сам смысл введенной категории. Так появились «бинарные следы»², «информа-

© Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю., Черепков Р. А., 2023

ционные следы»³, «компьютерные следы»⁴, «компьютерно-технические следы»⁵, «цифровые следы»⁶, «электронные следы»⁷, «электронно-цифровые следы»⁸. Появились даже экстравагантные «виртуально-информационные слеδοобразования», которые вряд ли стоит рассматривать серьезно, поскольку для него не только не приводится убедительное научное обоснование, но даже вместо устоявшейся практически с момента формирования криминалистики как самостоятельной науки классической категории «след» предлагается использовать загадочный термин «слеδοобразование» (материальное слеδοобразование, идеальное слеδοобразование, виртуально-информационное слеδοобразование и невербально-информационные следообразование)⁹.

Представляется, что причиной такого чрезмерного разнообразия мнений по данному, достаточно рядовому, вопросу было то, что авторами, предложившими новую категорию следов, уделялось недостаточное внимание ее детализации и подробному описанию. Казалось, что положение дел было исправлено с появлением ряда публикаций профессора В. А. Мещерякова¹⁰, а также диссертационной работы¹¹ и монографии его аспиранта В. Ю. Агибалова¹².

Однако события последнего времени и жаркие дискуссии на научно-практических конференциях, прошедших в ноябре 2018 г. в Воронежском государственном университете¹³ и январе 2019 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина¹⁴, продолжающиеся и до настоящего времени, показали, что все это не так и к данному вопросу следует периодически возвращаться.

Внимательный анализ предлагаемых определений показывает, что некорректность ряда из них становится оче-

видной даже при несложных логических рассуждениях.

Для правильного формирования терминологии надо вернуться к самым общим представлениям о механизме слеδοобразования. В соответствии с философской теорией отражения все объекты окружающей действительности в ходе своего взаимодействия способны в своих изменениях запечатлеть результаты воздействия друг на друга. При этом отражение, связанное с возможностью активного использования результатов взаимодействия объектов, уже рассматривается как информационное. Если полученную информацию мы умеем однозначно (или с определенной степенью уверенности) связать с событием преступления или каким-либо его элементом, то из материально закрепленной информации (поскольку информация не может существовать вне носителя) мы уже получаем след, который в свою очередь становится объектом исследования криминалистики.

Исходя из данной логики, следы не могут быть информационными, поскольку след в своей основе – это уже информация. В результате «информационный след» – это «информационная информация».

Названия категорий «компьютерные следы» и «компьютерно-технические следы» в основном отражают факт обладания конкретных видов объектов (компьютеров) в качестве материальных носителей этих следов. Следуя данной логике, мы могли бы получить целый ряд иных видов следов, связанных со спецификой отражающих их объектов: медицинские следы, телефонные и т. п. Такие примеры очень часто приводят в научных дискуссиях на прошедших в последнее время конференциях.

Кроме того, если внимательно посмотреть на природу этих следов, то ста-

новится понятным, что компьютерные следы» и «компьютерно-технические следы» представляют собой всего лишь разновидность уже известных материальных следов, следов, представленных в виде изменения свойств электромагнитного поля, сформированного на том или ином материальном носителе.

Термин «бинарные следы» по смыслу фактически совпадает с категорией «цифровые следы», поскольку лишь уточняет форму представления числа/цифры. Если следовать этой логике, то становится возможным говорить и о шестнадцатеричных или восьмеричных следах, поскольку подобные системы представления информации достаточно широко распространены в компьютерной технике.

Следует отметить, что категория «цифровые следы» в последнее время находит все большее число сторонников. Так, например, коллектив авторов Следственного комитета Российской Федерации в своей монографии определяет цифровой след так: «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»¹⁵.

С одной стороны, строго следуя букве уголовного закона, авторы воспроизводят использованную в ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации правовую конструкцию, повторяя уже отмеченную рядом авторов нестыковку, связанную с однобоким представлением электромагнитной природы сигналов, обращая внимание только на его электрическую составляющую и не называя магнитную.

С другой стороны, они совершенно правильно отмечают, что цифровым следом является не любая информация, а лишь криминалистически значи-

мая, т. е. та, которая связана с событием преступления. Вместе с тем роли, виду и происхождению связи компьютерной информации с событием преступления не придается необходимого внимания. Скорее всего это связано с тем, что виды взаимосвязи материальных следов с событием преступления всегда определялись физическими законами природы, и это воспринималось само собой разумеющимся. Все изменилось с появлением электронно-цифрового отражения, реализуемого в искусственных средах компьютерных систем. При этом отдельные авторы при изложении своих взглядов относительно природы цифровых следов упоминают электронно-цифровое отражение, однако не раскрывают ни его суть, ни его значение для понимания механизма следообразования¹⁶.

Категории «цифровые следы» или «электронно-цифровые» не отражают сути использования в процессе следообразования искусственного электронно-цифрового отражения – формализованной модели и его значения для описания реального наблюдаемого явления. Наблюдая цифру/число (по сути, материально зафиксированную информацию/сигнал), но ничего не зная о формализованной модели, положенной в основу электронно-цифрового отражения, мы не сможем понять, как она связана с событием преступления, и, как следствие, она не может рассматриваться в качестве следа. Она так и останется материализованной информацией, закрепленной в виде изменения какого-либо свойства материального объекта – носителя этой информации.

Иллюстрация этого явления может быть приведена на примере зашифрованного сообщения. Мы видим набор цифр, но без знания используемой системы шифрования (формализованной модели

преобразования) они будут для нас бессмысленны.

Из всех рассмотренных выше вариантов названия следов, возникающих в современной информационной инфраструктуре к отражению существа рассматриваемого явления, ближе всех подошли термины «цифровые следы» и «электронно-цифровые следы», которые в дальнейшем мы будем рассматривать как синонимы. Однако, указав на цифровую природу этих следов, они остановились на половине пути и не пошли дальше, поскольку цифрой могут быть выражены не только параметры формализованной модели, но и сами наблюдаемые характеристики реальных объектов, когда мы сталкиваемся с обычными материальными следами, представленными в цифровой форме.

В ряд случаев (например, при работе с зашифрованной информацией) такие записанные в цифровом виде на материальном носителе значения вообще нельзя будет признать следами, поскольку мы не сможем связать их значение с событием преступления или отдельными его характеристиками. До тех пор, пока мы не узнаем вид и параметры формализованной модели, применяемой для шифрования исходной информации, мы не сможем получить никакого дополнительного знания о событии преступления.

Представляется уместным здесь сделать еще одну оговорку относительно названий «цифровой» и «электронно-цифровой» след. Слово «электронно-цифровой» происходит из комбинации двух прилагательных «цифровой» и «электронный». Это должно подчеркивать, что информация представлена в цифровом виде и обрабатывается, передается и хранится с использованием электронных технологий.

Вместе с тем при передаче информации по оптическим каналам связи (полу-

чающим в настоящее время все большее распространение) используются уже не только электронные, но и квантовые технологии.

Кроме того, первые прототипы квантовых компьютеров, представленные передовыми компаниями – разработчиками вычислительной техники, показали, что они основаны уже не на цифровых принципах представления информации, а скорее на аналоговых. Единицей представления информации в квантовом компьютере является кубит, имеющий фактически бесчисленное множество состояний (два собственных состояния $|0\rangle$ и $|1\rangle$ и множество состояний, образуемых их суперпозицией). В результате утверждать, что информация в квантовом компьютере представлена в чистом цифровом виде, можно будет с очень большим допущением.

Как нам представляется, перспективы недалекого практического применения квантовых технологий в шифровании и основанных на них системах генерации и удостоверения электронных подписей уже привели к тому, что от названия федерального закона «Об электронно-цифровой подписи» (2002 г.) пришли к новой редакции названия «Об электронной подписи» (2011 г.).

Вместе с тем в настоящее время, справедливо отмечая специфическую электронную среду формирования и цифровую (в частном случае бинарную) форму представления следов, возникающих в современных информационных системах, авторы большинства терминов, к сожалению, не обращают внимания на самое принципиальное их свойство – семантическое содержание, позволяющее соотнести зафиксированную в цифровом виде информацию с событием преступления.

В искусственной специально созданной для решения конкретных задач элек-

тронно-цифровой среде процесс отражения происходит не напрямую, как в ситуации с традиционно рассматриваемыми в криминалистике материальными следами, когда имеется непосредственное взаимодействие следообразующего и следовоспринимающего объекта, а опосредованно, через целую иерархию formalizovannyyh (matematicheskikh) modeley, ispol'zuemykh dlya opisaniya realnykh fizicheskikh yavleniy. V rezul'tate zapisannaya na sootvetstvuyushchem material'nom (magnitnom, opticheskom, elektronnom, a takzhe kakom-libo inom) nositele sovoкупность цифровых значений представляет собой лишь параметры formalizovannoy modeli, ispol'zuемой в конструкции и соответствующих режимах работы регистрирующего устройства.

Обратим отдельное внимание на то, что среда, в которой происходит отражение и формируются соответствующие следы, искусственная и имеет свойства, специально оптимизированные для решения конкретных прикладных задач. При этом для решения других (в том числе криминалистических) задач этих свойств может быть явно недостаточно. Реализованная в устройстве регистрации оптимизация может быть как жесткой (реализованной аппаратными средствами), так и гибкой (реализованной программными средствами), когда применяемые методы оптимизации могут динамически меняться в зависимости от свойств регистрируемого объекта или явления (например, скорости изменения свойств объекта, изменения количества элементов, образующих наблюдаемые объекты, и т. п.).

Например, цифровые звукозаписывающие устройства, созданные для фиксации человеческой речи (диктофоны), имеют аналого-цифровые преобразователи (далее – АЦП) небольшой разрядности и работают с меньшей ча-

стотой дискретизации (начиная с 8-разрядных АЦП с частотой дискретизации 14–16 кГц), чем студийные устройства, предназначенные для записи выступлений симфонического оркестра (начиная с 32-разрядных АЦП с частотой дискретизации от 44,1 кГц). В результате запись звучания оркестра, осуществленная на диктофоне, будет содержать значительно меньше индивидуальных признаков, которые могли бы быть положены в основу решения экспертной идентификационной задачи. Эта разница будет заметна что называется на глаз, когда мы сравним размер полученных файлов данных при записи одного и того же звукового фрагмента с использованием различных устройств.

Изложенные выше основания позволяют утверждать, что наиболее подходящим обозначением следов, возникающих в процессе специфического электронно-цифрового отражения в искусственной среде, основанной на выбранной formalizovannoy modeli opisaniya real'nogo nablyudaемого объекта или явления, является термин «виртуальные следы» (от лат. *virtualis* – «возможный»), т. е. такие следы, которые содержат только результаты специально организованного выборочного отражения фрагментов окружающей действительности в искусственной среде. При этом для воссоздания полной картины недостающие элементы могут быть получены на основе имеющихся данных (зафиксированных выборочных результатов отражения) и используемой formalizovannoy modeli nablyudaемого явления путем информационных (математических) преобразований.

Важнейшим моментом при этом является использование formalizovannyyh modeley в качестве основы искусственной среды электронно-цифрового отражения. С точки зрения криминалисти-

ки, важным является тот факт, что один и тот же объект или явление могут быть зафиксированы с использованием различных формализованных (математических) моделей, положенных в основу его описания. В результате мы получим несколько вариантов отражения одного и того же объекта, обладающих различными изобразительными возможностями (если так можно выразиться криминалистической емкостью), позволяющими судить о свойствах регистрируемого объекта или явления с различной точностью.

Именно в этом ключе дается соответствующее определение в международном стандарте ISO/IEC 2382:2015 «Информационные технологии (ИТ). Словарь», введенном в действие в Российской Федерации с 1 января 2017 г. Виртуальный – это «определение, характеризующее процесс или устройство в системе обработки информации кажущихся реально существующими, поскольку все их функции реализуются какими-либо другими средствами»¹⁷.

Еще одна причина необходимости названия рассматриваемой категории следов виртуальными и размещения их в традиционных классификациях следов между материальными и идеальными кроется в самом понимании математических моделей, послуживших основой возникновения этих следов.

Так, например, «нередко утверждают, что математику следует рассматривать как часть физики, поскольку она описывает внешний физический мир. Но с тем же успехом ее можно считать частью психологии, поскольку изучаемые в ней абстракции суть явления нашего мышления, а значит, должны проходить по ведомству психологии»¹⁸.

Яркий пример понимания природы математической модели и математической абстракции вообще привел акаде-

мик Н. Н. Лузин. «По-видимому, натуральный ряд чисел не представляет собой абсолютно объективного образования. По-видимому, он представляет собой функцию головы того математика, который в данном случае говорит о натуральном ряде.

Тем не менее два математика на разных континентах приходят к одним и тем же выводам о свойствах натурального ряда чисел, хотя могут наблюдать числа никак не внешним зрением, а лишь зрением внутренним, мысленным»¹⁹.

В заключение еще раз подчеркнем принципиальное отличие сущности виртуальных следов от набравшего в последнее время популярность термина «электронно-цифровой след», относимого к категории материальных следов.

Информация, зафиксированная на каком-либо компьютерном носителе в форме числовых значений, безусловно, материальна, поскольку размещена на материальном носителе и без него существовать не может, однако без знания того, к каким объектам и явлениям она относится, какой искусственной средой электронно-цифрового отображения и в результате каких зависимостей (благодаря использованию какой формализованной модели) она порождена, мы ничего не можем сказать о ее связи с событием преступления. Фактически это еще не след, это просто компьютерная информация.

Только установив/обнаружив вид формализованной модели, используемой в качестве основы искусственной среды электронно-цифрового отображения, установив режимы и условия ее использования, цифровая информация на материальном носителе может быть соотнесена с обстоятельствами события преступления.

Именно такой комплекс материально зафиксированной цифровой ин-

формации (как результат специально организованного выборочного электронно-цифрового отражения фрагментов окружающей действительности в искусственной среде) и знаний о формализованной модели, положенной в основу среды электронно-цифрового отображения, мы предлагаем называть виртуальным следом. Причем эти выделенные элементы достаточно самостоятельны и могут храниться в различных местах (например, зашифрованный текст как цифровая информация и ключ используемого шифра), могут быть реализованы различными способами (например, цифровой файл, содержащий видеозапись и аппаратно реализованный видеокodeк для просмотра этой видеозаписи).

Попутно заметим: то, что сейчас значительная часть исследователей называет цифровыми следами, представляет собой не что иное, как первый элемент виртуального следа – материально зафиксированную цифровую информацию, которая благодаря наличию и знанию второго элемента – формализованной модели, положенной в основу искусственной среды электронно-цифрового отображения, может быть соотнесена с событием преступления.

Следует отдельно подчеркнуть, что криминалистическое значение этот комплекс имеет только в единстве своих неотъемлемых частей и только в результа-

те его совместного использования он становится следом.

Подводя итог всему сказанному выше, сформулируем понятие виртуального следа.

Под виртуальным следом преступления следует понимать взаимосвязанный комплекс материально зафиксированной цифровой информации как результат специально организованного выборочного электронно-цифрового отражения фрагментов окружающей действительности в искусственной среде и знаний о формализованной модели, положенной в основу создания этой среды электронно-цифрового отражения.

Причем выделенные элементы виртуального следа достаточно обособлены и самостоятельны: могут храниться в различных местах (например, зашифрованный текст как цифровая информация и ключ используемого шифра как формализованная модель искусственной среды электронно-цифрового отражения), могут быть реализованы различными способами (например, цифровой файл, содержащий видеозапись как цифровая информация и аппаратно реализованный видеокodeк для просмотра этой видеозаписи как формализованная модель искусственной среды электронно-цифрового отражения).

¹ См.: *Мещеряков В. А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.

² *Милашев В. А.* Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

³ См.: *Гаврилин Ю. В.* Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : учеб. пособие / под ред. Н. Г. Шурухнова. М. : Книжный мир, 2001. С. 34–35 ; *Борисов В. В.* Особенности фиксации информационных следов в практике

защиты информации // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2009. Т. 94, № 5. С. 164–168.

⁴ См.: *Касаткин А. В.* Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997 ; *Островский О. А.* Алгоритм выявления временных характеристик исследуемого факта преступления на основе анализа компьютерных следов // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : материалы XIII Всероссийской национальной научно-практической конференции. Новосибирский государственный аграрный университет. Новосибирск, 2017. С. 195–198.

⁵ См.: *Лыткин Н. Н.* Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2007. 201 с. ; *Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н.* Понятия, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. № 4. С. 49.

⁶ См.: *Россинская Е. Р., Сааков Т. А.* Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123 ; *Семикаленова А. И., Рядовский И. А.* Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов : анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–185 ; *Тулупьева Т. В. и др.* Возможности и опыт применения компьютерных инструментов в анализе цифровых следов студентов-пользователей социальной сети. Компьютерные инструменты в образовании. 2015. № 5. С. 3–13.

⁷ См.: Основы теории электронных доказательств / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 85–98.

⁸ См.: *Вехов В. Б.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2008 ; *Поляков В. В., Шебалин А. В.* К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 123–125 ; *Лушин Е. А.* О термине «электронно-цифровые следы» // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2017. № 4 (18). С. 161–163.

⁹ См.: *Мочагин П. В.* Идентификация виртуально-информационного и невербального слеодообразований как новое направление в криминалистике // Вестник ИЖГТУ. 2013. № 3. С. 148–154.

¹⁰ См.: *Мещеряков В. А.* «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 28–33 ; *Его же.* Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5 (10). С. 265–269.

¹¹ См.: *Агibalов В. Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж : ВГУ, 2010. 24 с.

¹² См.: *Агibalов В. Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2012. 152 с.

¹³ См.: Криминалистика и уголовный процесс : вчера, сегодня, завтра. Круглый стол (памяти О. Я. Баева) в Воронеже. URL: <http://www.uaj.net/node/2510> (дата обращения: 24.01.2019).

¹⁴ См.: Итоги VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». URL: https://www.msar.ru/news/itogi-vii-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-teoriya-i-praktika-sudebnoy-ekspertizy-v/?sphrase_id=93179 (дата обращения: 24.01.2019).

¹⁵ Багмет А. М. и др. Цифровые следы преступлений : монография. М. : Проспект, 2021. 168 с.

¹⁶ См.: Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 90.

¹⁷ ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) Информационные технологии (ИТ). Словарь // Росстандарт. Официальное издание. М. : Стандартинформ, 2016.

¹⁸ Успенский В. А. Предисловие к математике : [сб. статей]. СПб. : Амфора, 2015. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 60.

Воронежский государственный университет

Мещеряков В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики

E-mail: netshuttle@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Meshcheryakov V. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Criminalistics Department

E-mail: netshuttle@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-85-14

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kijalis@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 271-54-15

The Central Branch of the Russian State University of Justice

Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics

E-mail: kijalis@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 271-54-15

Черепков Р. А., старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: romach197978@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 271-54-15

Cherepkov R. A., Assistant of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics

E-mail: romach197978@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 271-54-15

С. Ф. Милюков

Российский государственный университет имени А. И. Герцена

Н. И. Кузнецова

Санкт-Петербургский университет МВД России

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация: *предпринята попытка оценки экологического вреда от военных конфликтов, военно-экологических проблем. Отмечается, что значение природной среды и ее компонентов в назревании и непосредственном ходе вооруженных конфликтов чрезвычайно велико. Авторы аргументируют вывод о том, что военные действия наносят прямой и опосредованный вред всем экосистемам, для подготовки и ведения военных действий требуются колоссальные материальные ресурсы, получаемые путем хищнической эксплуатации народонаселения и природных богатств. Причины войны порой имеют самые благие цели (антиколониальные и другие освободительные). Однако для окружающей среды одинаковы последствия «добрых» или «злых», «благородных» или нет, войн. От боевых действий природа страдает всегда и получает самые серьезные, порой неизлечимые раны.*

Ключевые слова: *вооруженный конфликт, военно-полевая криминология, вред природе, экоцид, загрязнение окружающей среды, экологическое преступление, Военная доктрина РФ.*

ENVIRONMENTAL CONSEQUENCES ARMED CONFLICTS

Abstract: *this article attempts to assess the environmental damage from military conflicts, military environmental problems. It is noted that the importance of the natural environment and its components in the brewing and immediate course of armed conflicts is extremely high. The authors argue the conclusion that military operations cause direct and indirect harm to all ecosystems, the preparation and conduct of hostilities require colossal material resources obtained through the predatory exploitation of the population and natural resources. The causes of war sometimes have the most benevolent goals (anti-colonial and other liberation). However, for the environment, the consequences of «good» or «evil», «noble» or not, wars are the same. Nature always suffers from hostilities and receives the most serious, sometimes incurable wounds.*

Key words: *armed conflict, military field criminology, harm to nature, ecocide, environmental pollution, environmental crime, Military doctrine of the Russian Federation.*

Поступила в редакцию 11 сентября 2022 г.

Несмотря на то что войны ведутся постоянно и потери от них весьма велики, до настоящего времени вне зоны при-

стального внимания криминологов остается экологический вред, наносимый военными действиями наступательного или оборонительного плана всем компонентам природной среды. Во время войны военные стратеги решают задачи по-

© Милюков С. Ф., Кузнецова Н. И., 2023

литического характера, без учета экологических последствий применения огнестрельного оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, разрушения техники, элементов инфраструктуры, строений, дорог, загрязнения атмосферы, почв, вод, уничтожения мест обитания, а также тотального истребления представителей флоры и фауны. Право человека на благоприятную окружающую среду незамедлительно приносится в жертву, как только этого требуют военные интересы. Кроме того, в период военных действий вред окружающей среде наносится гораздо интенсивнее и разрушительнее, чем в мирное время.

Война имеет далеко идущие последствия, существенно превышающие урон от непосредственных потерь и разрушений на полях сражений. История показывает, что значительная часть вооруженных конфликтов приводит не только к многочисленным человеческим жертвам, но и к негативным последствиям для окружающей среды.

Чрезвычайно велико значение природной среды и ее компонентов в назревании и непосредственном ходе вооруженных конфликтов. Во-первых, борьба за обладание природными ресурсами и материальными благами (землей, морями, реками, водой, животным и растительным миром, нефтью, газом, рудами и т. д.) является причиной значительной части вооруженных столкновений¹. Во-вторых, для подготовки и ведения военных действий требуются колоссальные материальные ресурсы, получаемые путем хищнической эксплуатации народонаселения и природных богатств. Война обязательно сопровождается инфляцией, падением национальной валюты, миграцией населения, негативным образом сказывается на структуре и динамике преступности, ослаблении борьбы с ней, влечет за собой другие крайне не-

благоприятные социально-экономические последствия². Идут «под нож» производственные траты, разного рода социальные программы, всё, что не связано на нужды военно-промышленного комплекса³. Очевидно, что в первых рядах сокращений следуют разного рода экологические программы, прежде всего затратные. В-третьих, военные действия наносят прямой и опосредованный вред всем экосистемам. В-четвертых, особенностью негативных экологических последствий вооруженных конфликтов является то, что они наступают как для непосредственных государств – участников боестолкновений, так и для других стран, не участвующих в конфликте, поскольку экологические проблемы выходят за рамки государственных границ. В-пятых, природные ресурсы выступают не только в качестве предмета преступления, они также могут быть использованы в качестве средства совершения преступления (например, умышленный разлив нефти и поджоги нефтяных и газовых скважин, разрушение плотин и резервуаров с химическими реагентами, заражение скота и птицы с целью вызвать эпидемии и т. п.).

Наиболее ярким примером катастрофического воздействия военных событий на окружающую среду является Индокитайский (Вьетнамский) конфликт 1965–1975 гг. В ходе боевых действий авиация США уже к концу 1971 г. сбросила на территорию Вьетнама 6 300 000 т авиационных бомб. Это привело к опасному загрязнению почвы. Наиболее пагубны были гигантские бомбы «Daisy Cutter» весом 7,5 т. Их взрыв приводил к «сбрасыванию» всей растительности и строений на площади, равной десяти футбольным полям⁴.

Кроме того, военными США с целью борьбы с партизанскими формированиями использовалось так называемое

«скальпирование» вьетнамских тропических лесов мощной наземной техникой. Применялось такое опасное химическое вещество, как дефолиант Agent Orange. Помимо огромного вреда для тропической природы Индокитая, он нанес катастрофический урон здоровью американских военнослужащих, непосредственно контактирующих с ним. В частности, был отмечен рост онкологических и прочих заболеваний среди ветеранов войны во Вьетнаме. Доказано, что это вещество по сегодняшний день продолжает отравлять окружающую среду, пагубно влиять на здоровье людей⁵. Таким образом, военные США многократно совершали акты экоцида. При этом нести ответственность или компенсировать нанесенный ущерб американская сторона не считает нужным.

К напоминаниям об экологических последствиях вооруженных конфликтов также следует отнести более поздние события в Югославии. Территория Югославии подвергалась массированным бомбардировкам и ракетному обстрелу (всего было использовано около 30 000 т взрывчатых веществ, равных по тротиловому эквиваленту 9 ядерным бомбам, сброшенным на Хиросиму), в том числе с применением большого количества боеголовок, содержащих необогащенный уран. Так, с 24 марта по 5 июня 1999 г. НАТО разбомбило в общей сложности 105 промышленных объектов, что привело к утечке большого количества аммиака, жидкой пластмассы, искусственных удобрений, возникновению ядовитых облаков. Также сгорело 250 га лесов. Нефть из резервуаров разрушенного в городе Нови-Сад нефтеперерабатывающего завода попала в Дунай и образовала в реке огромное нефтяное пятно⁶ шириной 400 м и длиной около 15 км.

Специалисты утверждают, что только одна 240-килограммовая авиабомба

оставляет после взрыва кратер глубиной в 4 м и площадью до 50 м². Для восстановления плодородного грунта и естественного биохимического цикла в районах бомбардировок потребуется несколько тысяч лет, так как в естественных условиях для формирования двух сантиметров плодородного слоя требуется не менее ста лет. Разрушение верхнего плодородного слоя земли на месте кратера и вокруг него означает гибель флоры и фауны.

Попавшие в атмосферу в огромных количествах в результате бомбардировок промышленных объектов окислы азота, диоксид серы, монохлорид углерода привели к появлению дыр в озоновом слое над Европой⁷.

После войны в Ираке в 1991 г. экологи исследовали воды в Персидском заливе и изучали последствия загрязнения вод в Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии и Иране. Боестолкновения продолжались шесть недель. За это время в Персидский залив попало, по разным оценкам, от 7 до 11 млн баррелей нефти, из которых удалось собрать только 2 млн. В Персидском заливе у берегов Кувейта и Саудовской Аравии появилось огромное нефтяное пятно. Его размеры составили 162,5 км в длину, 42 67,6 км в ширину. Таким образом, общая площадь пятна составляла около 11 тыс. км². Примерно такую же площадь занимают сегодня две российские республики – Адыгея и Ингушетия вместе взятые. Толщина нефтяного загрязнения⁸ в некоторых местах достигала 12,5 см. В результате этого пострадало все южное побережье Кувейта и 400 км побережья Саудовской Аравии. Вымерли 50–90 % крабов, других ракообразных и моллюсков. Пострадали дельфины, дюгоны, морские выдры, морские змеи, креветки. Сильно досталось прибрежной флоре и фауне. Погибло более 15 тысяч птиц.

Напомним, что при отступлении из Кувейта с целью прикрытия своих войск дымовой завесой иракские военные подожгли 732 нефтяных скважины. Ежедневно сгорало 2–6 млн баррелей нефти, а в атмосферу попало огромное количество парниковых газов – 3 % годового объема от сжигания ископаемого топлива⁹.

Новейшим примером негативного воздействия вооруженных конфликтов на экосистемы являются последствия специальной военной операции на территории Украины, начавшейся 24 февраля текущего года. Российские вооруженные силы и союзные формирования ДНР и ЛНР столкнулись с ожесточенным сопротивлением пронацистских сил Украины, постоянно подпитываемых вооружением и боеприпасами НАТО. Противник нанес удары по населенным пунктам Брянской, Белгородской, Воронежской, Курской и Ростовской областей, грозит уничтожением Крымского моста. Причинами обрисованных кровавых событий являются вековые геополитические и экономические притязания Запада на наши территории, природные и сотворенные человеческим трудом богатства. Данные события актуализируют проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в преступлениях против мира и безопасности человечества, предусмотренные главой 34 Уголовного кодекса РФ.

В результате военных действий заражается воздух, вода, почва, уничтожается флора и фауна. Также появляются риски повреждения особо опасных объектов: предприятий химической промышленности, атомных, тепловых и гидроэлектростанций, нефтяных и газовых скважин, других сооружений, которые могут повлечь за собой массовое загрязнение значительных территорий¹⁰. Так, угроза экологической катастрофы на-

висла над городом Рубежный в Луганской области, где на одном из химзаводов украинские националисты подорвали цистерну с азотной кислотой¹¹. Из-за военных действий на территории металлургического комбината «Азовсталь» в Мариуполе возникла серьезная угроза критического отравления Азовского моря¹². 20 июня 2022 г. Вооруженные силы Украины обстреляли буровые платформы ГУП «Черноморнефтегаз» Одесского месторождения в Черном море, что привело к крупному разливу нефти¹³. Эксперты утверждают, что если ракетные удары не прекратятся, то устранить последствия катастрофы будет не менее сложно, чем после аварии на платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 г.¹⁴ Преступным следует назвать решение США о предоставлении Украине разнообразного оружия и тяжелой военной техники в так называемый «ленд-лиз»¹⁵.

Военные действия кроют и другие, порой замедленные опасности для природы. Так, 14 апреля 2022 г. в Черном море затонул ракетный крейсер «Москва»¹⁶. Его основное вооружение составляли 16 пусковых установок (ПУ) сверхзвуковых противокорабельных ракет (ПКР) П-1000 «Вулкан», 64 ПУ зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-300Ф «Форт» и 4 ПУ ЗРК «Оса-МА» и множество боеприпасов, а также топлива. Остается только предполагать, какой экологический вред наступит при длительном пребывании их на дне моря.

Огромную угрозу экологии всего мира представляют промышленные и энергетические объекты, оказавшиеся в ходе военных действий либо вблизи от них, либо непосредственно на территории конфликта (например, атомные, гидро- и теплоэлектростанции, объекты химического и нефтехимического комплекса, хранилища опасных отходов).

Последствия от радиационных аварий катастрофичны¹⁷. В настоящее время в зоне боевых притязаний оказались Чернобыльская и Запорожская АЭС. Последняя неоднократно обстреливалась бандеровцами¹⁸.

В настоящее время на территории АЭС под открытым небом хранится 3744 отработанных тепловыделяющих элемента. Они, по мнению ученых, обладают значительной радиоактивностью из-за высокого содержания продуктов деления, в случаях их повреждения возникнет зона поражения диаметром в 130 км от г. Энергодара. Как сообщают в Украинском Энергоатоме, последствия аварии на Запорожской АЭС будут в десять раз больше Чернобыльской катастрофы.

Ситуация настолько серьезная, что в Запорожской АЭС побывала миссия Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)¹⁹. После отключения последнего блока Запорожской АЭС прекратились обстрелы со стороны Украины. Однако идет массовая переброска сил ВСУ на приграничные со станцией территории²⁰.

Положение усугубляется тем, что некоторые политики с целью извлечения прямой или косвенной выгоды пытаются использовать подобные объекты в качестве предмета шантажа²¹. Военные эксперты утверждают, что конфликт на Украине может привести к ядерной войне в Европе с последствиями для всего мира²². Экологические угрозы усиливаются тем, что существенно изменился сам характер современных войн, их называют «новыми войнами»²³. В ходе них стороны стараются избегать непосредственного соприкосновения с противником, широко применяются дроны-убийцы, дальнобойная артиллерия, авиация, ракетные системы, часто неизбежного действия. Войны стали более разрушительными из-за увеличения

поражающего эффекта и точности всех продуктов военной технологии. В ходе боевых действий вооружение непрерывно модернизируется с учетом выявляющихся недостатков и запросов воюющих.

Кроме того, боевые действия нередко ведутся не регулярными вооруженными силами, находящимися в правовом поле, чьи действия строго регламентированы законами и обычаями войны, международным правом вооруженных конфликтов, а различными «прокси-структурами» (наемники, ополченцы, ЧВК, коллаборанты из местного населения и т. д.), которые зачастую пренебрегают законами и обычаями войны. По данным Министерства обороны РФ, с 24 февраля 2022 г. на территорию Украины прибыло 6956 иностранных наемников, из которых 1956 были уничтожены²⁴.

События, начавшиеся 24 февраля 2022 г., несомненно, оказывают воздействие на криминологию, требуются новые знания о причинах возникновения вооруженных конфликтов, перспективах их эскалации, нужны рекомендации по устранению и предупреждению негативных последствий войны. В связи с этим один из авторов настоящей публикации призвал сформировать новую отрасль преступноведения – военно-полевую криминологию²⁵.

Катастрофические последствия как для человека, так и для окружающей его среды будут наступать в результате использования новых видов оружия, которое развивается в направлении воздействия на естественные природные процессы, такие как климат, озоновый слой, околоземное пространство. Речь идет о геофизическом, климатическом, радиологическом, пучковом²⁶, инфразвуковом и акустическом²⁷, генетическом²⁸, биологическом²⁹, электромагнитном³⁰ оружии, а также об использовании космического

пространства для размещения ядерного оружия³¹.

Важно отметить, что в уголовно-правовой науке вопрос об уголовной ответственности за разработку и использование указанного вида оружия практически не поднимался, а если и поднимался, то в контексте признания его предметом преступлений, предусмотренных ст. 222, 222¹, 223, 223¹ Уголовного кодекса РФ. Полагаем, что в условиях уязвимости всех компонентов окружающей среды (и самого человека как биологического

вида) следует ставить вопрос о полном запрете разработки и использования подобного оружия.

Человечеству следует стремиться к минимизации причиняемого ими вреда, предотвращению экологической катастрофы. Для этого вышеупомянутая военно-полевая криминология призвана дать научно обоснованные рекомендации по соответствующей модернизации Военной доктрины Российской Федерации и Союзного государства Беларуси и России.

¹ См.: Мамин Р. Г. Экология войны. М. : ТИССО-Полиграф, 2007. С. 3.

² См.: Кузнецова Н. И., Урда М. Н. Экологическая миграция : криминологический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 30–38.

³ См.: Ведерникова О. Н. Взаимодействие международного уголовного права и международной криминологии в эпоху глобальных перемен // Уголовное право в системе межотраслевых связей : проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 343.

⁴ См.: Алимов А. А. Экологические последствия современного военного конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 6. Вып. 2. С. 136–137.

⁵ См.: Суворова К. Агент «Оранж» продолжает отравлять окружающую среду Вьетнама, влияя на людей даже спустя полвека после войны. URL: <https://hightech.fm/2019/03/01/agent-orange> (дата обращения: 01.06.2022).

⁶ См.: Новиков С. С. Экологические и правовые аспекты бомбардировок Югославии в 1999 г. // Вестник ИГЭУ. 2011. № 2. С. 3.

⁷ См.: Кукушкина А. В. Международно-правовая квалификация бомбардировок авиацией НАТО территории Югославии и их экологические последствия // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 237–242.

⁸ См.: Алексеев А. Тактика выжженной нефти. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4664198> (дата обращения: 01.07.2022).

⁹ См.: Нефтяные разливы из-за вооруженных конфликтов. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2022/03/02/jekologicheskie-opasnosti-vooruzhjonnyh-konfliktov/> (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁰ См.: Белоусова Е. Загрязнение воды, воздух и радиация : как война влияет на окружающую среду. URL: <https://ecopolitic.com.ua/news/vijna-v-ukraini-mozhe-prizvesti-do-ekologichnoi-katastrofi-shho-zachepit-ievropu-ta-aziju-2/> (дата обращения: 31.07.2022).

¹¹ См.: Рубежному грозит экологическая катастрофа из-за взрыва цистерны. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/961399-rubezhnomu-grozit-ekologicheskaia-katastrofa-iz-za-vzryva-tsisterny> (дата обращения: 29.06.2022).

¹² См.: Из-за бомбардировок «Азовстали» возникла угроза вымирания Азовского моря. URL: <https://usm.media/iz-za-bombardirovok-azovstali-voznikla-ugroza-vumiraniya-azovskogo-morya/> (дата обращения: 05.07.2022).

¹³ См.: Украина нанесла удар по снабжающим Крым платформам «Черноморнефтегаза». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/06/20/927592-ukraina-udar-chernomorneftegaz> (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁴ См.: Эксперт предупредил о последствиях ударов по буровым вышкам в Черном море. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220622/chernomorneftegaz-1797067714.html> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁵ См.: Разъяснилась суть американского ленд-лиза для Украины : США рано или поздно потребуют от Киева компенсаций за военные поставки. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/07/razyasnilas-sut-amerikanskogo-lendliza-dlya-ukrainy.html> (дата обращения: 14.05.2022).

¹⁶ См.: Раскрыта тайна гибели крейсера «Москва» : что произошло на самом деле (видео). URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/raskryta-tayna-gibeli-kreysera-moskva-chto-proizoshlo-na-samom-dele-video/> (дата обращения: 29.05.2022).

¹⁷ См.: Экологические и медицинские последствия радиационной аварии 1957 года на ПО «Маяк» / под ред. А. В. Аклеева, М. Ф. Киселева. М., 2001. 296 с.

¹⁸ См.: Одиннадцать сотрудников Запорожской АЭС ранены после атаки беспилотников ВСУ. URL: <https://www.vesti.ru/article/2853643> (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁹ См.: Миссия МАГАТЭ отправилась в сторону Запорожской АЭС. URL: <https://iz.ru/1388635/2022-09-01/missiia-magat-e-otpravilas-v-storonu-zaporozhskoi-aes> (дата обращения: 11.09.2022).

²⁰ См.: Песков прокомментировал возросшие угрозы для ЗАЭС на фоне концентрации сил ВСУ. URL: <https://iz.ru/1395194/2022-09-14/peskov-prokommentiroval-vozroschie-ugrozy-dlia-zaes-na-fone-kontcentracii-sil-vsu> (дата обращения: 15.09.2022).

²¹ См.: Очередной фейк : Зеленский обвинил Россию в желании устроить «второй Чернобыль» на Запорожской АЭС. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2022/03/04/ocherednoy-feyk-zelenskiy-obvinil-rossiyu-v-zhelanii-ustroit-vtoroy-chernobyl-na-zaporozhskoy-aes/> (дата обращения: 10.07.2022).

²² См.: В Китае предупредили о риске ядерной войны в Европе из-за Украины. URL: https://lenta.ru/news/2022/07/07/expert/?utm_source=yxnews&utm_medium=deskort (дата обращения: 07.07.2022).

²³ Калдор М. Новые и старые войны : организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского, ред. пер. А. Смирнова, В. Сафронова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.

²⁴ См.: *Абрамов Н.* Минобороны раскрыло численность иностранных наемников на Украине. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/17/naem/> (дата обращения: 25.07.2022).

²⁵ См.: *Милюков С. Ф.* Военно-полевая криминология и ее влияние на уголовное законодательство // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях : дискуссионные вопросы : Междунар. науч.-практ. конф., 9–10 июня 2022 г. Тула – Хюэ. Тула : Изд-во ТулГУ, 2022. С. 122–129.

²⁶ См.: *Фейгин О. О.* Лучи смерти : из истории геофизического, пучкового, климатического и радиологического оружия. М. : АНФ, 2013. 430 с.

²⁷ См.: Физика будущих войн : от инфразвука до нейтрино. URL: <https://naked-science.ru/article/top/fizika-budushchih-voyn-ot-infrazvuka> (дата обращения: 03.07.2022).

²⁸ См.: Морозов А. Мечты о генетическом оружии // Энергия : экономика, техника, экология. 2020. № 11. С. 43–47; Лосева П. Из пушки по генам : что не так с «этнически ориентированным» оружием. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/03/14/geneweap> (дата обращения: 03.07.2022).

²⁹ См.: Холопова Е. Н., Масальская В. О. Биологическое оружие как угроза национальной безопасности России // Правовое государство : теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 12–122.

³⁰ См.: Рустамов Н. Т., Шукенова Г. А., Жапаров Е. Электромагнитное оружие // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 31–36; Серякова И. Н., Сизов Д. О. К вопросу о перспективах статуса электромагнитного оружия в российском уголовном праве // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : проблемы и перспективы. Вологда, 2019. С. 133–137.

³¹ См.: В МИДе уточнили намерения США первыми разместить оружие в космосе. URL: <https://iz.ru/998620/2020-04-11/v-mide-utochnili-namereniia-ssha-pervymi-razmestit-oruzhie-v-kosmose> (дата обращения: 23.07.2022).

*Российский государственный университет
имени А. И. Герцена*

Мильков С. Ф., доктор юридических наук,
профессор, академик РАН, профессор
кафедры уголовного права

E-mail: dikoepolesf@gmail.com

Russian State University named after A. I. Herzen

Milyukov S. F., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Academician of the Russian Academy of
Sciences, Professor of the Department of Criminal
Law

E-mail: dikoepolesf@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД
России*

Кузнецова Н. И., кандидат юридических
наук, доцент кафедры уголовного права

E-mail: Natasha40480@mail.ru

*St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia*

Kuznetsova N. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law

E-mail: Natasha40480@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ДАННЫХ ИЗ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ СОТОВОЙ РАДИОСВЯЗИ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А н н о т а ц и я: в данной статье перечислены, рассмотрены и исследованы особенности извлечения данных из мобильных устройств сотовой радиосвязи. Работа охватывает все доступные для совершения данной манипуляции методы, такие как ручное извлечение данных, извлечение информации на логическом уровне, извлечение информации на физическом уровне, извлечение информации из ИС памяти или «Chip-off», извлечение информации на микроуровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мобильные устройства, криминалистические средства изъятия информации, криминалистика, форензика, извлечение данных, ручное извлечение данных, извлечение информации на логическом уровне, извлечение информации на физическом уровне, Chip-off, извлечение информации на микроуровне.

FEATURES OF DATA EXTRACTION FROM MOBILE CELLULAR RADIO COMMUNICATION DEVICES IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXPERTISE

Abstract: in this article, the features of extracting data from mobile devices of cellular radio communication were listed, considered and investigated. The work covers all methods available for performing this manipulation, such as: manual data extraction, information extraction at the logical level, information extraction at the physical level, information extraction from an integrated memory circuit or «Chip-off», information extraction at the micro level.

Key words: mobile devices, forensic means for data extraction, criminalistics, forensics, data extraction, manual data extraction, logical level of data extraction, physical level of data extraction, chip-off, micro level of data extraction.

Поступила в редакцию 10 октября 2023 г.

Первостепенное значение для судебного компьютерного эксперта имеет понимание различных типов мобильных средств сбора данных, а также данных, которые они способны восстановить.

В настоящие дни существует пять основных уровней извлечения данных из мобильных сотовых радиоустройств. Они представляют собой методы, каж-

дый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Они были представлены Sam Brothers еще в 2009 г., однако до сих пор имеют свою актуальность. По мере приближения к вершине пирамиды данные методы становятся более сложными с технической стороны, но при этом более наукоемкими и правильными с точки зрения криминалистики.

Первый уровень (ручное извлечение данных) включает в себя простой

визуальный просмотр информации на устройстве, как это сделал бы любой пользователь традиционным способом – с помощью сенсорного экрана либо клавиатуры.

Второй уровень (логическое извлечение данных) в настоящие дни используется большинством экспертов, потому что он достаточно прост с технической точки зрения и, следовательно, требует непродолжительной подготовки.

Третий уровень (извлечение физических данных) представляет собой метод, применяющийся многими экспертами-криминалистами для извлечения данных с мобильных сотовых радиоприборов в последние несколько лет и быстро набирающий популярность и поддержку в криминалистическом сообществе.

Четвертый уровень (извлечение информации из интегральной схемы памяти или «Chip-off») – это метод, при котором информация извлекается непосредственно из микросхемы памяти мобильного сотового радиоприбора.

Пятый уровень (извлечение информации на микроуровне) не нашел широкого применения из-за своей высокой стоимости и наукоемкости¹.

Следует отметить, что в проведении исследований на каждом уровне присутствуют свои плюсы и минусы. Судебно-компьютерный эксперт должен знать о данных проблемах и использовать только те методы извлечения информации, которым он был обучен. Докладчики часто безвозвратно уничтожаются в тех случаях, когда метод или средства извлечения используются неправильно. Увеличение данного риска происходит по мере продвижения вверх по пирамиде. Таким образом, надлежащее обучение имеет решающее значение для достижения наилучших результатов в извлечении данных и надлежа-

щем криминалистическом анализе этих устройств.

Каждый существующий мобильный криминалистический инструмент часто подразделяется на один (или несколько) из пяти уровней.

Ручное извлечение информации

Ручной метод извлечения данных является наипростейшим и подходит для любого мобильного устройства сотовой радиосвязи.

Этот метод обеспечивает доступ к компьютерной информации, содержащейся в памяти мобильного устройства, с помощью его сенсорного экрана или клавиатуры.

Получение всей информации, тем более восстановление удаленных файлов и записей на уровне ручного извлечения данных невозможно. Однако, несмотря на кажущуюся простоту этого метода, некоторые типы данных можно получить только благодаря применению данного уровня исследования. В качестве примера можно привести информацию об электронной почте, хранящуюся на мобильном устройстве сотовой радиосвязи марки «Apple».

Сведения, которые были получены в ходе применения данного метода исследования мобильных сотовых радиоприборов, документируются с помощью фотосъемки мобильного телефона или планшета².

Извлечение информации на логическом уровне

В ходе применения данного метода извлечения данных мобильное устройство сотовой радиосвязи подключается к рабочей станции судебного компьютерно-технического эксперта с помощью USB-кабеля, Bluetooth или ИК-порта, после чего производится побитное копирование каталогов и файлов, содер-

жащихся на логических дисках исследуемого мобильного устройства. При этом используется интерфейс прикладного программирования, который был разработан производителем для синхронизации устройства с персональным компьютером.

Из памяти мобильных устройств и электронных накопителей (SIM-карт, карт памяти) можно извлечь полную информацию, включая удаленную, с помощью специальной высокотехнологической криминалистической техники. Сюда можно отнести универсальное устройство извлечения судебной информации «UFED Touch», «UFED TK Logical», «Мобильный криминалист», «XRY», «MOBILedit», «Тарантула» и др. Данная криминалистическая техника позволяет работать практически с любой моделью мобильных устройств на основе любой операционной системы.

Комплект «UFED CHINEX Kit», предназначенный для работы с китайскими телефонами, большая библиотека моделей мобильных устройств которого (в том числе смартфонов), а также набор кабелей к ним позволяют извлекать информацию практически с любого мобильного сотового телефона³.

С помощью данного метода можно произвести извлечение баз миниатюр, которые содержат миниатюры графических и видеофайлов, находящихся в памяти устройства, в том числе удаленных файлов данного типа.

Используя данный комплект, можно получить следующую информацию (отображается в сводке об извлечении):

- 1) журнал вызовов, также удаленных (имена абонентов, время вызовов, фото);
- 2) закладки интернет-ресурсов (избранные пользователем интернет-сайты);
- 3) журнал (история посещений интернет-ресурсов) интернет-браузера;

4) Cookie (сохраненные пароли для интернет-сайтов);

5) IP-подключения и беспроводные сети;

6) данные о местоположении (сети Wi-Fi (MAC-адрес беспроводной сети за счет преобразования значений BSSID), навигационные приложения и ретрансляторы мобильной связи), GPS-координаты использования мобильного сотового телефона;

7) данные о маршрутах перемещения владельца мобильного устройства (можно просматривать в Google Earth и Google Maps);

8) SMS, голосовые сообщения, MMS;

9) сообщения электронной почты и чатов;

10) изображения, видеофайлы, аудиофайлы;

11) данные журнала Lifeblog, который содержит список действий с мобильным устройством;

12) пароли, календарь и геотеги;

13) ICCID и IMSI (сведения о SIM-карте);

14) IMEI или ESN (сведения о мобильном устройстве)⁴.

Информация, которая содержится на SIM-карте:

1) сведения об операторе сотовой связи;

2) IMSI (уникальный идентификатор для каждого абонента);

3) контакты, сохраненные на SIM-карте;

4) SMS-трафик (полученные и отправленные абонентом короткие текстовые сообщения);

5) последние набранные абонентом номера;

6) примерное местоположение абонента (сведения о последней базовой станции, с помощью которой он был зарегистрирован в системе GPS);

7) сведения об оплате услуг, которые предоставляются оператором сотовой связи⁵.

Информация, извлеченная с мобильного устройства, может непосредственно разоблачать лицо в совершении преступления, говорить о возможной причастности лица к преступлению или иметь вспомогательную функцию (подтверждение вины лица, сведения о возможных сообщниках, подтверждение алиби, розыск похищенного и др.).

После извлечения данных с мобильного устройства на флеш-накопитель или отдельный компьютер информация анализируется с помощью специализированного программного обеспечения «UFED Physical Analyzer». Эта программа позволяет создать подробный структурированный отчет с информацией, представляющей интерес для расследования.

Извлечение информации на физическом уровне

Этот метод извлечения данных представляет собой побитовое копирование всей внутренней памяти мобильного сотового радиоприемника, что, в свою очередь, позволяет восстановить удаленные файлы и записи.

Из-за того, что производители в целях обеспечения максимальной безопасности ограничивают возможность чтения внутренней памяти мобильного устройства, извлечь данные на этом уровне не всегда возможно.

С применением данного метода возможно восстановление удаленных данных на многих уровнях.

Первый уровень представляет собой уровень файловой системы. Во многих случаях возможно восстановление удаленных данных при восстановлении файловой системы.

Второй уровень восстановления данных – извлечение удаленной информации из файлов баз данных. Возможно восстановление таких удаленных записей, как контакты, сообщения, журнал звонков, при помощи файлов, которые хранятся в базах данных смартфона. Для извлечения файловой системы также может быть проведен данный уровень восстановления информации.

К поддерживаемым типам данных, которые извлекаются на физическом уровне, относятся:

- 1) удаленные и неповрежденные пароли;
- 2) установленные приложения;
- 3) фотографии, снимки экрана и видеозаписи пользователя;
- 4) электронные письма;
- 5) электронные адреса;
- 6) информация о местонахождении;
- 7) географические теги.

Для того чтобы обойти такие ограничения, разработчики ПО для криминалистической экспертизы мобильных устройств сотовой радиосвязи разрабатывают собственные загрузчики, позволяющие, во-первых, получить доступ к внутренней памяти устройства, а во-вторых, обойти установленные пользователями пароли⁶.

Извлекать данные на физическом уровне можно с помощью таких программно-аппаратных комплексов, как «Cellebrite», «UFED TK Ultimate» и др.

Извлечение информации из интегральной схемы памяти или «Chip-off»

Суть этого метода заключается в извлечении информации непосредственно из интегральной схемы памяти мобильного сотового радиоприемника.

В методе «Chip-off» интегральная схема извлекается из мобильного устройства, а затем помещается либо в

аналогичное устройство, либо в соответствующий считыватель. Интегральные схемы памяти, которые используются при производстве мобильных устройств, очень разнообразны, что, в свою очередь, усложняет применение этого метода извлечения данных.

С помощью этого метода можно получить компьютерную информацию даже из памяти неисправных устройств, что, безусловно, является большим преимуществом.

Но у данного метода также имеют место быть и недостатки.

Во-первых, для извлечения чипа требуется полная разборка мобильного устройства, что занимает много времени, а также может привести к потере работоспособности устройства.

Во-вторых, этот метод требует дорогостоящего оборудования и программного обеспечения.

Целесообразно использовать аналогичное устройство перед проведением исследования поврежденного мобильного устройства (метод «Donator»). Для этого нужно поменять их чипы памяти и посмотреть на реакцию мобильных устройств.

Для применения данного метода необходима специальная инфракрасная паяльная станция. Она является оборудованием для реболлинга (процесса восстановления шариковых выводов электронных BGA-компонентов).

BGA представляет собой корпуса интегральных микросхем, которые поверхностно монтируются на электронной плате. Они нанесены с обратной стороны микросхемы и выполнены в виде шариков припоя.

Следует обращать внимание на конструкцию системной платы поврежденного мобильного устройства сотовой радиосвязи во время его исследования.

Этапы, через которые необходимо пройти эксперту при проведении судебной экспертизы, используя данный метод:

1) извлечение чипа памяти. Для этого достаточно нагреть чип памяти потоком горячего воздуха из паяльной станции (важно не повредить и не допустить перегревание чипа, так как это приведет к стиранию данных) и далее совершить отсоединение чипа от системной платы. Максимальный допустимый порог температуры горячего воздуха составляет 380 °С. Необходимо постепенное повышение температуры. В случаях, когда чип залит смолой, возможно применение двух методов для его отделения – химический (удаление смолы с помощью диметилформамида или ацетона, нагретого до 50 °С) и термический (механическое счищение максимального количества смолы с помощью разогревания системной платы до 200 °С потоком горячего воздуха). После этого чип памяти разогревается до 255–260 °С и отделяется от системной платы механическим путем;

2) извлечение информации из чипа. Этот этап не представляет сложности при наличии программатора с адаптером под нужный тип форм-фактора BGA-чипа. Низкая цена является основным достоинством данных комплектов, а возможность изменения информации в чипе памяти в момент извлечения данных или подключения, отсутствие технической поддержки можно отнести к недостаткам;

3) «сборка» дампа. Данный этап представляет собой правильную стыковку страниц памяти, а также исключение служебных областей из дампа. Продукты «ACE Laboratory» помогают в решении данного этапа ввиду того, что они имеют большие базы знаний по структуре хранения данных в различных типах микросхем памяти и о различных кон-

троллерах, которые используются для управления информацией, которая была сохранена на чипах памяти. ПО «UFED Physical Analyzer» – мощнейшая утилита для анализа дампов микросхем памяти. Она имеет в своем содержании огромное количество готовых решений, предназначенных для производства анализа дампов памяти мобильных устройств сотовой радиосвязи;

4) декодирование дампа. Отдельно-го внимания заслуживает метод извлечения данных из интегральной схемы памяти с использованием интерфейса отладки JTAG (Joint Test Action Group). Он может стать решением таких проблем, как заблокированное паролем мобильное устройство, некорректная работа ОС мобильного устройства либо загрузчика, отсутствие возможности перевода мобильного устройства сотовой радиосвязи в режим для снятия дампа памяти, повреждение компонентов устройства, ко-

торые отвечают за взаимодействие пользователя с ним.

JTAG является аппаратным интерфейсом, который позволяет установить прямую связь между компьютером и материнской платой с помощью программаторов «Octorpus», «RIFF Vox».

Устройство подключается через тестовый порт (TAP), и его процессор получает указание скопировать данные, содержащиеся на интегральной схеме памяти⁷.

Кроме того, стоит отметить метод извлечения памяти на микроуровне. Этот процесс включает в себя изучение интегральной схемы памяти с помощью электронного микроскопа и последующее преобразование полученных данных сначала в последовательность нулей и единиц, а затем в символы ASCII. Этот метод не нашел широкого применения из-за его высокой стоимости и наукоемкости.

¹ См.: Brothers S. iPhone Tool Classification. URL: <http://www.appleexaminer.com/iPhoneiPad/ToolClassification/ToolClassification.html> (дата обращения: 14.09.2022).

² См.: Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex Russica. 2016.

³ См.: Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013.

⁴ См.: Багмент А. М. и др. Цифровые следы преступлений : монография. М. : Проспект, 2021.

⁵ См.: Лапин Е. С. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. М. : Юрлитинформ, 2014.

⁶ См.: Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Указ. соч.

⁷ См.: Багмент А. М. и др. Указ. соч.

АНО ЭНЦ СЭИ «Созидание»

Пьянков Н. В., эксперт

E-mail: info@sozex.ru

Expert and Scientific Center for Forensic Examinations and Research «Sozidaniye»

Ryankov N. V., Expert

E-mail: info@sozex.ru

А. В. Ростовцев, Е. Д. Берестенко

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Московский областной филиал)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

А н н о т а ц и я: рассмотрены особенности правовой регламентации порядка работы с информацией на электронных носителях в процессе доказывания по уголовным делам. Проанализированы вопросы необходимости использования специальных знаний при изъятии электронных носителей информации, критерии компетенции специалиста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: электронные носители, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровые следы, доказательство, специальные знания, специалист.

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF ELECTRONIC INFORMATION MEDIA

A b s t r a c t: the article discusses the features of the legal regulation of the procedure for working with information on electronic media in the process of proving in criminal cases. The issues of the need to use special knowledge when seizing electronic media, the criteria for the competence of a specialist are analyzed.

Key words: electronic media, information and telecommunication technologies, digital traces, evidence, special knowledge, specialist.

Поступила в редакцию 8 ноября 2022 г.

В настоящий момент электронные носители информации широко используются как в работе правоохранительных органов, применяющих новейшие средства компьютерной и телекоммуникационной аппаратуры для борьбы с преступностью, так и в криминальной деятельности при совершении многих составов преступлений. Эти преступления не знают границ, как физических, так и виртуальных, причиняют серьезный вред и представляют вполне реальную угрозу для общественной, национальной и экономической безопасности.

Это проявляется в формировании и укреплении четко обозначившихся тенденций цифровизации современной преступности: совершении преступлений дистанционными способами, исключаящими непосредственный контакт между субъектами и потерпевшими, использовании информационных сервисов и ресурсов сети Интернет, включая социальные сети, электронную почту, сервисы мгновенных сообщений и пр.

За последние 2–3 года в Российской Федерации зафиксирован «взрывной» рост преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. Практически каждое четвертое престу-

пление совершается с использованием IT-технологий. Их количество продолжает расти, хотя темп роста их количества замедлился¹. Если в первом полугодии 2021 г. число киберпреступлений увеличилось на 20,3 %, то за десять месяцев 2021 г. – на 8,1 %².

В современную эпоху почти вся информация генерируется, редактируется и хранится в цифровом формате. Цифровые доказательства представлены различными способами, включая текстовые записи, такие как электронные таблицы, отчеты или заметки, а также мультимедийные материалы, такие как фотографии, аудио- или видеозаписи.

Задача правоохранительных органов – идти в ногу с новыми технологиями, понимать возможности, которые они открывают для преступников, и то, как их можно использовать в качестве инструментов для борьбы с киберпреступностью. Для этого сотрудники правоохранительных органов привлекают IT-специалистов в области компьютерной криминалистики для расследования уголовных дел с применением электронных носителей информации. Добиться позитивных результатов удастся благодаря активности специализированных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений в сфере IT-технологий. Они созданы в экспертных и следственных службах МВД России и его территориальных органах.

Знание функций современных электронных носителей информации, особенностей их технического использования может значительно повысить эффективность процесса доказывания по уголовным делам, а также предоставить в распоряжение следствия доказательства, которые невозможно получить иными путями.

Следствием высокого научного интереса к обозначенной проблематике яв-

ляется появление в последние годы ряда публикаций, которые можно сгруппировать по следующим направлениям:

1) обоснование введения в действующее уголовно-процессуальное законодательство понятий «компьютерная информация»³, «электронное доказательство»⁴, «цифровые следы»⁵ в качестве самостоятельных видов доказательств;

2) исследование вопросов использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности⁶;

3) процессуальная регламентация отдельных вопросов порядка формирования доказательств на электронных носителях⁷;

4) исследование правовой природы отдельных видов компьютерной информации⁸.

Природа цифровых доказательств иногда может усложнять доступ к ним и их интерпретацию. Как и вещественные доказательства, цифровые доказательства могут быть легко модифицированы и уничтожены, если с ними не обращаться должным образом и не соблюдать строгий алгоритм хранения.

Уголовный процесс как отрасль права устанавливает законодательные рамки применения электронных носителей информации в практической деятельности. Поскольку каждый человек и организация, как правило, хранят большое количество цифрового контента, найти нужные фрагменты криминалистически значимой информации может оказаться непростой задачей.

При этом если в части совершенствования организационно-методического обеспечения выявления, раскрытия и расследования указанных преступлений наблюдается очевидный прогресс, то в части уголовно-процессуальной регламентации порядка работы с информацией на электронных носителях законодательство остается достаточно консервативным.

Ряд законодательных изменений, внесенных в данной сфере, свидетельствует о желании законодателя расширить возможности правоохранительных органов по работе с электронными следами преступления⁹.

6 июля 2016 г.¹⁰ были внесены изменения в Федеральный закон «О связи»¹¹, предполагающие возложение на операторов связи следующих обязанностей:

1) хранить в течение трех лет информацию о каждом факте приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео или иных сообщений пользователей услугами связи;

2) до шести месяцев хранить текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео, иные сообщения, переданные пользователями услугами связи.

Эти требования были уточнены в Постановлении Правительства РФ от 12 апреля 2018 г. № 445¹². Аналогичные требования предусмотрены и к организаторам распространения информации в сети Интернет.

До внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ порядок изъятия электронных носителей информации и копирование данных, содержащихся на них в ходе обыска и выемки, был закреплен в ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. После внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ¹³ данные части статей утратили силу, а для регламентации особенностей изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий была введена ст. 164.1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий».

Принципиальное отличие заключается в том, что теперь порядок изъятия электронных носителей информации и копирования информации, содержащейся на данных устройствах, стал единым не для двух следственных действий (обыск и выемка), а для всех, в том числе и для осмотра места происшествия.

В настоящее время изъятие электронных носителей информации при производстве любого следственного действия должно осуществляться с соблюдением следующих особенностей:

1) обязательное участие специалиста при изъятии электронного носителя информации;

2) по ходатайству законного владельца электронного носителя информации или обладателя содержащейся на нем информации следователем должно быть принято решение о копировании информации специалистом, участвующим в следственном действии, в присутствии понятых;

3) в удовлетворении вышеуказанного ходатайства следователь отказывает при наличии следующих обстоятельств:

а) на электронном носителе информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает;

б) на электронном носителе информации содержится информация, которая может быть использована для совершения новых преступлений;

в) копирование информации (по заявлению специалиста) может повлечь за собой ее утрату или изменение;

4) ход и результаты такого копирования, осуществляемого по ходатайству законного владельца электронного носителя информации или обладателя содержащейся на нем информации, и факт передачи электронного носителя информации, содержащего скопированную ин-

формацию, подлежат фиксации в протоколе следственного действия.

С введением ст. 164.1 УПК РФ законодатель оставил без изменения проблемный вопрос, связанный с нехваткой квалифицированных специалистов и технических устройств, которые позволили бы следователям осуществлять изъятие электронных носителей информации и копировать содержащуюся на них информацию.

Следует отметить, что в научной литературе анализируемое требование уголовно-процессуального законодательства одними авторами поддерживается, а другими подвергается критике. Так, по мнению В. Ф. Васюкова, обязательное участие специалиста в изъятии обнаруженных на месте обыска или в ходе выемки различных накопителей является излишним. По мнению вышеназванного автора, такие объекты без ущерба для проведения расследования и интересов владельцев могут быть самостоятельно изъяты и упакованы следователем¹⁴.

Мы поддерживаем мнение, что законодательное требование об обязательном участии специалиста при проведении обыска или выемки, в ходе которых осуществляется изъятие электронных носителей информации, выглядит чрезмерным. Однако это не относится к вопросам копирования информации. На наш взгляд, самостоятельное копирование следователем информации с электронных носителей допустимо в исключительных

случаях, при подтверждении специалистом отсутствия существенного искажения содержащихся на таких носителях сведений, а также в случаях, если изъятая информация не станет в последующем объектом экспертного исследования.

Следователю целесообразно самостоятельно решать вопрос о необходимости привлечения к изъятию электронных носителей информации специалиста в зависимости от реальной необходимости в использовании специальных знаний.

Трудность заключается в том, что далеко не всегда привлеченный IT-специалист, выбранный случайным образом, обладает необходимой квалификацией, чтобы справиться с решением конкретной задачи расследования.

Документы, регламентирующие компетенцию специалиста, пока детально не разработаны, а существуют в разрозненных научных публикациях.

По мнению Е. Р. Россинской, нужна дорожная карта, предусматривающая:

1) разработку квалификационных требований к специалистам, привлекаемым к выявлению, фиксации, изъятию цифровых следов;

2) создание и утверждение перечня необходимых, сертифицированных аппаратных и программных средств;

3) создание доступных для следователей и дознавателей реестров специалистов, обладающих необходимыми компетенциями¹⁵.

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2021 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/героГз/йет/25443630/> (дата обращения: 22.10.2022).

² См.: МВД России публикует статистические сведения о состоянии преступности за январь–октябрь 2021 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/27002641/> (дата обращения: 21.10.2022).

³ См.: *Зигура Н. А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

⁴ См.: *Оконенко Р. И.* Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе : сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁵ См.: *Россинская Е. Р., Рядовский И. А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.

⁶ См.: *Никитин Р. О.* Правовое обеспечение использования электронно-информационных технологий в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

⁷ См.: *Овсянников Д. В.* Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2015.

⁸ См.: *Васюков В. Ф., Семенов Е. А.* Некоторые проблемы получения и использования цифровой информации при расследовании уголовных дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. II.

⁹ См.: *Шигуров А. В., Шигурова Е. И.* Проблемы правовой регламентации использования электронных следов и электронных носителей информации при производстве по уголовному делу // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 53–63.

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.

¹¹ О связи : федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

¹² Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео и иных сообщений пользователей услугами связи : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2018 г. № 445 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 17. Ст. 2489.

¹³ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8459.

¹⁴ См.: *Васюков В. Ф.* Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий : новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 8–14.

¹⁵ См.: *Россинская Е. Р.* Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 31–44.

*Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя (Московский областной филиал)*

Ростовцев А. В., кандидат юридических
наук, доцент

E-mail: alex.mifist@gmail.com

Берестенко Е. Д., кандидат медицинских
наук, доцент

E-mail: elena-ber@mail.ru

*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
(Moscow Regional Branch)*

Rostovtsev A. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: alex.mifist@gmail.com

Berestenko E. D., Candidate of Medical
Sciences, Associate Professor

E-mail: elena-ber@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация: рассматриваются современное состояние судебной инженерно-технологической экспертизы, актуальность и история развития судебной инженерно-технологической экспертизы, а также проблемы теории и практики судебной инженерно-технологической экспертизы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная инженерно-технологическая экспертиза, назначение судебной экспертизы, теория и практика судебной инженерно-технологической экспертизы.

CURRENT STATE, DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF FORENSIC ENGINEERING AND TECHNOLOGICAL EXPERTISE

Abstract: the article discusses the current state of forensic engineering and technological expertise, the relevance and history of the development of forensic engineering and technological expertise, as well as the problems of theory and practice of forensic engineering and technological expertise, and suggests ways to solve them.

Key words: forensic expertise, forensic engineering and technology expertise, appointment of forensic expertise, theory and practice of forensic engineering and technology expertise.

Поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

Настоящее время именуется веком современных технологий. Каждый день проектируются, функционируют, развиваются и усовершенствуются различного рода системы, средства и технологии, в том числе которые в будущем могут выступать объектами судебной экспертизы. Такое обстоятельство, с одной стороны, вызывает ряд негативных последствий (к примеру, вероятность сужения возможностей судебных экспертиз, усложнение производства исследования, некомпетентность и дефицит как в теоретических, так и в практических знаниях экс-

пертов при решении определенных задач по новым объектам). Несмотря на это, можно отметить и позитивную сторону возникающих последствий, поскольку именно они стимулируют и мотивируют рассматривать их системно и подробно для создания условий по усовершенствованию возможностей судебных экспертиз. В настоящей работе нами будет рассмотрен один из таких примеров.

Судебная инженерно-технологическая экспертиза сегодня – одна из наиболее востребованных судебных экспертиз, которая проводится по различным категориям уголовных, гражданских и в особенности арбитражных дел. Рассматривая принятую классификацию судеб-

ных экспертиз в ведомственных государственных экспертных учреждениях, можно заметить, что такой класс экспертиз не проводится¹. Таким образом, основываясь на нашей практике, следует сделать вывод, что на долю негосударственных судебно-экспертных учреждений приходится довольно большой объем работы в области инженерно-технологических экспертиз. Данный факт отражает значимость и актуальность данного направления в настоящее время.

В рамках арбитражных дел можно отметить споры, связанные с неисполнением требований технического задания по договору поставки различного рода оборудования или устройства, его причины выхода из строя, споры связанные с делами о банкротстве, в случаях, когда необходимо оценить оборудование или устройство, и другие споры.

Анализ практики производства такого рода исследований показывает, что судебная инженерно-технологическая экспертиза требует более подробного изучения и рассмотрения как в теоретических, так и в практических аспектах. Судебной инженерно-технической экспертизе ранее уделялось мало внимания. Можно выделить работы таких ученых, как Е. Р. Россинская, А. Р. Шляхов, Ю. Г. Корухов, Т. С. Волчецкая, Г. П. Шамаев и др. В некоторых трудах перечисленных авторов раскрываются общие черты судебной инженерно-технологической экспертизы. По нашему мнению, это требует более четкой систематизации.

Под судебной инженерно-технологической экспертизой следует понимать процессуальное действие, в ходе которого экспертом-инженером, имеющим специальные познания в области технологической и промышленной безопасности различных объектов, на основании постановления или определения проводится исследование с целью установле-

ния фактов и анализа инженерных конструкций, сооружений, оборудования, механизмов, инженерных сетей, работ по их производству и эксплуатации, а также выявления и устранения причин возникновения недостатков, аварий и т. д.

По мнению Е. Р. Россинской, предметом судебной инженерно-технологической экспертизы является установление причин аварий при работе машин и оборудования, а также нарушения технологии изготовления продукции и правил техники безопасности в промышленном и сельскохозяйственном производстве².

Вопрос классификации задач судебной инженерно-технологической экспертизы был рассмотрен относительно недавно. В работе Г. П. Шамаева представлены наиболее распространенные задачи судебной инженерно-технологической экспертизы:

- 1) исследование проектной документации на предмет соответствия требованиям технического задания;
- 2) исследование аукционной и тендерной документации на предмет обоснованности заявляемых государственным заказчиком требований;
- 3) исследование технологического комплекса на предмет исправности, соответствия требуемым и заявленным характеристикам;
- 4) исследование технологического комплекса для установления причин несоответствия производимой продукции предъявляемым требованиям;
- 5) исследование причин и механизмов аварий и несчастных случаев;
- 6) определение возможности и целесообразности реконструкции оборудования после аварии и его дальнейшей эксплуатации;
- 7) установление факта использования запатентованных устройств, способов изготовления (производства работ), полезных моделей, промышленных об-

разцов, признаков формулы изобретения;

8) экспертиза процедуры сдачи-приемки работ на различных этапах жизненного цикла технологического комплекса³.

Данная классификация, по нашему мнению, в своей совокупности достаточно полно охватывает спектр решаемых задач судебной инженерно-технологической экспертизы. Руководствуясь данной классификацией, в будущем возможно разработать методические подходы и рекомендации по решению отдельных задач инженерно-технологической экспертизы.

Рассматривая представленные задачи, можно отметить, что судебная инженерно-технологическая экспертиза может проводиться как по документам, так и с проведением натурного осмотра. В базовое понятие натурного осмотра принято включать осмотр экспертом объекта исследования, использование специального оборудования для измерения необходимых показателей, фото- и видеофиксация.

Отсутствие системы частной теории и практики судебной инженерно-технологической экспертизы, методики производства отдельных видов инженерно-технологических экспертиз и методических рекомендаций по решению отдельных задач вызывают ряд проблем на практике.

1. Назначение судебной инженерно-технологической экспертизы. Назначение судебной экспертизы является процессуальным действием, которое производится, как правило, лицом, имеющим юридическое образование, поэтому, исходя из нашей практики, появляется несколько трудностей с формулированием вопросов на инженерно-технологическую экспертизу перед экспертом, с правильным выбором и наименованием

судебной экспертизы, а также с предоставлением материалов, необходимых для проведения экспертизы. Эти обстоятельства негативно влияют на производство экспертизы, затягивают срок производства экспертизы и могут быть причиной назначения повторной или дополнительной судебной экспертизы.

2. Проблемы обеспечения доступа на объект для производства судебной инженерно-технологической экспертизы. В силу того, что многие объекты исследования расположены на режимных объектах, предоставление доступа эксперту и (или) одной из сторон дела бывает затруднительно, вследствие чего затягивается процесс производства экспертизы и судебного процесса в целом. В случаях, где доступ на объект представляется частично, только эксперту, т. е. присутствует судебный эксперт и одна из сторон, а другая сторона не присутствует на этапе осмотра, это обстоятельство может нарушать принцип равноправия и дальнейшую оценку заключения эксперта судом. Решением данной проблемы мы видим необходимость суда обязывать стороны обеспечивать доступ для осмотра объекта исследования экспертом и его фотофиксации.

3. Квалификация экспертов по инженерно-технологической экспертизе. Зачастую из-за большого разнообразия объектов инженерно-технологической экспертизы и малой осведомленности должностных лиц, назначающих ее, судебная инженерно-технологическая экспертиза назначается экспертам смежных специальностей, например, экспертам-строителям, экспертам-товароведам, отчего исследование проводится не в полном объеме и по изначально неверному подходу, вследствие чего дается заключение с неверными выводами. Причиной этому служит отсутствие у вышеуказанных экс-

пертов специальных знаний в области машиностроения, оборудования, конструкций и т. д.

4. Отсутствие разработанного алгоритма действий, методических рекомендаций и методик по решению отдельных задач. По причине того, что отсутствуют методические рекомендации по производству инженерно-технологической экспертизы, многое проводится экспериментальным путем, исходя из особенностей складывающегося опыта и области знаний конкретного эксперта, отчего в некоторых случаях возникают субъективные предположения и неверные выводы в заключении.

В решении данной проблемы, по нашему мнению, необходимо отталкиваться от наиболее встречаемых объектов исследования по инженерно-технологической экспертизе. Создание классификации типовых объектов судебной инженерно-технологической экспертизы обеспечит возможность разработки алгоритма действий по определенным категориям объектов.

5. Отсутствие единой базы терминологии. В настоящее время существует

немало справочных материалов, в которых содержится техническая терминология (ГОСТ, ОСТ, СТО), однако не всегда она бывает аналогична. К примеру, один и тот же термин в разных источниках может толковаться неоднозначно, отчего при производстве экспертизы по одному объекту разными экспертами могут даваться различные выводы. Происходит это из-за того, что экспертами использовались разные терминологические источники. Также нет никаких объяснений тому, какому из источников нужно давать предпочтение.

Таким образом, нами рассмотрены современное состояние, некоторые проблемы теории и практики судебной инженерно-технологической экспертизы, а также предложены пути их решения. Отдавая должное всем вышеперечисленным ученым, по нашему мнению, все еще существует ряд теоретических и методических проблем, на которые стоит обратить внимание, вследствие чего продолжение научных исследований в рамках судебной инженерно-технологической экспертизы остается актуальным.

¹ См.: Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (зарегистрировано в Минюсте России 29 января 2013 г. № 26742) : приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 (в ред. от 28.12.2021) ; Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (зарегистрировано в Минюсте России 23 августа 2005 г. № 6931) : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (в ред. от 30.05.2022).

² См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд. М. : Норма, 2020. С. 466.

³ См.: *Шамаев Г. П.* Система задач судебной инженерно-технологической экспертизы // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. С. 174.

АНО ЭНЦ СЭИ «Созидание»

Сурхов Н. М., директор

E-mail: info@sozex.ru

Изюмов Р. Н., руководитель экспертного
отдела

E-mail: info@sozex.ru

Сафин М. Р., эксперт

E-mail: info@sozex.ru

*Expert and Scientific Center for Forensic
Examinations and Research «Sozidaniye»*

Surkhov N. M., Director

E-mail: info@sozex.ru

Izumov R. N., Expert Department Specialist

E-mail: info@sozex.ru

Safin M. R., Expert

E-mail: info@sozex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А н н о т а ц и я: проанализированы проблемные вопросы использования информационных технологий при производстве отдельных следственных действий: осмотр места происшествия, допрос, предъявление для опознания, а также сформулированы некоторые выводы, направленные на оптимизацию криминалистической тактики производства данных следственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационные технологии, следственные действия, тактика следственных действий, видео-конференц-связь, 3D-сканирование.

PROBLEMATIC ISSUES OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE PRODUCTION OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS

Abstract: the article analyzes the problematic issues of using information technology in the production of certain investigative actions: inspection of the scene, interrogation, presentation for identification. And also formulated some conclusions aimed at optimizing the forensic tactics of the production of these investigative actions.

Key words: information technology, investigative actions, investigative tactics, video conferencing, 3D scanning.

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Активно развивающаяся отрасль информационных технологий оказывает существенное влияние на большинство сфер жизнедеятельности российского общества. Незаметно, но стремительно жизнь каждого человека во многом начала зависеть от цифровых устройств и окружающей его информационной среды. Процесс всеобщей интеграции информационных технологий в сферы общественной жизнедеятельности не обошел стороной и преступную деятельность, что приводит к модификации

«традиционных» преступлений и появлению их новых видов. Так, число зарегистрированных преступлений с использованием информационных технологий растет из года в год. По сведениям МВД России, удельный вес совершаемых преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных средств в 2021 г. составил 25,8 % от общего числа зарегистрированных преступлений за данный период, тогда как в 2017 г. их доля от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составила всего лишь 4,4 %, что является показателем стремительного использования и внедрения в преступную деятельность информационных технологий¹.

Процесс интеграции элементов информационных технологий в жизнь общества и государства также коснулся деятельности субъектов расследования, как ответная реакция на новые вызовы и угрозы современной преступности. Учеными-криминалистами созданы и внедрены в практику разнообразные комплексы научно-технических средств для работы с различными видами следов, а также для выездов на места происшествий по отдельным категориям преступлений; всевозможные поисковые приборы, технические средства фиксации обстановки места совершения преступления и следов; экспресс-методы исследования вещественных доказательств (экспресс-анализ); технические средства выявления и задержания подозреваемого; новые тактические приемы осмотра места происшествия, задержания подозреваемого, его обыска и допроса и т. д.²

Вместе с тем в настоящее время назрела острая необходимость наиболее полного расширения информационно-технических средств, задействованных в современном уголовном процессе, а также имеется ряд проблемных вопросов их использования при производстве отдельных следственных действий.

Осмотр места преступления – отправная точка предварительного расследования, первоначальное следственное действие, связанное с изучением следователем и лицом, привлекаемым к производству осмотра, обстановки и других обстоятельств места происшествия и в конечном счете изъятие следов преступления. Внедрение цифровой фотографии и видеосъемки хоть и позволило максимально приблизиться к решению задачи объективной фиксации места происшествия, однако полностью ее не решило. Так, у цифровых фотоаппаратов отмечается ряд недостатков, в основном связанных с невозможностью предостав-

ления точных измерений, которые могут играть важную роль при принятии решения по конкретному уголовному делу. Решить данную проблему можно, используя в качестве средства фиксации криминалистически значимой информации, наряду с уже существующими средствами, возможности 3D-сканера.

Используемые в настоящее время комплексы, позволяющие обеспечивать 3D-сканирование обстановки места происшествия, представляют собой систему 3D-сканера с камерой съемки высокого разрешения³. Так, например, лазерный сканер Leica BLK360 позволяет осуществлять фиксацию, исследование и криминалистическую реконструкцию места происшествия. Результат сканирования представляет собой сферическую фотографию, включающую в себя пространственные координаты каждой точки зафиксированных на месте происшествия объектов⁴. Такая визуализированная модель места происшествия позволяет проводить все виды измерений (расстояния, углы, площади, объемы) без каких-либо искажений. Полностью исключается какая-либо фальсификация полученных данных. Подобные возможности позволяют с успехом решать такие актуальные и трудноразрешимые вопросы, как направление выстрела и траектория полета пули, разлет и размер фрагментов при взрывах, максимально объективно фиксировать места ДТП, взаиморасположение транспортных средств, пострадавших и т. п.⁵ Притом что время, необходимое для сканирования места происшествия с использованием данных технологий, составляет не более 15 минут, что в значительной степени меньше расходуемого времени на составление традиционной схемы места происшествия, сопровождаемой выполнением измерений.

Проблемным вопросом использования лазерного сканера является то, что

с помощью него невозможно просканировать объекты, не имеющие объема или его малое значение. Так, при осмотре места дорожно-транспортного происшествия такими объектами являются следы растекания жидкостей транспортных средств; россыпь частиц лакокрасочного покрытия, фар; следы торможения или юза автотранспорта. Для устранения этого недостатка рекомендуется выставлять конусы по периметру поверхностного объекта либо же сооружать картонные бортики и проводить сканирование по нижней точке⁶. Также необходимо отметить и высокую стоимость устройств, что в значительной мере усложняет в ближайшем будущем повсеместное внедрение в органы внутренних дел технологий 3D-сканирования.

Нередко в правоприменительной практике в ходе расследования уголовных дел возникают ситуации, когда необходимо допросить лицо, а его вызов в территориальный орган, ведущий производство по уголовному делу, затруднен объективными причинами: личное присутствие допрашиваемого лица невозможно, место нахождения допрашиваемого удаленное и труднодоступное, что понесет неоправданные расходы и т. д. В связи с этим законодатель предусмотрел возможность субъектам расследования осуществлять допрос участников уголовного судопроизводства с использованием видео-конференц-связи, дополнив Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ УПК РФ соответствующей нормой. Однако на сегодняшний день имеются трудности организационного и тактического характера производства данного следственного действия, которые обусловлены относительно небольшим временным периодом существования нормы, позволяющей в ходе расследования по уголовному делу использовать данные технологии, в связи с этим и

небольшое количество проводимых следователями данного вида допросов. Так, на наш взгляд, при производстве допросов с использованием систем видео-конференц-связи снижена вероятность получения достоверной информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, ввиду невозможности полного восприятия невербальных реакций допрашиваемого со стороны следователя, проводящего допрос, а также наличия вместе с допрашиваемым постороннего лица в порядке исполнения поручения, в связи с этим следователь напрямую переходит к предмету допроса без установления психологического контакта в обычном его значении.

Тактическим риском могут выступить технические помехи, вызываемые снижением скорости соединения между участниками, рассинхронизацией звукового и видеоканалов, другими проблемами соединения. Поэтому рекомендуется использовать помощь специалиста перед началом проведения допроса и до его завершения, сделав отметку об участии такого лица. Если по техническим причинам видеозапись допроса невозможно произвести программными средствами системы видео-конференц-связи, помощь специалиста потребуется в месте проведения допроса для установки на штативе цифровой видеокамеры высокого разрешения изображения, ее объектив направляется на лицо следователя и экран устройства, а микрофон настраивается на запись звука в высоком качестве⁷.

Введение ст. 189.1 в УПК РФ наделяет правом следователя (дознателя) использовать систему видео-конференц-связи⁸ также при производстве предъявления для опознания и регламентирует условия и порядок проведения данного следственного действия. Однако на сегодняшний день существу-

ет ряд пробелов в криминалистической тактике предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи. Так, не решен вопрос, связанный с конкретизацией требований к качеству, предъявляемому системе видео-конференц-связи при производстве данного следственного действия. Например, если в процессе опознания будет использована видеочкамаера с низким разрешением, то велика вероятность того, что опознающий не сможет опознать опознаваемого либо предмет, что в свою очередь приведет к процессуальной ошибке, влияющей на исход расследования по уголовному делу в частности и отправлению правосудия в целом.

Немаловажным вопросом является обеспечение законности, охраны прав и свобод участников уголовного процесса, которое подразумевает наличие понятых. В данном случае два понятых, количество которых ранее установил законодатель, недостаточно, поскольку опознаваемый и опознающий при предъявлении для опознания с использованием видео-конференц-связи находятся в разных местах. Таким образом, понятые присутствуют лишь с одной стороны, что не позволяет в полной мере убедиться,

что на опознающее лицо не оказывается давление со стороны участников следственного действия. Для органов внутренних дел организационные вопросы процедуры привлечения понятых к участию в следственных действиях остаются острыми по сей день. Актуальное решение данной проблемы нами видится не в увеличении количества участвующих понятых, а в видеозаписи, совершаемой с экрана устройства, и записи происходящего в помещении, где находится опознающий, с использованием панорамной камеры, которая позволит осуществить визуальный контроль и фиксацию следственного действия всего помещения и всех участников⁹.

Использование новейших информационных технологий при производстве отдельных следственных действий является важным инструментарием для обнаружения, раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем наличие вышеизложенных проблемных аспектов позволяет сделать вывод о том, что внедрение передовых технологий в уголовный процесс и криминалистическую деятельность требует дальнейшего совершенствования.

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 15.10.2022); Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 15.10.2022).

² См.: Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.). М., 2021. Т. 2. С. 30.

³ См.: Еремченко В. И. Принципы работы 3D-сканера и его использование для фиксации места происшествия // Общество и право. 2021. С. 62.

⁴ См.: Применение технологии 3D-сканирования при осмотре места происшествия. URL: <https://www.krim-market.ru/blog/primenenie-tekhnologii-3d-skanirovaniya-pri-osmotre-mesta-proisshestviya> (дата обращения: 21.10.2022).

⁵ См.: СК: раскрывать преступления будут с помощью лазерного 3D-сканирования места происшествия. URL: <https://tass.ru/interviews/7012854> (дата обращения: 23.10.2022).

⁶ См.: *Думнов С. Н.* К вопросу применения метода лазерного 3D-сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // *E-Scio*. 2019. С. 794.

⁷ См.: *Руденко А. В., Бондаренко Ю. А., Балугина Т. С.* Организация допроса с использованием средств видео-конференц-связи на территории Российской Федерации // *Общество : политика, экономика, право*. 2022. № 8. С. 40.

⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34481/ (дата обращения: 19.10.2022).

⁹ См.: *Брагер Д. К. и др.* Отдельные аспекты тактики предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи // *Современный ученый*. 2022. С. 296.

Академия управления МВД России

Тайтубаева Л. М., адъюнкт кафедры
управления органами расследования
преступлений

E-mail: lauramvd@mail.ru

*Academy of Management of the Ministry of
Internal Affairs of Russia*

Taitubaeva L. M., Post-graduate officer of the
Crime Investigation Department

E-mail: lauramvd@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН

УДК 343.1

Е. Д. Берестенко, А. В. Ростовцев

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Московский областной филиал)*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Аннотация: данная статья посвящена расследованию преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий для незаконного распространения наркотических средств. В ней рассмотрены особенности тактики следственных действий и использования специальных знаний.

Ключевые слова: наркотические средства, информационно-телекоммуникационные технологии, дистанционный способ, тактика следственных действий, специальные знания.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS COMMITTED BY REMOTE METHOD

Abstract: this article is devoted to the investigation of crimes related to the use of information and telecommunication technologies for the illegal distribution of drugs. It discusses the features of the tactics of investigative actions and the use of special knowledge.

Key words: narcotic drugs, information and telecommunication technologies, remote method, tactics of investigative actions, special knowledge.

Поступила в редакцию 14 ноября 2022 г.

В современных условиях глобализации общества резко возрастает роль современных информационно-телекоммуникационных технологий. С развитием информационных технологий появляются новые способы совершения преступлений, в том числе преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

В системе противодействия преступности в Российской Федерации особое

место отводится борьбе с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов. Это связано с тем, что наркотики оказывают негативное влияние на здоровое развитие граждан, в том числе детей, а также такие преступления наносят огромный ущерб экономике государства.

Наркотические средств представляют собой, согласно Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», «...вещества синтетического или естественного происхождения, препара-

© Берестенко Е. Д., Ростовцев А. В., 2023

ты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией ООН о наркотических средствах 1961 года»¹.

Иными словами, наркотические средства представляют собой вещества различного происхождения, оказывающие влияние на здоровую психику и организм человека, которые запрещены к употреблению, сбыту и изготовлению на территории Российской Федерации.

К основным способам совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов О. А. Макарова относит²:

1) хищение препаратов и наркотических средств из медицинских организаций, аптек и других фармакологических учреждений;

2) получение препаратов, приведенных выше, по поддельным рецептам врача;

3) изготовление наркотических средств путем выращивания растений, их приобретения, изготовление из лекарственных препаратов;

4) контрабанда наркотических средств;

5) приобретение наркотических средств у дилеров и т. д.

В связи с переходом большей части преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств на бесконтактные методы распространения правоохранительные органы сталкиваются с тем, что прежние методы борьбы и предупреждения такой преступности становятся малоэффективными. В связи с этим правоохранительные органы разрабатывают новые методы борьбы с такой преступностью.

Согласно статистическим данным, предоставленным МВД России за январь–июль 2022 г., почти «три четверти преступлений (73,1 %) совершается с использованием сети “Интернет” (212,3 тыс.; –0,2 %), более трети из них (38,6 %) – средств мобильной связи (112,2 тыс.; –11,5 %), почти каждое восьмое (12,2 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 35,3 тыс. (+3,3 %)»³, что свидетельствует об актуальности данной проблемы.

Кроме этого, можно выделить еще ряд особенностей, обуславливающих повышенную опасность незаконного распространения наркотических средств посредством использования сети Интернет:

- расширенный доступ для пользователей, позволяющий им использовать анонимность и программы для обхода блокировки специальными службами для доступа к запрещенным интернет-ресурсам;

- слабую кибербезопасность;
- получение быстрого и большого нелегального заработка.

Стоит отметить, что при приобретении наркотических средств дистанционным способом практически не происходит визуального контакта между продавцом наркотических средств и покупателем. Механизм такой покупки наркотических средств выглядит следующим образом: покупатель находит в Интернете (иногда в Даркнете) места, где можно приобрести наркотические средства. Там он связывается с продавцом, и они определяют объем сделки. Затем покупатель переводит денежные средства на счет продавца, а тот оставляет в месте, недалеко от покупателя, так называемую «закладку», которую покупатель должен самостоятельно найти и забрать.

«Закладка» представляет собой наркотическое средство, завернутое в ка-

кую-нибудь маленькую и неприметную упаковку, оставленную в заранее оговоренном месте.

Особенность дистанционного приобретения наркотических средств состоит в том, что между покупателем и продавцом отсутствует какой бы то ни было личный контакт, что заметно осложняет поимку продавца правоохранительными органами. Самый употребляемый способ приобрести или сбыть наркотические средства – это продать их маленькими дозами, на один прием, в розницу. Стоит отметить, что зачастую продавец даже не оставляет закладки. Это делает специальный человек – «кладмен» (он же сбытчик), работа которого оплачивается дилером. Часто кладменами становятся молодые люди (в основном студенты), которые хотят быстро заработать. Им обещают большую зарплату в обмен на разноску наркотических средств (часто в беседе это не упоминается).

В случае поимки кладмена правоохранительные органы тоже сталкиваются с проблемой поиска продавца, поскольку личный контакт между продавцом и разносчиком также отсутствует.

Поимка правоохранительными органами кладменов и покупателей зачастую не приносит результатов в борьбе с наркотической преступностью, поскольку пойманные субъекты практически ничего не могут сказать о лице, на которого они работают.

К типичным следам данного вида преступлений можно отнести карты, схемы и планы окрестностей, например, где культивировали растения, содержащие наркотические средства, схемы подъездных к ним дорог, квитанции с почты, билеты на автобус, поезд или самолет, указывающие на то, что конкретное лицо посещало определенную местность.

При продаже наркотических средств через Интернет такими цифровыми сле-

дами могут быть переписка между продавцом и покупателем, геоданные, полученные от продавца, о местонахождении наркотических средств, квитанция перевода денежных средств.

Самым распространенным мотивом совершения незаконного сбыта наркотических средств, совершаемых дистанционным способом, является наркотическая зависимость и жажда наживы. Человек осознанно идет на преступление с целью получить необходимую ему дозу либо материальные средства на нее. Еще одним мотивом, который характерен в большей мере для подростков, является самоутверждение среди друзей.

Исходя из особенностей механизма совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и их аналогов, совершенных дистанционным способом, алгоритм производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений требует корректировки.

Как уже было сказано выше, поимка лица, распространяющего наркотические средства через сеть Интернет, не дает полной гарантии по выявлению всей преступной группировки. Исходя из этого, а также ряда других факторов, правоохранительным органам необходимо разработать и применять принципиально новую систему следственных действий, направленных на пресечение, выявление и предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, которые совершаются дистанционным способом⁴. В процессе расследования и раскрытия таких преступлений правоохранительные органы применяют в своей деятельности весь спектр следственных действий, перечень которых определен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Осмотр предметов, обнаруженных у задержанного в данном случае, – очень

важное следственное действие, направленное на выявление причастности лица к распространению или приобретению наркотических средств через Интернет. Кроме того, осмотр списка контактов, сообщений позволит больше изучить участников преступной группировки, а также, возможно, их местонахождение.

В рамках осмотра места происшествия при осмотре мобильных телефонов следует обращать внимание на текстовые и другие сообщения, по которым могут быть установлены иные факты участия задержанного в незаконном сбыте наркотических средств; его соучастники, покупатели, место, время и другие обстоятельства совершения данного и других уголовных преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.

Существует ряд особенностей, которые должны учитываться при изъятии средств компьютерной техники, посредством которой распространялись наркотики. Так, по прибытии на место производства следственного действия рекомендуется сразу же принять меры к обеспечению сохранности средств компьютерной техники и имеющихся на них данных и криминалистически значимой информации. Для этого необходимо:

– не разрешать кому бы то ни было из лиц, работающих на объекте обыска или находящихся здесь по другим причинам, прикасаться к средствам компьютерной техники с любой целью;

– не производить никаких манипуляций со средствами компьютерной техники, если результат этих манипуляций заранее неизвестен.

При изъятии средств компьютерной техники необходимо обеспечить строгое соблюдение требований действующего уголовно-процессуального законодательства. Для этого необходимо акцентировать внимание понятых на всех производимых действиях и их результатах, давая им при необходимости пояснения, поскольку многим участникам следственного действия могут быть непонятны производимые манипуляции.

Кроме того, следует опечатывать средства компьютерной техники так, чтобы исключить возможность работы с ними, разуклоплектовки и физического повреждения основных рабочих блоков.

Таким образом, мы полагаем, что по делам рассматриваемой категории существует необходимость использования в процессе расследования специальных познаний в области информационных технологий. Данные познания необходимы как для получения доказательств, так и для процессуального оформления документов, подготовленных средствами компьютерной техники, которые впоследствии могут играть очень важную доказательственную роль. Качественное и полноценное проведение следственных действий с использованием специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий будет способствовать установлению специфики незаконного оборота наркотиков посредством сети Интернет, а также своевременному выявлению, раскрытию и расследованию данного вида преступлений.

¹ Ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022).

² См.: Макарова О. А. Типичные следственные ситуации и версии, выдвигаемые в процессе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // International Innovation Research. 2017. С. 144–149.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/31904956> (дата обращения: 22.10.2022).

⁴ См.: Кайгородова О. С. Типичные следственные ситуации и планирование расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Правопорядок : история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 68–72.

*Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя (Московский областной филиал)*

Берестенко Е. Д., кандидат медицинских
наук, доцент

E-mail: elena-ber@mail.ru

*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
(Moscow Regional Branch)*

Berestenko E. D., Candidate of Medical
Sciences, Associate Professor

E-mail: elena-ber@mail.ru

Ростовцев А. В., кандидат юридических
наук, доцент

E-mail: alex.mifst@gmail.com

Rostovtsev A. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: alex.mifst@gmail.com

А. Ю. Головин, А. Г. Богомолова

Тульский государственный университет

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ХОДЕ РЕШЕНИЯ РАЗЫСКНЫХ ЗАДАЧ

А н н о т а ц и я: рассмотрены отдельные вопросы взаимодействия органов предварительного расследования с общественностью в ходе решения разыскных задач. Проанализированы тактические аспекты, предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности данной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: разыскные задачи, следователь, информационные технологии, средства массовой информации, взаимодействие с общественностью.

TACTICAL FEATURES OF THE INTERACTION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES WITH THE PUBLIC IN THE COURSE OF SOLVING INVESTIGATIVE TASKS

A b s t r a c t: in the article, the authors consider certain issues of interaction of preliminary investigation bodies with the public in the course of solving investigative tasks. Tactical aspects are analyzed, recommendations aimed at improving the effectiveness of this activity are proposed.

Key words: search, investigator, information technology, mass media, interaction with the public.

Поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

Разыскные действия прочно вошли в структуру и содержание деятельности органов предварительного расследования. Взаимодействие органов предварительного расследования с общественностью в ходе решения разыскных задач основывается на возможности получения от общественности информации разыскного характера и ее использования для достижения целей расследования по уголовному делу, передачи и собирания такой информации.

Следует отметить большое значение использования информационных и коммуникационных технологий при взаимодействии следователя с обществен-

ностью в ходе предварительного следствия¹.

Использование информационных и коммуникационных технологий при взаимодействии органов предварительного расследования с общественностью в ходе решения разыскных задач характеризуется быстрым распространением и получением информации, возможностью широкомасштабного проведения поисковых действий, вовлечения большого количества людей в решение задач раскрытия и расследования преступлений.

Разыскные задачи, решение которых предполагается в ходе взаимодействия органов предварительного расследования с общественностью, включают в себя:

– установление местонахождения разыскиваемых подозреваемых, обвиняемых, а также лиц, без вести пропавших;

– установление местонахождения уклоняющихся от участия в расследовании свидетелей, потерпевших;

– розыск похищенного имущества, орудий преступления, других предметов, способных выступить вещественными или иными доказательствами по делу, признаки которых в объеме, достаточном для осуществления розыскной деятельности, известны лицу, производящему расследование.

Для решения розыскных задач особое значение имеют: 1) фактор оперативного размещения информации и доведения ее до общественности; 2) максимально широкий охват информирования; 3) организация обратной связи с органами расследования.

Формами действий органов предварительного расследования в целях решения розыскных задач могут выступать:

1) размещение розыскной информации на официальных сайтах (иных информационных ресурсах) правоохранительных органов;

2) размещение розыскной информации в традиционных и электронных СМИ (например, в регионах потенциального местонахождения разыскиваемых лиц и других объектов);

3) размещение информации розыскного характера на различных ресурсах в сети Интернет (группы в социальных сетях, блоги, мессенджеры и т. д.);

4) обращения за помощью к волонтерам, общественным организациям и объединениям поисковой направленности и др. Представляется, что координация розыскной работы волонтеров, представителей общественных организаций и объединений в ходе расследования по уголовном делу должна проводиться под

общим руководством и в рамках поручений следователя.

Привлечение общественности к решению розыскных задач предварительного расследования предполагает, во-первых, использование различных средств массовой информации и коммуникации и, во-вторых, грамотную подачу информации розыскного характера.

Следственные ситуации, обусловленные решением розыскных задач, характеризуются необходимостью незамедлительного размещения обращений к населению, что должно обеспечиваться оперативностью принятия следователем соответствующего тактического решения. Представляется, что информацию розыскного свойства необходимо распространять на первоначальном этапе расследования, поскольку это самое ценное время для раскрытия и расследования преступления. В то же время средства массовой информации также должны обладать способностью к незамедлительному размещению материалов органов предварительного расследования для дальнейшего распространения.

Грамотный выбор следователем конкретных средств массовой информации и коммуникации при взаимодействии с общественностью во многом обеспечивает эффективность решения розыскных задач. Органам предварительного расследования необходимо обращаться к потенциальной аудитории, т. е. к тем группам населения, которые смогут увидеть и воспринять размещенную информацию, заинтересоваться ею и откликнуться с предоставлением полезной информации.

Определяя круг средств и технологий взаимодействия с определенной социальной группой, следователь должен оценить тираж, рейтинг, популярность издания, радио-, телеканала, интернет-ресурса именно среди лиц, входящих в такие группы и сообщества.

При решении розыскных задач органам предварительного расследования особое внимание необходимо уделить информационным и коммуникационным возможностям различных СМИ и тактическим особенностям их использования в ходе взаимодействия с общественностью. В их числе возможности передачи информации по телекоммуникационным каналам связи (сеть Интернет и т. д.), мобильным технологиям передачи информации, социальным сетям и пр. Представляется, что информацию розыскного характера необходимо распространять в регионах потенциального местонахождения разыскиваемых лиц и других объектов, например, посредством групп в популярных социальных сетях, объединяющих жителей данного района или города.

Распространение информации следователем в социальных сетях может содержать просьбу о ее дублировании пользователями сети Интернет в целях массового тиражирования сообщения (например, путем размещения на своих персональных сайтах, страницах в социальных сетях, группах в программах-мессенджерах, в том числе с помощью репостов). В свою очередь, такие действия приведут к существенному расширению круга информирования различных лиц, в том числе обычно не интересующихся информацией, распространяемой органами предварительного расследования.

Следователь должен заранее подготовить текст обращения к общественности (сообщения, публикации) и передать его в подразделение по связям с общественностью (пресс-службу) для последующего размещения на информационных ресурсах правоохранительных органов, направления в традиционные и электронные СМИ и доведения до представителей общественности по другим собственным и сторонним каналам связи.

В сообщениях о розыске должны использоваться крупный шрифт, громкая, четкая и понятная речь, содержаться фотографии или композиционные портреты разыскиваемых лиц или иных объектов, видеозаписи крупным планом и в хорошем качестве. Следовательно необходимо обеспечить (проконтролировать) предоставление качественных фото-, видео- и аудиоматериалов, сопровождающих публикации и другие информационные материалы, а также результат их последующего размещения в средствах массовой информации и коммуникации. При размещении на ресурсах сети Интернет такие материалы должны иметь качественную загрузку, а при просмотре видеоролика – отсутствовать реклама.

Важное значение имеет своевременная актуализация информации по разыскиваемым лицам и другим объектам, доводимой органами предварительного расследования до общественности. Такая актуализация предполагает уточнение данных, позволяющих дополнительно индивидуализировать и идентифицировать объекты розыска, определить места их возможного нахождения или появления. При достижении розыскных задач или наличии других оснований для прекращения розыскной деятельности информация об этом должна также доводиться до общественности.

Органам предварительного расследования необходимо продумать организационные и технические условия оперативной обратной связи с представителями общественности, проверки и оценки полученной ответной информации.

В обращениях к общественности следует указывать адреса официальных сайтов органов предварительного расследования, электронных приемных и порталов обращений, адреса страниц в социальных сетях, адреса официальной электронной почты, номера телефонов (с

возможностью электронного обращения по типу программ обмена мгновенными сообщениями), по которым граждане смогут информировать органы предварительного расследования об известных им фактах, обстоятельствах, относящихся к совершению преступлений, их раскрытию, расследованию и решению других криминалистических задач.

Получаемые сведения необходимо проверять как процессуальным, так и оперативно-разыскным путем. Большая часть ответной информации носит непроцессуальный (вспомогательный) характер и требует дополнительной проверки, уточнения и доработки путем проведения оперативно-разыскных мероприятий. Оперативные сотрудники располагают большими возможностями реализовать поступающие в результате

использования средств массовой информации и коммуникации сведения, в связи с этим при получении в порядке ответной информации каких-либо сведений об обстоятельствах совершенного преступления, требующих проверки оперативно-разыскным путем, должно даваться соответствующее поручение органам дознания на проведение такой проверки.

В зависимости от сложившейся следственной ситуации взаимодействие органов предварительного расследования с общественностью в ходе решения розыскных задач может иметь и иные тактические особенности. Тактически грамотное использование информационных и коммуникационных технологий будет способствовать повышению эффективности и результативности следственной деятельности.

¹ См.: *Баев О. Я.* Место и цели взаимодействий со средствами массовой информации в структуре взаимодействий следователя : современный этап развития российского государства : на пути к «сильному» или правовому государству? // *Юридические записки.* 2005. Вып. 18. С. 43–52 ; *Головин А. Ю., Дубоносов Е. С.* Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. Тула : Издательство ТулГУ, 2001. 80 с. ; *Ковалев С. М., Ильин Ю. И.* Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в розыске подозреваемых и пропавших без вести лиц // *E-Scio.* 2020. № 11 (50). С. 444–451 ; *Тишутина И. В.* Организационные и тактические аспекты взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2021. № 3. С. 28–34.

Тульский государственный университет

Головин А. Ю., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

E-mail: golovintula@rambler.ru

Богомолова А. Г., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

E-mail: a.g.reznikova@mail.ru

Tula State University

Golovin A. Yu., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Justice and Law Enforcement

E-mail: golovintula@rambler.ru

Bogomolova A. G., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Justice and Law Enforcement

E-mail: a.g.reznikova@mail.ru

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация: обосновывается вывод автора о невозможности качественной разработки новых и совершенствовании ранее предложенных криминалистических рекомендаций по преодолению противодействия предварительному расследованию. Их применение в следственной практике невозможно без учета ситуационных факторов и условий. Предложена система признаков, указывающих на осуществленное, реализуемое или подготавливаемое противодействие расследованию. Сформирована базовая система типичных следственных ситуаций с признаками противодействия предварительному расследованию.

Ключевые слова: ситуационный подход, следственная ситуация, конфликт, противодействие предварительному расследованию, криминалистически значимая информация.

SITUATIONAL APPROACH TO OVERCOMING OPPOSITION TO PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: the article substantiates the author's conclusion about the impossibility of qualitative development of new and improvement of previously proposed forensic recommendations to overcome the opposition to the preliminary investigation, as well as their application in investigative practice are impossible without taking into account situational factors and conditions. A system of signs indicating the implemented, implemented or prepared counteraction to the investigation is proposed. A basic system of typical investigative situations with signs of counteraction to the preliminary investigation has been formed.

Key words: situational approach, investigative situation, conflict, counteraction to preliminary investigation, criminalistically significant information.

Поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

Преодоление противодействия предварительному расследованию – важный элемент криминалистической деятельности. Эта работа включает в себя сложный комплекс процессуальных действий и непроцессуальных мероприятий, проводимых лицом, производящим предварительное расследование, либо реализуемых по его поручению, направленных

на выявление, пресечение и предупреждение такого противодействия, нейтрализацию его негативных последствий для достижения задач уголовного судопроизводства.

Качественная разработка новых и совершенствование ранее предложенных криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности и результативности действий по преодолению противодействия предварительному расследованию, а также их

применение в следственной практике невозможны без учета ситуационных факторов и условий, сопровождающих процесс раскрытия и расследования преступлений на разных этапах.

Следственная ситуация, осложненная фактором противодействия предварительному расследованию, всегда носит конфликтный характер. Как следствие, перед лицом, производящим предварительное расследование, стоит задача по ее грамотной оценке и выбору средств ее разрешения. Как справедливо подчеркивал О. Я. Баев, «специфика следственной деятельности и неукоснительное подчинение ее решению задач, стоящих перед следователем по достижению целей уголовного судопроизводства, однозначно определяет и “общую стратегию” следователя по разрешению конфликта. Иными словами, можно сказать, что “общая стратегия” поведения следователя в условиях конфликта predeterminedена уголовно-процессуальным законом»¹.

На ставя задачу анализировать многочисленные взгляды на сущность следственных ситуаций, представленные в криминалистической литературе, отметим, что наиболее оптимальным представляется понимание этого понятия как сложившейся на определенный момент обстановки (положения), в которой осуществляется криминалистическая деятельность. Такое понимание позволяет наиболее полно отразить весь комплекс факторов и условий, оказывающих влияние на возникновение и развитие как общей, так и частных следственных ситуаций. Таким фактором, безусловно, являются умышленные действия (бездействии) различных лиц, направленные на воспрепятствование выявлению признаков преступления, возбуждению уголовного дела или достижению результатов предварительного расследования. При этом такие действия (бездействие) мо-

гут преследовать цели воздействия на доказательственную или иную криминалистически значимую информацию, а также создание препятствий достижению задач уголовного судопроизводства иным образом.

Ситуационный подход как метод криминалистического научного и практического познания, применяемый в ходе предварительного расследования по уголовным делам, направлен на установление и типизацию криминальных ситуаций, складывающихся в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления, ситуаций посткриминального поведения преступников и других лиц, включая рассматриваемое противодействие. Детерминированные такими факторами и обстоятельствами следственные ситуации поддаются типизации, в связи с чем применительно к каждому типу таких ситуаций криминалистической наукой могут быть выработаны рекомендации по их разрешению, в том числе с учетом специфики предварительного расследования.

Проведение расследования преступлений без учета либо с игнорированием фактора потенциального противодействия со стороны субъектов таких деяний, иных лиц в криминалистическом плане представляется ошибочным, а при умышленном характере подобных действий – потенциально противоправным.

Грамотная оценка следственной ситуации, осложненной фактором противодействия предварительному расследованию, имеет особое значение. Очевидно, что чем раньше следователем будут выявлены факты подобной деятельности, ее негативные последствия или признаки приготовления к ней, тем оперативнее и эффективнее может быть организована работа по пресечению и профилактике такого поведения, нейтрализации его влияния на достижение задач уголовного судопроизводства.

Признаки, указывающие на возможные факты осуществленного или реализуемого противодействия предварительному расследованию, в криминалистической литературе предлагается определять как отдельные проявления тех или иных приемов уклонения от ответственности, стремление затруднить расследование, судебное разбирательство, установление истины по делу². Однако такое понимание признаков рассматриваемого противодействия носит предельно общий характер. Представляется, что система признаков, указывающих на осуществленное, реализуемое или подготавливаемое противодействие расследованию, может быть конкретизирована и включает в себя:

- установленные в ходе предварительного расследования признаки наличия или отсутствия различных явлений, находящихся в противоречии (до их логического разрешения следственным путем) с представленным материальным (документальным) или вербальным объяснением произошедшего события, правомерности совершенного должностным лицом действия (бездействия), вынесенного акта или принятого решения, т. е. негативные обстоятельства;

- существенные противоречия в показаниях подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, потерпевшего, представителя потерпевшего;

- «забывчивость» допрашиваемых лиц об обстоятельствах расследуемого преступления и своего участия в нем либо об обстоятельствах своего участия в следственных действиях, оперативно-тактических операциях;

- попытки срыва следственных действий, дискредитации их результатов (отказ от участия в следственных действиях, фиксации их хода посредством видео- или аудиозаписи, попытки искажения подписи и почерка при подписа-

- нии процессуальных документов, отказ от ранее поставленной подписи на процессуальных или других официальных документах);

- непредставление ответов на официальные запросы органов следствия, представление таких ответов за подписью неизвестных или неуполномоченных лиц, непредставление подлинников запрашиваемых документов;

- предоставление органам расследования дополнительных документов о полномочиях и правовом статусе подозреваемых (обвиняемых) на момент совершения инкриминируемого им должностного преступления (например, приказа об увольнении лица на более раннюю дату);

- утверждение участников процесса о психологическом воздействии со стороны сотрудников правоохранительных органов;

- внезапный отказ представителя потерпевшего, свидетелей от ранее данных показаний, изменение ранее данных показаний в пользу версии подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) по делу;

- дача экспертом, специалистом заключений или показаний, выводы которых вступают в очевидное противоречие с другими доказательствами по уголовному делу;

- получение следователем доказательственной или ориентирующей информации об имевших место контактах подозреваемых (обвиняемых) или действующих в их интересах лиц с участниками расследования либо поступление различных требований и угроз со стороны неизвестных лиц в адрес участников расследования или их близких;

- покушения на участников расследования, их близких, принадлежащее им имущество;

- отказ от явки по вызову следователя либо исчезновение участников рас-

следования по делу, получение информации о возможной смене ими места жительства, выезде в другие регионы или государства, попытки изменения персональных данных;

– нарушение подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) мер пресечения, не связанных с лишением свободы;

– заявления о невозможности участия в расследовании по состоянию здоровья, в том числе с представлением медицинских документов;

– исчезновение интересующих следствие документов (их подлинников) из государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений и организаций, включая коммерческие, архивов;

– попытки уничтожения или фальсификации материалов уголовного дела или отдельных доказательств;

– необоснованное затягивание сроков расследования или выполнения процессуальных поручений, в том числе сотрудниками правоохранительных органов;

– подача стороной защиты большого количества ходатайств, жалоб, включая ходатайства о признании определенных доказательств по делу недопустимыми;

– обращение к следователю, членам следственной или следственно-оперативной группы посторонних лиц, в том числе не привлеченных к участию в расследовании сотрудников правоохранительных структур, с официальными запросами или частными просьбами предоставить информацию о ходе и участниках расследования по уголовному делу;

– появление публикаций в средствах массовой информации, в сети Интернет различных сведений о ходе и состоянии расследования должностного преступления (преступной деятельности), осуществление действий по «обелению» фигурантов уголовного дела, дискреди-

тации перед общественностью сотрудников правоохранительных органов и их действий;

– попытки вмешательства в ход расследования, дачи негативных оценок действиям органов следствия со стороны руководителей или кураторов лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, политических или общественных деятелей;

– попытки незаконного возбуждения уголовных дел, уголовного преследования, административного или служебного давления в отношении заявителей, потерпевших, свидетелей и других участников предварительного расследования.

С позиций ситуационного подхода также представляется возможным выделить типичные следственные ситуации с признаками противодействия предварительному расследованию.

Ситуация 1-го вида – следователь обладает подтвержденной информацией о факте имевшего место или оказываемого противодействия предварительному расследованию и лицах, его осуществляющих.

Ситуация 2-го вида – следователем выявлены признаки возможно оказанного или осуществляемого противодействия предварительному расследованию, однако его субъекты и обстоятельства не установлены или не подтверждены в должном объеме.

Ситуация 3-го вида – в распоряжении следователя имеется криминалистически значимая информация о планируемом (организуемом) противодействии предварительному расследованию.

Применительно к каждому виду типичных ситуаций должны быть выработаны и постоянно совершенствоваться криминалистические рекомендации по своевременному выявлению, пресечению и предупреждению рассматриваемого противодействия, в том числе с учетом

особенностей расследования преступлений отдельных групп и видов.

Своевременные разработка, совершенствование и внедрение в правоохранительную практику таких рекомендаций до правоохранительной практики позволит существенно оптимизировать и повысить качество преодоления противодействия предварительному расследованию со стороны следователей и дознавателей. В числе первоочередных задач, в частности, разработка и совершенство-

вание криминалистических рекомендаций по преодолению противодействия предварительному расследованию путем создания «общественного ажиотажа» вокруг расследования по уголовному делу, следователя и других участников, по делам о коррупционной и иной должностной преступной деятельности, деяний, совершенных с использованием информационно-компьютерных технологий, преступлений экстремистской направленности.

¹ Бавев О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. М. : Эксмо, 2011. С. 122.

² См.: Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под ред. Б. Я. Гаврилова и В. П. Лаврова. М., 2017. С. 91.

Тулский государственный университет

Головина Е. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

E-mail: golovinatula@rambler.ru

Tula State University

Golovina E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Justice and Law Enforcement

E-mail: golovinatula@rambler.ru

В. Н. Карагодин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Екатеринбургский филиал)

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Аннотация: рассматриваются теоретические взгляды разных ученых на объект и предмет криминалистической тактики, излагается авторская позиция относительно указанной категории науки криминалистики. В частности, выражаются сомнения относительно правомерности включения в объект криминалистической тактики широкого круга организационно-управленческих действий руководителей следственных органов, следователей.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, преступная и постпреступная деятельность, расследование преступлений, тактические решения, приемы, рекомендации.

DISCUSSION ASPECTS OF IDEAS ABOUT THE OBJECT AND SUBJECT OF CRIMINALISTIC TACTICS

Abstract: the article examines the theoretical views of various scientists on the object and subject of forensic tactics, sets out the author's position regarding this category of criminology science. In particular, doubts are expressed about the legality of including a wide range of organizational and managerial actions of heads of investigative bodies and investigators in the object of forensic tactics.

Key words: criminalistic tactics, criminal and post-criminal activity, crime investigation, tactical solutions, techniques, recommendations.

Поступила в редакцию 27 сентября 2022 г.

Беглый обзор научно-методической литературы, издававшейся в течение последних десяти лет, позволяет прийти к выводу, что представления о сущности криминалистической тактики не претерпели кардинальных изменений. Большинство отечественных ученых криминалистическая тактика рассматривается в качестве самостоятельного раздела науки криминалистики, в котором объединяются научные положения, на основе которых разрабатываются тактические приемы и рекомендации¹.

Несмотря на определенное единство во взглядах на указанные сущностные признаки понятия криминалистической тактики, представления об объекте и предмете этого раздела криминалистики отличаются разнообразием и противоречивостью.

Значительная часть авторов относят к объекту криминалистической тактики преступную деятельность, материальные и идеальные следы которой могут быть выявлены, изъяты, исследованы и использованы в ходе следственных действий. При этом некоторые авторы ограничивают объект криминалистической

тактики криминальной активностью именно обвиняемого².

С подобным подходом трудно согласиться. Тактические приемы и рекомендации разрабатываются для разных ситуаций расследования, в том числе для условий, в которых отсутствуют данные о личности субъекта предполагаемого преступления. В подобных ситуациях лица, подлежащие привлечению в качестве подозреваемого и (или) обвиняемого, еще не установлены. Тем не менее общеизвестны рекомендации по планированию расследования в таких условиях, тактические приемы проведения осмотра места происшествия, допроса свидетелей, специалистов и т. п.

Представляется, что преступная деятельность должна характеризоваться не только с точки зрения ее правового значения. В криминалистической тактике изучается преступная деятельность без учета ее уголовно-правовой квалификации. В этом отличие объекта криминалистической тактики от объекта криминалистической методики, в рамках которой проводятся исследования отдельных видов преступлений. В связи с этим представляется неправомерным использование для обозначения отдельных исследований, посвященных изучению отдельных преступлений, термина «тактический (-ие)». Например, в одной из диссертаций, посвященных тактике использования специальных знаний, были выделены разделы, отведенные под исследование «тактических» особенностей исследования цифровых следов налоговых посягательств, преступлений, связанных с незаконным проведением азартных игр и других видов общественно опасных деяний³. Полагаем, что в данном случае исследование проводилось в области криминалистической методики. На первый взгляд отмеченные погрешности не влияют на качество проводимых изысканий.

Однако слабое владение основными категориями науки сказывается на результативности исследования. Возвращаясь к вышеупомянутому исследованию, можно сказать, что в нем выделенные особенности ограничиваются перечнем задач осмотра компьютерной техники и компьютерно-технических экспертиз.

Некоторые авторы кроме криминальной включают в объект криминалистической тактики и деятельность по сокрытию преступления⁴. Более верным является включение в объект тактики противодействия расследованию.

Представляется необходимым включение в объект криминалистической тактики деятельности добросовестно заблуждающихся субъектов досудебного производства в период их участия в процессуальных действиях.

Казалось бы, относительно содержания второго элемента объекта криминалистической тактики – деятельности по расследованию преступлений – не существует расхождения во взглядах. Однако некоторые авторы включают в содержание анализируемого раздела криминалистики тактику оперативно-разыскной деятельности⁵. С этим мнением вряд ли можно согласиться. Теория оперативно-разыскной деятельности давно сформировалась как самостоятельная отрасль научного знания. Особенности оперативно-разыскной деятельности требуют для ее проведения специфических приемов, значительно отличающихся от тактических приемов.

Близкой к приведенной является позиция, в соответствии с которой выделяются тактика обвинения, защиты и суда⁶. Объект криминалистической тактики в таком случае представляется как деятельность по формированию, поддержанию обвинения, судебному разбирательству и защите. Деятельность стороны обвинения включает в себя предваритель-

ное расследование. В содержание защиты включаются усилия не только адвоката-защитника, но и следователя, прокурора, суда по обеспечению процессуальных прав участников судопроизводства.

Приведенная точка зрения, несмотря на ее привлекательность, выглядит недостаточно обоснованной. Многие тактические приемы и рекомендации, предназначенные для следователей, могут использоваться и прокурором, и судьей. Это, прежде всего, рекомендации по проверке следственных версий, проведению практически всех следственных действий. В таком случае возникает вопрос о целесообразности выделения вышеуказанных тактик.

Что касается тактики профессиональной защиты, то первые публикации с ее упоминанием вызвали резко негативную реакцию со стороны ряда ученых. Одним из первых и основных разработчиков тактики профессиональной защиты являлся О. Я. Баев, который не только сформулировал основные положения частного криминалистического учения, но и подготовил значительное количество практических рекомендаций⁷. Можно констатировать, что О. Я. Баев создал самостоятельное криминалистическое учение, которое трансформируется в самостоятельную отрасль научного знания. Даже ярые противники идей О. Я. Баева вынуждены были признать их жизнеспособность и востребованность⁸.

Ряд ученых включают в содержание криминалистической тактики, а следовательно, и в ее объект организационно-управленческую деятельность, в том числе действия следователя и руководителя

следственного органа⁹. Представляется, что названные операции, включая доклады следователя, обсуждение на совещаниях хода осуществляемого им досудебного производства, реализацию руководителем следственного органа полномочий, предусмотренных ст. 39 УПК РФ, относятся к объекту теории организации расследования, а не к криминалистической тактике.

В то же время действия следователя по планированию досудебного производства, взаимодействию с сотрудниками органов дознания, специалистами, экспертами, другими субъектами, несомненно, относятся к объекту криминалистической тактики.

По нашему мнению, к объекту криминалистической тактики относятся преступные и постпреступные действия, имеющие значение для теоретической разработки, применения тактических средств в ходе реальных ситуаций досудебного производства.

В данном случае под тактическими средствами понимаются и тактические решения, тактические приемы и тактические рекомендации, которые предназначены для диагностики разрешения сложных, сохранения простых ситуаций расследования, независимо от вида расследуемого события.

Предмет криминалистики образуют закономерности возникновения, собирания, исследования, использования с помощью тактических средств доказательственной информации об обстоятельствах, характере, участниках расследуемых событий, независимо от их правовой и иной классификации.

¹ См.: Александров И. В. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика : в 5 т. Т. 4. Криминалистическая тактика : учебник для вузов / под общ. ред. И. В. Александрова. М., 2020. С. 10 ; Бессонов А. А. Криминалистическая тактика. М., 2015. С. 5.

² См.: Князьков А. С. Объект и предмет криминалистической тактики в контексте тактико-криминалистических средств // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 122.

³ См.: Себякин А. Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 20–23.

⁴ См.: Александров И. В. Указ. соч. С. 10.

⁵ См.: Корж В. П. Криминалистическая тактика : современные проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 184.

⁶ См.: Смахтин Е. В. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика : учебник для вузов / под ред. В. Н. Карагодина, Е. В. Смахтина. 2-е изд. М., 2019. С. 144–146.

⁷ См.: Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и защиты от него. М., 2008.

⁸ См.: Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика : генезис понятия // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 133.

⁹ См.: Друпкин Л. Я. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. Т. 2. С. 12.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации
(Екатеринбургский филиал)*

Карагодин В. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: karagodin_vn@mail.ru

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation (Yekaterinburg branch)*

Karagodin V. N., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Department of Criminology

E-mail: karagodin_vn@mail.ru

Т. Э. Кукарникова

Воронежский государственный университет

О ПРОБЛЕМЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА О. Я. БАЕВА

Аннотация: рассмотрены вопросы назначения экспертиз в уголовном судопроизводстве, в частности, проблемы, связанные с экспертной деятельностью до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: экспертная деятельность, доследственная проверка, оценка доказательств.

THE PROBLEM OF THE NEED TO ATTRACT SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE WORKS OF PROFESSOR O. Ya. BAEV

Abstract: the article deals with the appointment of expertise in criminal proceedings; in particular issues related to the activities of the expert before the criminal complaint.

Key words: expert activities, activities of the expert before the criminal complaint, evaluation of the evidence.

Поступила в редакцию 21 декабря 2022 г.

Обращение правосудия к помощи науки отмечается в истории судебной экспертизы и криминалистики достаточно давно. Напомним, что и сама криминалистика возникла в первую очередь как наука о целенаправленном использовании для расследования преступлений естественно-научных знаний¹.

Говоря о необходимости привлечения специальных знаний, О. Я. Баев писал: «В настоящее же время практически нельзя встретить уголовного дела, при расследовании которого в той или иной форме не использовались бы специальные познания»².

Олег Яковлевич отмечал ряд обстоятельств, которые обуславливают эту необходимость. Во-первых, уголовно-про-

цессуальный закон не только предоставляет следователю возможность привлечения специалистов к расследованию, но и предписывает в ряде случаев обязательное их участие в производстве отдельных следственных действий. К примеру, напомним, что допрос свидетелей и потерпевших до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя – до восемнадцати лет производится с участием педагога (ст. 191 УПК РФ); при допросе лица, не владеющего языком, на котором осуществляется судопроизводство, обязательно участие переводчика (ст. 18 УПК РФ); при наружном осмотре трупа на месте его обнаружения – специалиста в области судебной медицины или иного врача; эксгумация трупа производится с обязательным участием врача-специалиста в области судебной медицины (ст. 178 УПК РФ); освидетельствование,

© Кукарникова Т. Э., 2023

если оно сопровождается обнажением освидетельствуемого (в случаях когда следователь и освидетельствуемый разного пола), производится врачом (ст. 179 УПК РФ), и т. д. Однако здесь, на наш взгляд, имеются некоторые пробелы, например, они не касаются использования знаний в области компьютерных технологий.

Во-вторых, ст. 196 УПК РФ в императивной (обязательной) форме перечисляет обстоятельства, которые надлежит устанавливать исключительно путем использования специальных познаний и лишь в форме экспертизы (причины смерти, характер и степень вреда, причиненного здоровью, и т. д.).

В-третьих, это предопределяется все более усложняющимся процессом расследования преступлений: чтобы приобрести значимость судебных доказательств, отдельные факты и обстоятельства могут быть выявлены и исследованы не иначе как с использованием специальных познаний в соответствующей области науки, техники и ремесла.

В-четвертых, наконец, поступательное развитие науки постоянно пополняет арсенал криминалистических средств новейшими разработками (аппаратурой, технологиями, методиками) в области собирания и исследования доказательственной информации – от электронной техники для обнаружения пустот (тайников) до методик идентификации личности по мельчайшим биологическим следам (так называемая «генная дактилоскопия») и полиграфических исследований на предмет установления причастности испытуемого к расследуемому преступлению и т. д.³

Заметим, что в последние десятилетия в практику судебной экспертизы вошли новые, высокотехнологичные методы исследования, позволяющие выполнять идентификационные экспертизы на

уровне индивидуализации. Возрастание информативности результатов судебной экспертизы привело к существенному повышению доказательственного значения экспертных данных. А как известно, в соответствии с законом цель экспертной деятельности – установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству судебная экспертиза может быть назначена на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства (рассмотрения уголовного дела по существу судом первой инстанции) и апелляционного производства (пересмотра приговора суда первой инстанции, не вступившего в законную силу, по существу в апелляционном порядке).

Уже 10 лет назад, в 2013 г., в ст. 144 УПК РФ были внесены дополнения, в соответствии с которыми стало возможным назначение судебной экспертизы на стадии доследственной проверки, что имеет большое значение для законного и обоснованного разрешения сообщения о преступлении.

Однако наряду с положительным эффектом обозначились и до сих пор не решены некоторые проблемы, связанные с реализацией данной нормы.

1. В законе отсутствует норма относительно использования следователем специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела в такой процессуальной форме, как заключение специалиста. Очевидно, что для производства судебной экспертизы эксперту требуется определенное время для проведения исследования. Однако в некоторых случаях исследования объекта не требуется и для обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела следовате-

лю было бы достаточно получить только заключение специалиста.

По мнению В. М. Быкова, специалист, как правило, основывает свое заключение лишь на своем профессиональном опыте и внешнем осмотре представленного на заключение объекта, а полного исследования объекта специалист не проводит. Ограничиваясь внешним осмотром представленных ему объектов – документов, предметов и веществ, специалист свои специальные познания и профессиональный опыт использует только для формирования своего суждения и мнения о сущности и отдельных признаках объекта, которые представляет в своем заключении. Практически для принятия следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела этого заключения специалиста бывает вполне достаточно⁴.

Как отмечает профессор А. М. Зинин: «Необходимость в использовании помощи специалиста на данном этапе не всегда очевидна... однако специалист может обратить внимание суда, и прежде всего следователя, на такие возможности использования научно-технических средств и методов, которые малоизвестны или вообще не известны инициаторам проведения процессуальных действий»⁵.

При планировании производства следственных действий специалист может оказать помощь:

– в выборе технических средств фиксации следственного действия или оперативного мероприятия;

– определении последовательности производства следственных действий или оперативных мероприятий;

– определении в зависимости от поставленных следствием задач круга других специалистов, которых необходимо пригласить для проведения следственного действия или оперативного мероприятия.

Задачей специалиста, участвующего в оперативно-разыскном мероприятии, является не только содействие в выявлении, сборе, фиксации фактической информации, необходимой для решения конкретных задач, но и ее минимальное исследование с целью получения ориентирующей информации.

2. Значительная часть вопросов, касающихся производства экспертиз, регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁶ и ведомственными Инструкциями. Это касается порядка регистрации в экспертном учреждении поступивших постановлений о назначении экспертизы, сроков проведения экспертизы и некоторых других вопросов.

Как справедливо отмечает С. А. Грачев, при внесении изменений в УПК РФ другие нормативные акты своевременно изменению, как правило, не подвергаются, в связи с чем активное применение вновь созданных правил не всегда возможно⁷.

3. В ч. 1 и 2 ст. 144 УПК РФ презюмируется: если экспертиза назначалась до возбуждения уголовного дела, а после его возбуждения стороной защиты или потерпевшим заявлено ходатайство о производстве повторной (дополнительной) экспертизы, ходатайство подлежит удовлетворению.

Напомним, что назначение и производство повторной и дополнительной экспертизы предполагает наличие определенных оснований (ст. 207 УПК РФ), а именно:

«1. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена дополнительная судебная экс-

пертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту.

2. В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Игнорируя данные основания, рассматриваемая статья УПК РФ практически сводит на «нет» все усилия законодателя по приданию результатам доследственной проверки безусловного доказательственного значения. «С одной стороны, законодатель стремится избавить органы расследования от проведения совпадающих по сути исследований (с целью придания безусловного доказательственного значения заключению эксперта, которое получено до возбуждения уголовного дела). С другой – закрепляет право потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на инициирование обязательного производства экспертизы (фактически признавая заключение первоначальной экспертизы недопустимым доказательством по сугубо формальным основаниям)»⁸.

Указанные нормы фактически говорят об отсутствии достаточного доказательственного значения экспертизы, проведенной до возбуждения уголовного дела.

Кроме того, как справедливо замечают М. О. и О. Я. Баевы, «данная новелла вполне может быть использована для затягивания сроков производства по уголовному делу в тактических целях стороной защиты»⁹. Действительно, закон не устанавливает никаких фиксирован-

ных сроков, в которые участники производства по уголовному делу могут заявлять ходатайство о проведении дополнительной или повторной экспертизы. И это вполне может быть (именно исходя из тактических соображений) момент, «максимально приближенный к окончанию срока предварительного расследования по делу либо на завершающем этапе судебного следствия»¹⁰, когда адвокат с очевидностью понимает, что назначенные судом (в соответствии со ст. 144 УПК РФ в обязательном порядке) экспертизы не могут быть реально произведены до истечения установленного ранее судом срока содержания подсудимого под стражей. Таким образом, данная норма неизбежно ведет к злоупотреблению правом.

Более того, возникает возможность «признания заключения эксперта недопустимым доказательством, в том числе и в случаях, когда проведение повторного исследования по объективным причинам невозможно, а также в случаях обязательного назначения экспертизы, когда без допустимого заключения эксперта обвинение не может считаться доказанным»¹¹.

Данный перечень проблемных вопросов, связанных с назначением экспертиз в уголовном судопроизводстве, очевидно, не является исчерпывающим. Отдельные новеллы законодательства, как, например, допущенные законодателем назначение и производство судебной экспертизы, до возбуждения уголовного дела влекут за собой не упрощение, а, как отмечал О. Я. Баев¹², скорее усложнение соответствующих процедур, повышение требований к обеспечению прав лиц, чьи права эти процедуры могут затронуть.

¹ См.: Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008. С. 283.

² Там же. С. 284.

³ См. подробнее: Там же.

⁴ См.: *Быков В. М.* О назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2015. № 2. С. 48.

⁵ *Зинин А. М.* Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник. М. : Проспект, 2011. С. 54.

⁶ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2001. № 23. Ст. 2291.

⁷ См.: *Грачев С. А.* Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // *Эксперт-криминалист.* 2014. № 3. С. 12.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ *Баев О. Я., Баев М. О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам : монография. М. : Проспект, 2014. С. 187.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Тарасов А. А.* К вопросу об участниках процедуры назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // *Эксперт-криминалист.* 2015. № 1. С. 23.

¹² См.: *Баев О. Я.* Об одной проблеме назначения и производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // *Судебная экспертиза в парадигме российской науки.* М., 2013. Ч. 1. С. 115–118.

Воронежский государственный университет

Кукарникова Т. Э., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Voronezh State University

Kukarnikova T. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: tanya@law.vsu.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И КРИМИНАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: статья посвящена общей характеристике следственных действий с позиции уголовного процесса и криминалистики. В ней также рассматриваются определения понятия следственного действия, анализируются процессуальные и криминалистические аспекты производства следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, процессуальные решения, розыскные действия, процессуальная деятельность, тактические приемы.

INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCESS AND FORENSICS: A BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract: the article is devoted to the general description of investigative actions from the perspective of the criminal process and forensics. It also discusses the definitions of the concept of investigative action, analyzes the procedural and forensic aspects of the production of investigative actions.

Key words: investigative actions, procedural actions, procedural solutions, search actions, procedural activities, tactical techniques.

Поступила в редакцию 13 октября 2022 г.

В настоящее время производство следственных действий позволяет решить определенные задачи предварительного расследования, одной из которых выступает собирание доказательств по расследуемому уголовному делу. В научной литературе до сих пор дискуссионным остается вопрос о том, какие процессуальные действия, осуществляемые органами предварительного следствия, выделяют в качестве следственных действий. Проблема заключается в отсутствии законодательного определения следственного действия и четкого критерия отнесения различных процессуальных мероприятий к следственным действиям.

Следует отметить, что большинство процессуалистов сходятся во мнении о том, что следственное действие является основным способом собирания доказательств, а также частично входит в понятие процессуального действия, которое помимо следственных действий включает также судебные и иные процессуальные действия. Под процессуальным действием следует понимать «установленную законом форму применения различных методов познания»¹.

В теории уголовного процесса и криминалистике существуют различные подходы к определению понятия следственного действия. Так, например, А. Б. Соловьев отмечает, что «следственное действие – это важнейший элемент процессуальной деятельности следова-

теля, имеющей познавательную и удостоверяющую стороны, своего рода детально регламентированное законом средство получения и проверки доказательств»². В уголовном процессе понятие следственного действия трактуют в широком и узком смыслах³. В широком смысле под следственным действием понимаются все процессуально значимые акты следователя, в узком – только действия по собиранию доказательств. Иногда следственные действия определяются как процессуальные действия, при помощи которых обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства. Некоторые авторы лишь уточняют, что следственные действия являются предусмотренной законом и обеспеченной государственным принуждением совокупностью приемов и операций, которые осуществляются при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки фактических данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу⁴. Для того чтобы выяснить, что же такое следственное действие, необходимо проанализировать процессуальную деятельность следователя.

В самом общем виде деятельность следователя можно подразделить на процессуальную и непроцессуальную. Первая часть закреплена и урегулирована уголовно-процессуальным законом, вторая, соответственно, нет. К непроцессуальной деятельности можно отнести такие действия следователя, как беседы, запросы, подшивание документов в дело, розыскные действия и другие мероприятия, четко не регламентированные в УПК РФ. Процессуальная деятельность следователя состоит не только из процессуальных действий, но и из процессуальных решений. Здесь следует учитывать, что не все следственные действия являются процессуальными, так же как и не все процессуальные действия – следствен-

ными. Таким образом, если закрепленное и урегулированное в уголовно-процессуальном законе действие не направлено на собирание доказательств, то оно считается процессуальным. Это могут быть меры процессуального принуждения, составление протокола устного заявления и т. д. Розыскные действия могут преследовать цель обнаружения доказательств, однако ни одно розыскное действие нельзя назвать следственным, поскольку порядок производства розыскных действий не определен уголовно-процессуальным законом, также как и порядок производства оперативно-розыскных мероприятий, которые лишь упоминаются в УПК РФ.

Процессуальные решения, по мнению П. А. Лупинской, также не следует отождествлять со следственными действиями, поскольку первые представляют собой «облеченный в установленную процессуальную форму правовой акт, в котором орган дознания, следователь, прокурор, судья или суд в пределах своей компетенции дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы и выражает властное волеизъявление о производстве процессуальных и иных действий»⁵. Говоря иначе, процессуальное решение – это некий процессуально оформленный правовой акт. Это мысленное решение следователя, которое порой не требует письменного оформления. Практика все чаще идет по пути обязательного письменного оформления решений о производстве соответствующих следственных действий. Закон зачастую требует вынесения соответствующего постановления либо оформления протокола о производстве определенного следственного действия. Также решение о производстве следственного действия может быть оформлено и другим документом, например, повестка или телефонограмма для вызова лица в качестве свидетеля. Эти

документы, как правило, не подшиваются в дело, однако имеют существенное значение в тех случаях, когда вызванное лицо не является для производства следственного действия. Здесь письменно оформленные процессуальные решения играют роль доказательств отказа свидетеля от добровольной явки, которая служит основанием для вынесения решения о его принудительном приводе.

Таким образом, процессуальное действие суть процедура, деятельность следователя – это целая система действий и сопутствующих им решений.

С позиции процессуального закона следственные действия обладают определенными особенностями. Прежде всего, следственное действие носит познавательную направленность, т. е. оно всегда направлено на собирание и проверку доказательств, даже если в его результате доказательства получены не были. Вместе с тем направленность на собирание доказательств не идентична направленности на обнаружение и фиксацию фактических данных, имеющих отношение к делу. Следующей отличительной чертой следственного действия выступает то, что оно обеспечивается государственным принуждением, т. е. является обязательным, должным, необходимым поведением, поскольку это четко установлено в уголовно-процессуальном законе. При производстве следственных действий зачастую затрагиваются права и свободы, законные интересы человека и гражданина. По этому критерию к следственным действиям можно отнести личный осмотр, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и ряд других мероприятий.

Для отнесения определенного действия к разряду следственных необходимо наличие детально разработанной и закрепленной в уголовно-процессу-

альном законе процедуры производства следственного действия.

В основе следственных действий лежат познавательный и удостоверительный аспекты, что существенно отличает их от других процессуальных действий, производимых следователем. Каждое конкретное следственное действие предполагает использование определенных познавательных приемов: расспрос, сравнение, измерение, моделирование, описание и др.⁶

Таким образом, с уголовно-процессуальной точки зрения следственные действия можно определить как производимые следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законом по определенной процедуре процессуальные действия, представляющие собой комплекс поисковых, познавательных и удостоверительных операций, направленных на обнаружение и закрепление фактических данных, которые имеют существенное значение при производстве по уголовному делу.

Анализируя криминалистические аспекты производства следственных действий, можно выделить следующие особенности. С криминалистической точки зрения каждое процессуальное следственное действие представляет собой специфический вид деятельности, состоящей из определенных этапов: подготовки и непосредственно самого производства действий.

Подготовительный этап включает создание надлежащих условий, необходимых предпосылок, обеспечивающих достижение целей намеченного следственного действия. Он начинается после того, как, построив, проанализировав и оценив мысленную модель сложившейся ситуации, следователь принимает решение о производстве соответствующего действия.

Подготовка к производству следственного действия представляет собой сложный мыслительный процесс, поскольку построению модели определенной ситуации предшествует изучение имеющихся в данный момент фактических данных. Проведенный анализ позволяет определить наличие поисково-познавательной проблемы, для решения которой требуется производство какого-либо одного действия или комплекса действий, причем в последнем случае определяется последовательность подлежащих производству действий и принимается решение о том, какое действие является первоочередным.

По общему правилу, подготовка следственного действия включает в себя комплекс определенных решений, мер и мероприятий:

- определение цели и задач действия; определение места, даты, времени суток и наиболее целесообразного, с тактической точки зрения, момента начала производства действия;

- подбор и изучение необходимых материалов дела, анализ сведений о предполагаемом объекте тактического воздействия (лице, подлежащем допросу, участке местности, который необходимо осмотреть, квартире, в которой должен быть произведен обыск, и т. д.), принятие мер по сбору недостающих данных путем производства следственных действий, мероприятий оперативно-разыскного характера;

- изучение необходимого нормативного материала, методических рекомендаций по производству данного вида действий;

- рассмотрение вопроса о круге участников действия и обеспечение их участия (привлечение необходимых специалистов, оперативных работников и т. д.);

- разработка возможных вариантов развития ситуации во время производства действия и адекватных мер реагирования;

- принятие мер по надлежащему техническому обеспечению действия (средствами криминалистической, оперативной и иной техники, средствами связи, транспортом и т. д.);

- определение тактической линии поведения следователя и его помощников, коллег при производстве действия, системы методов и приемов решения намеченных задач;

- разработка и обеспечение соответствующими организационными, кадровыми и иными мерами плана (чаще нескольких вариантов плана) мероприятий неотложного характера, обусловленного ожидаемыми результатами подготавливаемого действия в целях продуктивной и своевременной их реализации.

Вопрос о продолжительности, характере и содержании подготовительного этапа каждый раз решается по-разному. Все зависит от ситуации, в которой принимается решение о производстве следственного действия (от стадии расследования, объема доказательственного материала, от характера и направленности планируемого действия, условий его производства и других моментов). Важное решение для успешной подготовки и производства намеченного следственного действия имеет четкое уяснение его цели, определение круга и последовательности решения обусловленных целью задач. Одни следственные действия производятся для отыскания объектов, являющихся носителями интересующей следствие информации (человека, предмета, следов, отпечатков, орудия преступления и т. д.). Основными задачами, которые решаются при этом, являются обнаружение искомого объекта (объектов), протокольная, техническая (напри-

мер, с помощью видеозаписи, фотосъемки) фиксация способа и места обнаружения объекта, его признаков, изъятие и обеспечение сохранности объекта. Другие действия производятся в целях получения вербальным и невербальными методами до этого неизвестной доказательственной и ориентирующей информации, содержащейся в уже обнаруженном, известном объекте, имеющемся в распоряжении следствия.

После подготовительного этапа наступает этап непосредственного производства самого следственного действия. Происходит это независимо от того, имеет ли действие преимущественно поисковую и познавательную направленность, связано ли оно с проверкой версии или с развитием достоверного знания, какой – вербальный (словесный, речевой) или невербальный – способ собирания и использования информации является для него определяющим, во всех случаях деятельность по его производству складывается из трех основных стадий: 1) начальной (ознакомительно-ориентирующей); 2) промежуточной или основной (непосредственного контактного или бесконтактного взаимодействия с объектом); 3) заключительной (анализа и оценки достигнутых результатов, упаковки изъятых объектов, завершения процессуального оформления и т. д.).

Осуществляемая на начальной стадии производства действия деятельность рассчитана на получение информации, дающей общее представление о месте, сфере поиска, изучаемой обстановке, следах, условиях, в которых предстоит действовать. После этого следователь приступает к непосредственному произ-

водству действия – его основной части. Предметная реализация при этом целей следственного действия осуществляется на основе тщательной проверки версий, других мысленных моделей, в условиях непосредственного контакта с объектом. Информационное взаимодействие следователя с объектами его активности осуществляется на основе применения вербальных, инструментальных и экспериментальных общих, отраслевых и специальных методов и приемов познания (анализа, измерения, наблюдения, сравнения, аналогии, идентификации, моделирования и т. д.) логической, психологической, физической и иной природы. В заключительной стадии следственного действия осуществляются систематизация и оценка собранной информации, анализ хода и результатов проделанной работы, выполняются необходимые завершающие процессуально-фиксационные и удостоверительные действия.

Исходя из этого, с криминалистической точки зрения под производством следственных действий необходимо понимать совокупность специальных тактических приемов, осуществляемых следователем и другими участниками следственного действия, включающую подготовительный этап (этап осмысления и построения определенной модели ситуации) и этап непосредственного производства следственного действия.

Таким образом, уголовно-процессуальная характеристика следственных действий представляет собой определенную форму производства следственных действий, тогда как криминалистический аспект наполняет ее содержанием.

¹ Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. С. 6.

² Соловьев А. Б. Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений : методическое пособие. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1996. С. 7.

³ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 62.

⁴ См.: Гаврилов А. К. и др. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву : учеб. пособие / под ред. С. В. Мурашкова. Волгоград : НИ и РИО, 1975. С. 24.

⁵ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. С. 211.

⁶ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 41.

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: malah78@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-02

Voronezh State University

Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process
Department

E-mail: malah78@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-02

ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В РАБОТАХ О. Я. БАЕВА

Аннотация: статья посвящена проблеме оценки экспертного заключения в качестве доказательства. Проанализированы основные критерии оценки, компоненты, входящие в их состав, а также сам процесс оценивания экспертного заключения судом.

Ключевые слова: экспертное заключение, доказательство, критерии оценки, относимость, допустимость, достоверность.

EVALUATION OF THE EXPERT OPINION, AS EVIDENCE, IN THE WORKS OF O.Ya. BAEV

Abstract: the article is devoted to the problem of evaluating an expert opinion as evidence. The main evaluation criteria, the components included in their composition, as well as the process of evaluating the expert opinion by the court are analyzed.

Key words: expert opinion, proof, evaluation criteria, relevance, admissibility, reliability.

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Несмотря на то что многие ученые считают судебную экспертизу царницей доказательств, заключение экспертов является всего лишь одним из видов доказательств.

Сущность экспертизы заключается в установлении доказательств с помощью лиц, обладающих специальными знаниями. Процесс экспертного исследования представляет собой сложное многоэтапное действие, которое не может осуществляться самостоятельно судом или лицами, участвующими в деле. Данное действие может быть осуществлено только специальным субъектом – экспертом (лицом, обладающим специальными знаниями), а уже его результат (экспертное заключение) оценивается судом как доказательство.

Согласно законодательству, суд оценивает доказательства, в том числе и за-

ключения эксперта, на основании качественных характеристик: относимости, допустимости, достоверности.

Под относимостью заключения эксперта понимается способность установления каких-либо обстоятельств, имеющих значение для дела. О. Я. Баев под относимостью доказательства подразумевает наличие объективной связи полученных сведений с исследуемыми по делу фактами и обстоятельствами. Относимым заключение эксперта является, если им могут быть установлены или опровергнуты факты, входящие в предмет доказывания по делу или имеющие значение для проверки иных доказательств по делу¹.

Допустимость включает в себя целый ряд критериев. Это и наличие определения о назначении экспертизы, и отсутствие личной заинтересованности, квалификация эксперта и т. д. Одной из особенностей судебной экспертизы является соблюдение процессуального порядка.

Несоблюдение данного порядка лишает заключение эксперта свойства допустимости, обязательного для доказательств.

Рассматривая критерий допустимости доказательств, О. Я. Баев не мог не обратить внимания на доказательства, полученные на основании другого доказательства, сформированного с нарушением закона. Олег Яковлевич, объясняя данный феномен, ссылаясь на К. И. Сутягина, который говорил, что «отравленное дерево дает отравленные плоды, т. е. получение доказательств на основе информации, почерпнутой из недопустимого доказательства, делает их недопустимыми»². О. Я. Баев писал: «Таковыми же недопустимыми доказательствами являются и результаты экспертных исследований материальных объектов, обнаружение и изъятие которых было осуществлено с нарушением требований к тому действующего процессуального закона»³.

По мнению М. К. Треушникова, «оценка достоверности заключения экспертизы представляет наибольшую сложность по сравнению с другими доказательствами»⁴. С ним сложно не согласиться, ведь заключение эксперта оценивается наравне с другими доказательствами, хотя и выносится квалифицированным специалистом на основании изученных методик, что на практике подталкивает суд отдавать некий приоритет данному доказательству. Именно потому судом оценивается лишь факт, установленный экспертом. И этот факт сопоставляется с другими доказательствами по делу.

О. Я. Баев рассматривал достоверность не только с позиции критерия оценки доказательства, но и в качестве обязательного признака доказательства. В итоге он пришел к выводу, что о достоверности можно вести речь лишь в контексте оценки качества этого доказатель-

ства, ведь нельзя считать доказательством только достоверные знания о событиях реальной действительности, так как достоверность их должна быть предварительно доказана.

Заключение эксперта оценивается по общим правилам. А вот сопоставление его с другими материалами дела – обязательный элемент оценки, так как он лишает данный вид доказательств субъективного подхода конкретного лица (обладающего специальными знаниями) и исключает возможность вынесения неверного решения в связи с фальсификацией.

Форма экспертного заключения также влияет на его достоверность. Сложно не согласиться с О. Я. Баевым, который говорил: «...если информация не облечена в строго предписываемую законом процессуальную форму, она не есть доказательство»⁵.

Заключение эксперта должно состоять из трех частей: вводной, исследовательской (описательной) и заключительной.

Как правило, вводная часть содержит вопросы, поставленные судом в определении. Перефразирование вопроса допустимо, если судом избрана неточная формулировка, в связи со спецификой профессиональной терминологии.

О. Я. Баевым были выделены требования к постановке вопросов перед экспертом⁶: 1) вопросы не должны выходить за пределы специальных познаний соответствующего класса и вида экспертизы. Например, технико-криминалистическая экспертиза документов не может и не должна отвечать на вопросы, относящиеся к идентификационной или диагностической экспертизе почерка; 2) необходимо учитывать при постановке вопросов существование действующих научных методик и обоснованных экспертных возможностей (данное тре-

бование заключается в получении консультаций о возможности проведения соответствующей экспертизы на основе имеющихся объектов с целью получения ответа на конкретный вопрос у специалистов в настоящее время); 3) вопросы должны излагаться в форме, позволяющей экспертам давать однозначные и недвусмысленные ответы.

Исследовательская (описательная) часть включает вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов; объекты и материалы дела, предоставленные для проведения судебной экспертизы.

В Заключительную часть входят содержание и результаты исследований, указание применяемых методов, оценка результатов исследований, ответы на поставленные вопросы и их обоснование, общие выводы и иные сведения в соответствии с федеральным законом.

Экспертное заключение подписывается экспертом или группой экспертов, проводивших исследование, потом ставится печать экспертного учреждения.

Помимо формы достоверность экспертного заключения включает научную обоснованность, мотивированность, всесторонность, убедительность, полноту, объективность, соответствие предмета исследования компетенции проводившего лица, соблюдение экспертом норм действующего законодательства при производстве экспертизы, достаточность, соответствие выводов содержанию исследований⁷. Научная обоснованность заключения выражена в проведении исследования на основании материалов дела, с учетом использования достоверных научных методик и практической основы, посредством анализа всех имеющихся данных⁸. Основа научной обоснованности – применяемая экспертом методика, которая представляет собой научно и практически апробирован-

ную совокупность действий для решения определенной экспертной задачи.

Необоснованным заключение может быть признано в случаях недостаточности объема исследований для получения выводов, выводы не следуют из результатов исследования, методика несовершенна.

Мотивированность предполагает наличие в заключении эксперта системы аргументов, доводов и анализа исследованных данных, а также развернутое описание действий эксперта. Мотивированность – это некий контроль за деятельностью эксперта, который помогает участникам процесса понять смысл проводимых экспертом действий.

Всесторонность предполагает изучение поставленных перед экспертом вопросов со всех сторон, которые значимы для рассмотрения дела по существу, на основании изучения материалов, представленных на экспертизу, а также исследование всех важнейших свойств, качеств и признаков данных объектов материалов и их взаимосвязей. Таким образом, экспертное решение лишается односторонности и субъективизма.

Убедительное изложение фактов экспертом также играет немаловажную роль. Усиливаются аргументы, исключаются неясные и неточные суждения и гипотетические варианты и противоречивость. Можно сказать, что убедительное изложение фактов предполагает заключение с четкими ответами на поставленные вопросы, вытекающими из исследованных объектов и обстоятельств.

Под полнотой экспертного исследования понимается такая совокупность свойств представленных объектов, которая не только полно и объективно отвечает на поставленные перед экспертом вопросы, но и позволяет сделать более глубокие выводы, которые выясняют значимые для суда обстоятельства дела,

о которых эксперту не были поставлены вопросы⁹. Безусловно, полнота зависит от полноты и достоверности исходных данных, предоставленных эксперту, которые должны быть обязательно приобщены к делу и перечислены в определении о назначении экспертизы. По сути полнота экспертизы выражается в исчерпывающих и конкретных ответах на поставленные вопросы.

Сущность объективности в беспристрастности и независимости исследования. Объективность подразумевает, что эксперт учитывает все факторы, использует рекомендованные современной наукой и апробированные экспертной практикой методики, исключая недобросовестность, предвзятость, и приходит к выводам, имеющим место быть в действительности и отвечающим на поставленные вопросы.

Ю. К. Орлов пишет, что оценка достоверности экспертного заключения не может обойтись без такого критерия, как достаточность предоставленного исследовательского материала. Достаточность подразумевает произведение отбора качественных доказательств и в достаточном объеме, на основе исследования которых делаются экспертные выводы. Оценка достаточности представленных материалов – прерогатива самого эксперта. Недостаточность исследовательского материала приводит к неполноте заключения и признанию его судом недостоверным.

Проблема экспертных ошибок, разработанная Р. С. Белкиным, весьма актуальна при оценке экспертного заключения. Выделяют объективные и субъективные причины экспертных ошибок.

Объективные: 1) отсутствие или несовершенство разработанной методики экспертного исследования; 2) применение ошибочных методов; 3) использование неисправных приборов и инстру-

ментов, а также неадекватных математических моделей и компьютерных программ.

Субъективные причины ошибок: 1) профессиональная некомпетентность эксперта; 2) профессиональные упрощения; 3) неординарные психологические состояния эксперта; 4) характерологические черты личности эксперта (неуверенность, гипертрофированная уверенность в своих знаниях, повышенная внушаемость либо пренебрежительное отношение к мнению коллег и т. д.); 5) влияние материалов дела, в том числе заключения предшествующей экспертизы или авторитета проводившего ее эксперта, поведения участников судебного разбирательства, руководителя судебно-экспертного учреждения; 6) стремление проявить экспертную инициативу без достаточных на то оснований; 7) логические дефекты умозаключений эксперта; 8) дефекты в организации и планировании экспертного исследования¹⁰.

Экспертные ошибки зачастую обнаруживаются судом, лицами, участвующими в деле, а также при производстве дополнительной или повторной экспертизы. Тогда указываются причины расхождений выводов с результатами предшествующих экспертиз, а при оценке учитываются результаты обеих экспертиз в комплексе. Предпочтение какой-либо недопустимо.

Оценка экспертного заключения – это сложный процесс анализа всех соответствующих критериев и сопоставления с другими материалами дела судом, в ходе которого заключение приобретает силу судебного доказательства. Помимо учета всех вышеуказанных критериев, при оценке экспертного заключения необходимо также учитывать различность и противоречивость разрабатываемых методик, а также человеческий фактор, который не исключает экспертных ошибок.

¹ См.: Гончаров Д. В., Решетникова И. В. Судебная экспертиза в арбитражном процессе. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 246.

² Сутягин К. И. Применение доктрины «плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2008. № 3 (84). С. 56–59.

³ Баев О. Я. Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4 (19). С. 198.

⁴ Треушников М. К. Арбитражный процесс : учебник. М. : Городец, 2007.

⁵ Баев О. Я. Уголовно-процессуальное доказательство : атрибутивные признаки и качество // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 1 (2). С. 233–242.

⁶ См.: Баев О. Я., Солодов Д. А. Производство следственных действий : криминалистический анализ УПК РФ, практика, рекомендации : криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации профессионалов : практическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2010. 237 с.

⁷ См.: Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в следственных и судебных актах // Вопросы теории судебной экспертизы : сборник научных трудов ВНИИСЭ. М., 1979. Вып. 39.

⁸ См.: Комментарий к Федеральному закону «о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / под ред. В. П. Кашепова. М. : Юстицинформ, 2003.

⁹ См.: Там же. С. 236.

¹⁰ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. С. 340–343. Т. 2. Частные криминалистические теории.

Воронежский государственный университет

Малык А. В., аспирант кафедры
криминалистики

E-mail: nastena.malyk.95@mail.ru

Voronezh State University

Malyk A. V., Post-graduate Student of the
Department of Criminology

E-mail: nastena.malyk.95@mail.ru

**ИДЕИ О. Я. БАЕВА О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО
ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

А н н о т а ц и я: анализируется научный подход профессора О.Я. Баева к пониманию состязательности современного отечественного уголовного судопроизводства. Автор статьи разделяет позицию ученого о том, что принцип состязательности реализуется в досудебном производстве в непосредственном и опосредованном видах. Эта концепция позволит совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: состязательность, стороны, досудебное производство, функция обвинения, функция защиты, функция разрешения уголовного дела.

**IDEAS OF O. Ya. BAEV ABOUT THE ADVERSARIAL NATURE
OF MODERN NATIONAL CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS**

A b s t r a c t: the article analyzes the scientific approach of professor O. Ya. Baev to the understanding of the adversarial nature of modern domestic criminal proceedings. The author of the article shares the scientist's position that the principle of controversy is realized in direct and indirect forms in pre-trial proceedings. This concept will allow to improve the criminal procedural law and practice of its application.

Key words: adversarial, parties, pre-trial proceedings, prosecution function, defense function, resolution of a criminal case.

Поступила в редакцию 9 декабря 2022 г.

Будучи выдающимся ученым в криминалистической науке, профессор Олег Яковлевич Баев оставил еще более глубокий след в науке и практике уголовного процесса. Все его труды в той или иной степени связаны с анализом уголовно-процессуальных проблем. Характерной чертой теоретических работ О. Я. Баева является научно обоснованная критика отдельных положений уголовно-процессуального закона, в том числе с позиций их нравственного содержания, научное предвидение возможных путей устранения нормативных проти-

воречий и пробелов. Так, будучи действующим адвокатом, О. Я. Баев ратовал за восстановление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) положения об обязанностях защитника как гарантии права подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной профессиональной защиты, как средства воздействия на адвоката в случаях недобросовестного исполнения им обязанностей защитника², а понимание отдельными авторами ч. 2 ст. 15 УПК РФ как освобождающей субъектов уголовного преследования от необходимости выявлять обстоятельства, оправдывающие подозреваемого, обвиняемого либо смягчающие его ответственность, совершенно спра-

ведливо считал ошибочной и безнравственной концепцией³.

Научные суждения О. Я. Баева пронизаны глубоким и чутким пониманием правовых явлений. Многие его предложения утвердились в науке, в законах, направленных на изменение УПК РФ, в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ.

Научный подход О. Я. Баева к пониманию состязательности уголовного судопроизводства заслуживает особого внимания. Так, в противовес традиционному мнению о состязательности как непосредственном споре сторон перед лицом суда, характерному для англосаксонской системы судопроизводства, ученый представил новый взгляд на состязательность современного отечественного уголовного судопроизводства, которое построено все же по континентальному образцу, обычно относимому к смешанному типу с розыскным характером предварительного расследования, отчетливо и последовательно отстаивая позицию о том, что состязательность присуща и досудебному производству. Эту концепцию разделяет Конституционный Суд РФ⁴ и ряд теоретиков, полагающих, что через состязательную деятельность различные участники уголовного процесса отстаивают свои законные интересы на всех стадиях уголовного судопроизводства. «Состязательность – это возведенное в рамки уголовного судопроизводства противоборство его участников, защищающих противоположные интересы, обладающих правом выбора и отстаивания своих позиций и стремящихся превзойти друг друга в процессе урегулирования возникающих разногласий»⁵.

Анализ выводов, сделанных О. Я. Баевым, позволяет понять дух уголовно-процессуального закона, открывает горизонты для новых исследований. Как указывал сам автор, «осознание досудеб-

ного производства по уголовному делу не как розыскного, инквизиционного, а как опосредованного и (или) непосредственного состязательного процесса, представляется нам исключительно плодотворным»⁶. И это бесспорно.

Так, вопреки мнениям большинства ученых о том, что состязательность в континентальном уголовном процессе присуща лишь судебному разбирательству, О. Я. Баев, опираясь на лексическое значение слова «состязаться», говорит о том, что стороны начинают состязаться «задолго до суда... стороны состязаются друг перед другом»⁷. Через вывод о том, что уголовное преследование и состязательность существуют в опосредованном и непосредственном видах, аргументированно объяснил, почему деятельность стороны обвинения в отсутствие подозреваемого или обвиняемого следует считать уголовным преследованием и почему следователь, даже собирая оправдательные доказательства, выполняет функцию обвинения⁸. Также О. Я. Баев отмечает, что, прекращая уголовное дело, следователь не разрешает его по существу, а принимает решение в пределах выполнения функции обвинения, констатируя отсутствие должных оснований для продолжения уголовного преследования⁹. В этом случае, по сути, сторона обвинения отказывается от дальнейшего состязания. Исключением в данной ситуации профессор считает прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, здесь, по его мнению, следователь разрешает уголовное дело¹⁰. Думается, что и в этом случае состязательность не нарушается, так как, во-первых, такое прекращение допускается только с согласия подозреваемого или обвиняемого, а во-вторых, данное решение может быть обжаловано в суд.

Прекращая уголовное дело по реабилитирующим основаниям, также не

выполняет следователь и функцию защиты¹¹.

В основу вышеизложенных выводов профессор О. Я. Баев положил тезис о том, что вся деятельность стороны обвинения осуществляется «исключительно для установления и обоснованного избличения лица, совершившего деяние»¹².

Говоря о деятельности стороны защиты, в ряде случаев, как указывает О. Я. Баев, состязательность существует также в опосредованном виде. Речь идет о деятельности защитников и адвокатов до начала непосредственного уголовного преследования при отсутствии у лица статуса подозреваемого или обвиняемого¹³.

С данными утверждениями О. Я. Баева следует согласиться. Действительно, состязание – это форма деятельности, при которой участвующие стремятся превзойти друг друга¹⁴. Для состязания характерно: 1) наличие субъекта, который принял решение о состязании; 2) наличие субъекта, которого нужно превзойти; 3) стремление (желание своим поведением) субъекта оказаться выше, сильнее в каком-нибудь отношении; 4) наличие предмета, в чем следует превзойти (какой-либо вид деятельности, способностей и т. д.); 5) наличие результата состязания; 6) наличие правил, определяющих ход состязания, порядок определения и закрепления его результатов и т. п.¹⁵ Как видим, наличие суда не является сущностным элементом состязания. Однако это неотъемлемый спутник состязания, обеспечивающий справедливость состязательной борьбы через контроль за соблюдением правил состязания и правильность определения ее результатов¹⁶.

Кроме того, хотя стороны в досудебном производстве и состязаются не перед лицом суда, полагаем, что стадии процесса нельзя рассматривать в отрыве

друг от друга и превращать их в самостоятельные производства. Досудебное производство является составляющей уголовного судопроизводства в состязательной его конструкции. Здесь стороны действуют с целью воздействия на окончательное судебное решение о применении мер уголовно-правового характера, применении гражданско-правовых мер, здесь формируются доказательства, которые будет рассматривать суд. Субъектный состав – стороны – суд существует в самой состязательной конструкции судопроизводства, которая подразумевает, что стороны на всем протяжении судопроизводства стремятся к решению суда, а суд принимает решение о применении мер материально-правового характера. Ввиду сложной системы уголовно-процессуальных действий и отношений, призванных решить ряд задач уголовного судопроизводства, в конкретном правоотношении не обязательно участие и обеих сторон, и суда. Содержание состязательности составляет деятельность субъектов, направленная на защиту их законного интереса, и не сводится только к отстаиванию позиции перед лицом суда непосредственно. Она включает предварительные действия и решения сторон, от которых зависит продолжение и исход состязания уже в судебных стадиях. Эта деятельность начинается, согласно УПК РФ, задолго до судебного рассмотрения уголовного дела.

Представляется, что состязательность возникает еще до уголовного процесса. Но вне его рамок поведение субъектов, заинтересованных в решении вопроса о наказании, во-первых, не влечет никаких правовых последствий (например, оперативные сотрудники могут установить лицо, совершившее преступление, но вопрос о наказании решить не могут); во-вторых, может быть незаконным, например, преступник, желая уйти

от уголовной ответственности, скрывается. УПК РФ такое противостояние возводит в рамки законных действий – «императивных и дискреционных»¹⁷. Думается, даже если лицо является с повинной, то это можно рассматривать как его состязательное действие по отстаиванию своей позиции относительно вопросов о виновности и наказании. Как известно, явка с повинной является смягчающим обстоятельством, а изложение сведений об обстоятельствах деяния, возможно, предотвратит предъявление ему обвинения в том, чего он не совершал. То же можно сказать о лице, пострадавшем от преступления и сделавшем заявление о преступлении. Конституционный Суд РФ в этой связи указал, что «если постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, содержащее сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну, затрагивает права и свободы лица так, что в случае возбуждения уголовного дела это лицо было бы признано потерпевшим или в случае завершения возбужденного уголовного дела обвинительным приговором возникли бы основания для пересмотра ранее вынесенного в его отношении судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, то этому лицу – в силу принципа состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статья 123, часть 3 Конституции Российской Федерации) – должны быть обеспечены процессуальные гарантии его участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами, осуществляющими на стадии возбуждения уголовного дела проверку сообщения о преступлении, включая возможность надлежащей подготовки и изложения им своей позиции по делу»¹⁸.

Данная позиция государственного органа может означать только одно – со-

стязательный характер присущ не только деятельности участников со стороны обвинения и защиты, правовой статус которых закреплен в статьях 37–55 УПК РФ. Состязательной можно характеризовать деятельность различных субъектов, которым закон позволяет активно защищать свои права и законные интересы, затрагиваемые в ходе уголовного судопроизводства. Так, Л. Н. Масленникова на основе анализа норм действующего уголовно-процессуального закона приходит к выводу, что «современное состязательное уголовное судопроизводство России можно представить как систему споров (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) и процедур их рассмотрения»¹⁹. С этим мнением нельзя не согласиться, ведь правом обжаловать процессуальные действия (бездействие), решения государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, а значит возможностью спорить, состязаться, отстаивая свой законный интерес, наделены все невластные участники уголовного судопроизводства, а также иные лица, если указанные действия и решения нарушают их права и законные интересы. Заслуживающим внимания в этой связи представляется мнение С. В. Бурмагина. Он пишет: «В так называемой стадии исполнения приговора принцип состязательности “проявляется достаточно своеобразно” и реализуется специфическим образом... В судебном разбирательстве противостоят (“соперничают”) с одной стороны государственные органы и учреждения, исполняющие наказание и призванные отстаивать в суде публичный интерес, с другой – осужденный, преследующий свой личный (частный) интерес... На стороне исполнительной власти выступают государственные органы и учреждения МВД, ФСИН, ФССП, а непосредственно в судебных заседаниях в ка-

честве их представителей – должностные лица этих органов и учреждений. Сторону “частного лица” представляют сам осужденный, его законный представитель и представитель-адвокат»²⁰.

Таким образом, состязательность современного уголовного судопроизводства в России означает закрепленную в нормах УПК РФ возможность процессуального состязания субъектов, отстаивающих свои права и законные интересы. При этом на законодательном уровне определяется круг таких субъектов, предмет состязательной деятельности, а также правила самого состязания, определения и закрепления его результатов,

условия, обеспечивающие справедливость процессуального состязания в виде деятельности независимого от участников состязания суда и требования об их равноправии.

Такой подход к пониманию состязательности, с одной стороны, достаточно сложен как для восприятия, так и для реализации в законе. С другой стороны, именно такое понимание состязательности современного отечественного уголовного судопроизводства отражает реалии, порожденные нормами УПК РФ. В самом деле – «процесс состязательный – это трудное дело...»²¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

² См.: Баев М. О., Баев О. Я. УПК РФ 2001 г. : достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних : учеб. пособие. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. С. 17.

³ См.: Баев О. Я. О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 6. Воронеж, 2005. С. 21.

⁴ См., например: По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П ; По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Горский В. В., Горский М. В. Влияние идей М. С. Строговича на формирование принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г. г. Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 287.

⁶ Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования : науч.-практ. пособие. М., 2006. С. 20.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ См.: Там же. С. 9–15.

⁹ К сожалению, несмотря на этот вполне понятный и логичный вывод О. Я. Баева, некоторые ученые и сегодня продолжают настаивать на том, что «следователь – это не обвинитель» (Шюк А. В. К вопросу о природе и сущности современного российского уголовного процесса // Природа российского уголовного процесса и прин-

цип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г. г. Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 48), что «следователь – своеобразный судья», а «судья – следователь» (Победкин А. В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г. г. Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 81, 82).

¹⁰ См.: Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. С. 12.

¹¹ См.: Баев М. О., Баев О. Я. УПК РФ 2001 г. : достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних. С. 11.

¹² Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. С. 11.

¹³ См.: Там же. С. 14–15.

¹⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 740.

¹⁵ См.: Моргачёва Л. А. Развитие принципа состязательности как ключевое решение судебной реформы : результаты и перспективы // Российское правовое государство : итоги формирования. Воронеж, 2004. С. 171.

¹⁶ См.: Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 18.

¹⁷ Баев О. Я. О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу. С. 18.

¹⁸ По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е. Ю. Горovenko : постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 35.

²⁰ Бурмагин С. В. Особенности состязательности судебных производств по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г. г. Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 255–256.

²¹ Вышинский А. Я. К положению на фронте правовой теории. М., 1937. Цит. по: Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М. : Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1939. С. 109.

Воронежский государственный университет

Моргачёва Л. А., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: laris777444@yandex.ru

Voronezh State University

Morgacheva L. A., Lecturer of the Criminal
Process Department

E-mail: laris777444@yandex.ru

СОГЛАСИЕ КАК МЕХАНИЗМ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А н н о т а ц и я: обосновывается необходимость такого процессуального средства, как согласие, для функционирования механизма уголовно-процессуального регулирования. Показана значимость указанного процессуального средства для достижения назначения уголовного судопроизводства, для реализации принципов уголовного судопроизводства, а также уголовно-процессуальных норм, формирующих другие уголовно-процессуальные институты. Показана эволюция категории «согласие» в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Аргументируется тезис о том, что совершенствование процессуального регулирования согласия требует настоящего внимания со стороны российского законодателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: согласие, прокурор, следователь, назначение уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, суд, дознаватель, механизм уголовно-процессуального регулирования.

CONSENT AS A NECESSARY MECHANISM FOR THE CRIMINAL PROCEDURAL SYSTEM

Abstract: the article substantiates the need for such a procedural means as consent for the functioning of the mechanism of criminal procedural regulation. The importance of this procedural means for achieving the purpose of criminal proceedings, for the implementation of the principles of criminal proceedings, as well as criminal procedural norms that form other criminal procedural institutions is shown. The evolution of the category "consent" in the Russian criminal procedure legislation is shown. The thesis is argued that the improvement of the procedural regulation of consent requires urgent attention from the Russian legislator.

Key words: consent, prosecutor, investigator, purpose of criminal proceedings, principles of criminal procedure, court, inquirer, mechanism of criminal procedure regulation.

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Механизм уголовно-процессуального регулирования не является застывшей конструкцией. Он эволюционирует сообразно происходящим изменениям в уголовно-процессуальных отношениях, обусловленным принятием новых уголовно-процессуальных норм. На одном из этапов упомянутой эволюции в механизме уголовно-процессуального регу-

лирования появился такой важный для него элемент, как согласие. Примечательно, что включение согласия в работу указанного механизма произошло задолго до принятия УПК РФ. Его следует относить к периоду судебной реформы 1864 г., когда был принят Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС). Именно в этом документе впервые было осуществлено активное применение категории «согласие», причем не только по отношению к властным участникам уголовно-процессуальных отношений, но к

лицам, не наделенным властными полномочиями. В связи с этим достаточно сослаться на ст. 97 УУС, ориентирующую на получение согласия сторон для освобождения свидетеля от приведения к присяге; на ст. 359 УУС, которая говорит о том, что посторонние лица без согласия хозяина не допускаются в жилище; ст. 1163 УУС упоминает согласие хозяина арестованных предметов на продажу указанного имущества до решения дела и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу расширения сферы согласования в дореволюционном российском уголовном процессе. С чем это было связано? Как верно отмечается в литературе, уже в XVIII в. происходит «гуманизация» и «европеизация» уголовной доктрины российского государства, устанавливаются основополагающие принципы судостроительства и уголовного процесса, законодательное оформление которых произойдет в первой половине XIX в.¹ Указанные процессы сопровождались появлением диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве России, одним из проявлений которых была свобода выбора лицом своего поведения в тех или иных ситуациях. Такие ситуации не могли иметь превалирующего значения, поскольку основным методом, используемым в уголовно-процессуальном праве, был и остается императивный метод, представленный позитивным обязыванием и запретом. Тем не менее ряд уголовно-процессуальных отношений требовали диспозитивного подхода. Применение его без категории «согласие» немислимо. Именно в основе согласования лежит свобода выбора субъекта, что является наиболее ярким проявлением диспозитивных начал. Кроме того, потребность в указанной категории обусловлена и способностью согласования сглаживать возможные противоре-

чия между участниками уголовно-процессуальных отношений, снижая тем самым конфликтность последних. Это качество является весьма ценным для элемента механизма уголовно-процессуального регулирования. Поэтому согласие является весьма востребованным в нем.

Несмотря на то что изменялся общественный строй в нашей стране, потребность в уголовно-процессуальной категории «согласие» оставалась. Об этом свидетельствует, например, достаточно частое ее упоминание в УПК РСФСР 1960 г. Так, согласие прокурора требовалось для прекращения уголовного дела по различным основаниям (вследствие изменения обстановки (ст. 6); в связи с передачей его в товарищеский суд (ст. 7); в связи с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8); с передачей виновного на поруки (ст. 9)). Кроме того, в случае, когда, не возбуждая уголовного дела, материалы передавались на рассмотрение товарищеского суда или Комиссии по делам несовершеннолетних либо виновного передавали на поруки коллективу трудящихся или общественной организации для перевоспитания и исправления, также требовалось согласие прокурора (ст. 10). В УПК РСФСР были упомянуты и другие ситуации, требующие получения согласия в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Что касается УПК РФ, то в нем потребность в категории «согласие» достигла своей вершины. Появились не только новые виды согласия, но и была сформулирована на нормативном уровне дефиниция «согласия» (п. 41.1 ст. 5 УПК РФ), что является беспрецедентным шагом не только для российского уголовно-процессуального законодательства, но и для законодательства зарубежных стран, особенно тех, которые образовались на постсоветском пространстве.

Данный шаг заслуживает одобрения даже несмотря на некоторые недостатки указанной дефиниции, поскольку законодатель достаточно ясно с ее помощью определил место согласия как процессуального средства в механизме уголовно-процессуального регулирования. Тем не менее это не снимает проблемы совершенствования дефиниции «согласия», изъяны которой были подмечены рядом ученых². Главным из таких недостатков является то, что указанная дефиниция не охватывает всех видов согласия, применяемых в российском уголовном процессе. Согласно п. 41.1 ст. 5 УПК РФ согласием признается разрешение руководителя следственного органа на производство следователем или разрешение прокурора, начальника органа дознания на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. Как видно, данное определение не учитывает такой вид согласия, как согласие невластных субъектов. Вместе с тем потребность в нем уголовного судопроизводства весьма ощутима. Без него невозможно реализовать договорные уголовно-процессуальные формы. Например, согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением необходимо для особого порядка принятия судебного решения в порядке главы 40 УПК РФ. Досудебное соглашение о сотрудничестве также немыслимо без согласия подозреваемого или обвиняемого. Можно привести и другие примеры, подтверждающие многочисленность случаев, требующих получения согласия у невластных субъектов. Причем это согласие реализуется в рамках уголовно-процессуальных отношений, следовательно, категория «согласие», используемая в уголовном процессе, должна охватывать не только согласие властных участников уголовного судопроизводства, но и

согласие невластных субъектов. Только в этом случае можно четко очертить границы правового явления, функционирующего в составе механизма уголовно-процессуального регулирования. Имя этому правовому явлению – согласие.

В каком статусе оно находится по отношению к указанному механизму? Поскольку получение согласия у тех или иных лиц необходимо для возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных отношений, то вполне уверенно можно говорить о том, что оно является юридическим фактом. Правда, для возникновения соответствующих уголовно-процессуальных последствий зачастую требуется не один юридический факт, а несколько таких фактов или юридический состав. Продемонстрируем приведенный тезис на следующем примере. Для перехода к особому порядку принятия судебного решения в порядке главы 40 УПК РФ согласия обвиняемого явно недостаточно. Необходимо соблюсти ряд обстоятельств, на которые содержится указание прежде всего в ч. 2 ст. 314 УПК РФ и к которым, в частности, относится согласие государственного или частного обвинителя и (или) потерпевшего с заявленным обвиняемым ходатайством. Иными словами, нужна совокупность юридических фактов для перехода к производству, предусмотренному главой 40 УПК РФ. Сказанное свидетельствует в пользу того, что согласие функционирует в составе механизма уголовно-процессуального регулирования не обособленно, а активно взаимодействует с другими его элементами. Вместе с ними согласие участвует в решении одной из задач, стоящих перед указанным механизмом: достижением баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе.

Характеризуя согласие в качестве юридического факта, следует отметить,

что оно всегда будет относиться к правомерным действиям. Причем указанное действие должно быть совершено лицом добровольно. То есть применение принуждения исключается во всех случаях, что следует из ч. 2 ст. 9 УПК РФ. Нарушение этого правила при согласовании приводит к тому, что согласие, данное под принуждением, утрачивает свою правомерность. Поэтому соблюдение добровольности согласия весьма важно для его реализации, тем более что рассматриваемая категория является востребованной в ключевых уголовно-процессуальных институтах. Особенно четко указанная потребность дает о себе знать применительно к институту принципов уголовного судопроизводства. Реализация некоторых из них связана с получением согласия у тех или иных лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения. Так, реализация одного из направлений принципа, предусмотренного ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», не обходится без согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания. Только в этом случае у правоприменителя возникает обязанность предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 11 УПК РФ).

Не обходится без получения согласия и реализация принципа права на обжалование процессуальных действий и решений. Для того чтобы защитник подозреваемого, обвиняемого или представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика обратились с жалобой в интересах своего доверителя, они должны получить у доверителя согласие на обжалование соответствующих действий, решений.

В некоторых случаях согласие выступает необходимым условием для ограничения действия того или иного принципа уголовного процесса. Так, производство осмотра жилища, ограничивающего действие принципа неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ), допустимо при условии, что указанный осмотр осуществляется с согласия лица, проживающего в нем, или на основании судебного решения.

Кроме того, что согласие участвует в реализации принципов уголовного судопроизводства, оно является необходимым элементом в механизме достижения назначения уголовного судопроизводства. Данное процессуальное средство востребовано не только при защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и в другом векторе назначения уголовного судопроизводства: в уголовном преследовании. Так, уголовное преследование предполагает применение мер принуждения. Некоторые из этих мер могут применяться при наличии согласия соответствующих лиц. Например, для применения личного поручительства необходимо согласие лица, в отношении которого оно применяется, и согласия поручителей, которое выражается с помощью их ходатайства (ч. 2 ст. 103 УПК РФ).

К категории «согласие» обращаются и при проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан (например, при производстве обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)). Разрешение на производство таких следственных действий дает суд. Все эти случаи оговорены в ст. 29 УПК РФ. Обращение же следователя в суд за таким разрешением требует согласования указанных

действий с руководителем следственного органа, который осуществляет процессуальный контроль за деятельностью следователя³. Дознаватель в похожей ситуации должен получить согласие прокурора (п. 8 ч. 4 ст. 223.2 УПК РФ)⁴.

Примечательно, что это не единственные ситуации, в которых требуется получение согласия у тех или иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Их в уголовно-процессуальном пространстве гораздо больше. Достаточно упомянуть необходимость согласования с руководителем следственного органа или прокурором (в зависимости от того, следователь или дознаватель обращаются с ходатайством) обращения в суд для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, залога, домашнего ареста, запрета определен-

ных действий (ч. 3 ст. 105.1, ч. 2 ст. 106, ч. 3 ст. 108, ч. 3 ст. 107 УПК РФ); получения согласия свидетелей, находящихся за пределами территории Российской Федерации, на вызов их должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, для производства процессуальных действий на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 456 УПК РФ) и др.

Сказанное подчеркивает важность категории «согласие» для уголовно-процессуального права, раскрывает роль согласия в механизме уголовно-процессуального регулирования, ориентирует на необходимость надлежащего процессуального регулирования согласования, осуществляемого в рамках уголовно-процессуальных отношений.

¹ См.: Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России : XI–XIX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 11.

² См.: Пушкарев В. В. Теоретико-правовой конструкт «согласие» : гносеология юридического факта в уголовном процессе // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 32; Мильтова Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 15.

³ См.: Насонова И. А., Насонов А. А. Руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания как субъекты обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2012. № 2. С. 91.

⁴ См.: Цинова М. В., Насонов А. А. О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 238.

*Воронежский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации*

Насонов А. А., кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса

E-mail: tribalcrest@yandex.ru

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation*

Nasonov A. A., Candidate of Legal Sciences,
Senior lecturer of the Department of Criminal
Procedure

E-mail: tribalcrest@yandex.ru

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ И УПУЩЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАПРЕТА

Аннотация: *определены условия, способствующие повышению эффективности запретов в уголовно-процессуальном праве России. Выявлены и проанализированы ошибки, допускаемые правоприменителем в части реализации уголовно-процессуальных запретов. Аргументирован тезис о том, что совершенствование практики применения запретов связано со следующими условиями, повышающими их эффективность: качество толкования запретов в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ; грамотное применение запретов на практике, позволяющее минимизировать их нарушение.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальный запрет, эффективность уголовно-процессуального запрета, уголовно-процессуальная ответственность, гарантии, недопустимые доказательства, Пленум Верховного Суда РФ.*

TYPICAL MISTAKES AND OMISSIONS IN THE PRACTICE OF APPLYING THE CRIMINAL PROCEDURE PROHIBITION

Abstract: *the article defines the conditions that contribute to improving the effectiveness of prohibitions in the criminal procedure law of Russia. The mistakes made by the law enforcement officer regarding the implementation of criminal procedural prohibitions are identified and analyzed. The thesis is argued that the improvement of the practice of the application of prohibitions is associated with the following conditions that increase their effectiveness: the quality of the interpretation of prohibitions in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; competent application of prohibitions in practice, allowing to minimize their violation.*

Key words: *criminal procedure prohibition, effectiveness of criminal procedure prohibition, criminal procedure liability, guarantees, inadmissible evidence, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Решение проблемы эффективности уголовно-процессуального запрета невозможно без систематизации типичных ошибок и упущений, допускаемых правоприменителем в ходе реализации запрещающих норм.

Чаще всего правоприменителем не соблюдаются запреты на использование в уголовном процессе недопусти-

мых доказательств. Об этом свидетельствует множество примеров. Например, приговором Ленинградского областного суда от 15 мая 2017 г. Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая апелляционную жалобу на приговор, отменила обвинительный приговор в отношении Б., поскольку он был основан на не-

допустимых доказательствах. При этом апелляционная инстанция в своем определении обратила внимание на следующее:

1) решение о производстве обыска по уголовному делу в отношении Б. не принималось, хотя обыск у него проводился;

2) вопрос о достоверности показаний свидетеля под псевдонимом С. тщательно не проверялся. Вместе с тем, как следует из материалов дела, указанное лицо и ранее (в марте 2015 г.) привлекалось к проведению проверочных закупок наркотических средств. Однако в ходе судебного следствия не выяснялся вопрос о том, не оказывал ли свидетель под псевдонимом С. услуги полиции на постоянной основе¹.

Следующий пример также свидетельствует о нарушении судом запрета на использование в уголовном процессе недопустимых доказательств. Приговором Краснослободского районного суда Республики Мордовия от 6 сентября 2017 г. П. был осужден по ч. 1 ст. 223 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако суд кассационной инстанции, изменяя приговор и исключая из числа доказательств ссылку на показания потерпевшего К., обратил внимание на то, что потерпевший К. в судебном заседании не допрашивался, а его показания не оглашались и не исследовались. Вместе с тем приговор суда может базироваться только на доказательствах, исследованных в судебном заседании².

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании еще одной типичной ошибки, получившей широкое распространение в практике применения запретов, а именно ошибки, связанной с нарушением запрета на использование в уголовно-процессуальной деятельности недопустимых доказательств. И снова она не завершает перечень упущений, допускаемых публич-

ными субъектами в ходе реализации уголовно-процессуальных запретов.

Не редкостью для правоприменительной деятельности являются нарушения запретов на участие в производстве по уголовному делу тех или иных лиц. Так, приговором Московского районного суда г. Твери от 28 апреля 2016 г. осуждены Г. (по п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) и И. (по п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ). Апелляционная инстанция, рассматривая апелляционные жалобы осужденных И. и Г., а также защитника последнего, оставила их без удовлетворения, а приговор – без изменения. Постановлением президиума Тверского областного суда от 25 февраля 2019 г. судебные решения отменены в силу того, что был нарушен запрет на участие в производстве по уголовному делу судьи, ранее участвовавшего по нему в качестве прокурора (п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Кассационная инстанция установила, что судья на стадии предварительного расследования по данному делу участвовала в качестве прокурора в заседании суда апелляционной инстанции, рассматривавшего апелляционные жалобы обвиняемых Г. и И. на постановление Московского районного суда г. Твери от 9 апреля 2015 г. о продлении срока содержания под стражей в отношении обоих³.

Однако правоприменителем нарушаются не только сами запреты, но и гарантии, сопровождающие их реализацию. Например, одной из гарантий реализации уже затронутого нами запрета на участие в производстве по делу тех или иных лиц является процедура их отвода. Несмотря на достаточно подробную регламентацию указанной процедуры в отношении отдельных лиц, ее нарушения совсем не редкость в судебной практике. В пользу сказан-

ного свидетельствует следующий пример. Судья Тамбовского областного суда рассматривал заявление подсудимого М. об отводе судьи и прокурора, не удаляясь в совещательную комнату и не постановляя отдельный процессуальный документ⁴. Тем самым судья пренебрег механизмами, призванными гарантировать реализацию запрета на участие в производстве по делу лиц, подлежащих отводу.

Сказанное свидетельствует о существовании еще одной типичной ошибки правоприменителя – ошибки, связанной с нарушением запрета на участие лиц, подлежащих отводу.

Допуская упомянутые ошибки в своей деятельности, правоприменитель не просто нарушает установленные законодателем запреты. Наносится серьезный вред системе обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, поскольку входящие в ее состав гарантии запреты перестают работать.

Однако запреты нарушаются не только публичными субъектами. Немало нареканий на практике накопилось и к тем, кто властными полномочиями не обладает. В первую очередь в указанном контексте стоит упомянуть подсудимого, нарушающего порядок в судебном заседании, не подчиняющегося распоряжениям председательствующего или судебного пристава. Таким поведением нарушается запрет, предусмотренный ч. 1 ст. 258 УПК РФ. Примером, свидетельствующим в пользу сказанного, является поведение в зале суда С., обвиняемого в убийстве и незаконном обороте оружия (п. «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ). Для него было характерно нарушение порядка в зале судебного заседания, игнорирование замечаний председательствующего. Поэтому удаление его из зала судебного заседания Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда

РФ признала законным⁵. Кстати, нарушение рассматриваемого запрета характерно не только для подсудимого, но и для потерпевшего и свидетеля.

Что касается нарушений запретов со стороны защитника, то следует отметить, что их спектр отличается большим разнообразием. В этой связи стоит привести ряд примеров, подтверждающих данное обстоятельство.

Постановлением Рязанского областного суда от 26 сентября 2018 г. В. был освобожден от уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку общественно опасное деяние совершалось им в состоянии невменяемости. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение, обратив внимание на то, что адвокат, представлявший интересы В., нарушил законодательный запрет, обусловленный действием ч. 7 ст. 49 УПК РФ: запрет отказываться от принятой на себя защиты и занимать позицию по делу, противоречащую позиции его подзащитного. В частности, адвокат не поддержал позицию осужденного В., отрицавшего свою причастность к убийству малолетней М., заявив, что выводы о виновности В. не представляется возможным опровергнуть какими-либо доказательствами. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением от 28 ноября 2018 г. № 6-АПУ18-4 признала, что в судебном заседании было нарушено право В. на защиту. Судебная инстанция обратила внимание на то, что участие защитника в деле о применении принудительных мер медицинского характера не дает ему основания занимать по делу позицию, противоречащую воле доверителя⁶.

Нередки факты нарушения уголовно-процессуального запрета защитни-

ком, оказывающим помощь одновременно двум обвиняемым. Запрет состоит в недопустимости защиты таких обвиняемых, если их интересы противоречат друг другу. Кстати, такое противоречие может обнаружиться в любой момент, даже если поначалу оно не наблюдалось. Но почему-то защитники данное обстоятельство не учитывают и по-прежнему принимают защиту сразу нескольких обвиняемых. Изучение уголовных дел показало, что по 9 % дел наблюдалась защита одним защитником сразу двух обвиняемых, а по 2 % дел защитник оказывал помощь более чем двум лицам по одному уголовному делу. Правда, во всех этих случаях не наблюдалось противоречия в интересах обвиняемых, хотя так бывает не всегда и доказательством тому является следующий пример.

Приговором Советского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия – Алания от 10 июня 2016 г. Б., Г., К. осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а Г. и К., кроме того, по п. «г», «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Указанный приговор стал предметом рассмотрения Президиума Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания. В заседании президиума интересы осужденных Б. и Г. осуществлял один защитник – адвокат Б. Между тем позиции этих осужденных расходились по вопросу об обстоятельствах совершения преступления и роли каждого из них в совершении преступления. То есть защитник Б. нарушил запрет на одновременное оказание юридической помощи двум лицам, когда интересы одного лица противоречат интересам другого лица (ч. 6 ст. 49 УПК РФ). Это привело к отмене апелляции постановлению Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ⁷.

Нарушение еще одного вида запрета в деятельности защитника вызывает тревогу. Речь идет о запрете защитника

уклоняться от прений. Данная проблема дала о себе знать в 2016 г. «Именно тогда, – пишет Р. Г. Мельниченко, – Ленинский районный суд г. Владимира вынес в отношении адвокатов Игоря Спицына и Германа Лукьянова частное постановление о том, что они отказались выступать в прениях по делу своего доверителя»⁸. В результате в ст. 15 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве⁹ была закреплена четкая формулировка указанного запрета: «Защитник не вправе уклоняться от участия в судебных прениях». Полагаем, что появление такого запрета в указанном документе не означает создания новой правовой нормы, поскольку именно такой стандарт поведения вытекает из требования, предусмотренного УПК РФ.

Таким образом, приведенные примеры, демонстрирующие несоблюдение запретов защитником в уголовном судопроизводстве, подтверждают существование следующих типичных ошибок в деятельности указанного участника уголовного судопроизводства:

- несоблюдение норм, запрещающих защищать участников при противоречии их интересов;
- несоблюдение норм, запрещающих пренебрегать позицией подзащитного;
- несоблюдение норм, запрещающих уклоняться от прений.

Важно иметь в виду, что перечисленные нарушения отнюдь не способствуют защитной деятельности. Наоборот, они делают ее более уязвимой, подрывая гарантии, лежащие в ее основе (включая и гарантии-запреты). Вместе с этим снижается и эффективность уголовно-процессуального запрета.

Проведенный анализ позволяет систематизировать типичные ошибки и упущения в соответствующей области следующим образом:

1) ошибки и упущения публичных субъектов, связанные с нарушением запретов в сфере обеспечения прав личности и допускаемые в ходе стадийного производства по уголовному делу (при несоблюдении запретов, порождаемых принципом презумпции невиновности; запрета на использование в доказывании недопустимых доказательств; запретов, сопровождающих применение мер уголовно-процессуального принуждения; запрета на участие лиц, подлежащих отводу);

2) ошибки и упущения участников уголовного судопроизводства, не обладающих властными полномочиями, связанные с нарушением запретов в сфере защитной деятельности, совершаемые:

а) защитником (при несоблюдении норм, запрещающих защищать участников при противоречии их интересов; пренебрегать позицией подзащитного; уклоняться от прений);

б) подсудимым, потерпевшим, свидетелем (при несоблюдении норм, запрещающих нарушать порядок судебного заседания).

Приведенная систематизация дает повод задуматься о причинах малоэффективности запретов и путях их устранения. Примечательно, что во всех примерах проблема нарушения уголовно-процессуальных запретов никак не была связана с качеством их закрепления в законе, которое зачастую можно оценить как безукоризненное. Отмеченная проблема порождена правоприменительными ошибками властных субъектов (суда, а также следователей и руководителя следственного органа, ходатайствовавших об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу) и упущениями со стороны участников, не обладающих властными полномочиями (подсудимыми, потерпевшими, свидетелями, защитниками). А это

в свою очередь актуализирует вопрос о надлежащих морально-психологических и деловых качествах правоприменяющего субъекта, его профессионализме и нравственности, которые немыслимы без уважительного отношения к закону. Отмеченные обстоятельства принимают активное участие в формировании нравственных оснований правосознания правоприменителя, среди которых справедливость и равенство занимают видное место¹⁰. Правосознание, являясь «совокупностью идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, выражающих отношение лица к праву, правовым явлениям»¹¹, может позитивно влиять на эффективность уголовно-процессуального запрета при условии развитости всех элементов правосознания: идеологического (знание правоприменителем правовой доктрины); психологического (формирование чувства законности и чувства справедливости); поведенческого (критическое отношение лица к своему поведению)¹².

Такое благотворное влияние возможно в силу значимости роли правосознания в реализации основных направлений повышения эффективности уголовно-процессуального запрета, включающих совершенствование практики применения запрета и совершенствование уголовно-процессуального законодательства в соответствующей части. Недаром В. Н. Хропанюк, раскрывая значение правосознания, характеризует его как фактор совершенствования законодательства, как фактор, способствующий формированию и развитию правовой культуры должностных лиц и населения, а также как условие полного и точного соблюдения законов¹³. Применительно к теме нашей научной статьи можно заключить следующее. Чем выше уровень правосознания субъектов, которым адресованы запреты, тем точнее они со-

блюдаются в ходе правоприменительной деятельности. Недаром принято считать, что правосознание является почвой, из которой вырастает законность¹⁴.

Соответственно, чем выше уровень правосознания тех, кто создает и корректирует запреты, тем выше качество таких запретов, что важно для эффективности законодательной деятельности в указанной области. А это в свою очередь усиливает вероятность соответствия запретов потребностям развития уголовно-процессуального права.

Однако не только правосознание участников уголовного судопроизводства оказывает серьезное влияние на законодательную и правоприменительную деятельность. Последние также могут воздействовать на правосознание. Недаром в п 5, 7 ст. 12 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан¹⁵ среди факторов, влияющих на состояние правосознания, указаны понятность, доступность и эффективность законодательства, а также эффективная, профессиональная и законная деятельность правоохранительных и иных уполномоченных органов. Как видно, указанные факторы непосредственно связаны с основными направлениями повышения эффективности уголовно-процессуального запрета (совершенствованием запрещающих норм; совершенствованием правоприменительной деятельности в сфере запрета).

Взаимовлияние и взаимозависимость трех обстоятельств (правосознание субъектов правоотношений, регулируемых с помощью запрета; совершенствование запрещающих норм; совершенствование правоприменительной деятельности в сфере запрета) важно учитывать в контексте решения проблемы ошибок и упущений, связанных с

нарушением уголовно-процессуального запрета. Применительно к рассматриваемым проблемам важно исходить из того, что преодоление отмеченных ошибок невозможно без совершенствования правоприменительной деятельности, а также роста уровня правосознания лиц, осуществляющих ее. Совершенствование же правоприменительной деятельности в рассматриваемом контексте должно осуществляться по пути улучшения качества толкования действующих уголовно-процессуальных норм, а также грамотного применения запретов на практике. Все это позволит минимизировать нарушение уголовно-процессуальных запретов, что положительно скажется на их эффективности.

Подводя итог исследования условий повышения эффективности уголовно-процессуальных запретов, связанных с совершенствованием правоприменительной деятельности, необходимо сделать следующие выводы.

1. С совершенствованием практики применения запретов связаны следующие условия, повышающие их эффективность:

– качество толкования запретов в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ;

– грамотное применение запретов на практике, позволяющее минимизировать их нарушение.

Соблюдение указанных условий невозможно без совершенствования правосознания правоприменителя в направлении формирования у него знания правовой доктрины, уважения закона, чувства справедливости и критического отношения к своему поведению.

2. Запреты, выявленные Пленумом Верховного Суда РФ в ходе толкования уголовно-процессуальных норм и зафиксированные им в постановлениях, являются составной частью содержания этих

норм, что подтверждает их принадлежность к косвенно выраженным уголовно-процессуальным запретам. К их числу не относятся запреты, созданные вне рамок полномочий Пленумом Верховного Суда РФ и предназначенные для восполнения пробелов, имеющих в УПК РФ. Такие запреты нуждаются в легитимизации – придании им статуса правовой нормы.

3. Типичные ошибки и упущения в практике применения уголовно-процессуального запрета могут быть систематизированы следующим образом:

– ошибки и упущения публичных субъектов, связанные с нарушением запретов в сфере обеспечения прав личности, допускаемые в ходе стадийного производства по уголовному делу (несоблюдение запретов, порождаемых

принципом презумпции невиновности; запрета на использование в доказывании недопустимых доказательств; запретов, сопровождающих применение мер уголовно-процессуального принуждения; запрета на участие лиц, подлежащих отводу);

– ошибки и упущения участников уголовного судопроизводства, не обладающих властными полномочиями, связанные с нарушением запретов в сфере защитной деятельности, совершаемые защитником (несоблюдение норм, запрещающих защищать участников при противоречии их интересов; пренебрегать позицией подзащитного; уклоняться от прений); подсудимым, потерпевшим и свидетелем (несоблюдение норм, запрещающих нарушать порядок судебного заседания).

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 августа 2017 г. (дело № 33-АПУ17-17). URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082017-n-33-apu17-17/> (дата обращения: 01.09.2022).

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2019 г. (дело № 15-УД19-2). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21032019-n-15-ud19-2/> (дата обращения: 01.09.2022).

³ См.: Постановление президиума Тверского областного суда от 25 февраля 2019 г. (дело № 44У-20/2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d> (дата обращения: 01.09.2022).

⁴ См.: Обзор апелляционной практики по уголовным делам Тамбовского областного суда за 1 полугодие 2017 г. (подготовлен судебной коллегией по уголовным делам Тамбовского областного суда). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 01.09.2022).

⁵ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2018 г. (дело № 38-О18-1). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04042018-n-38-o18-1/> (дата обращения: 01.09.2022).

⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2018 г. (дело № 6-АПУ18-4). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-rf-ot-13032018-n-6-apu18-4/> (дата обращения: 01.09.2022).

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. (дело № 22-УД17-5). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017-n-22-ud17-5/> (дата обращения: 01.09.2022).

⁸ Мельниченко Р. Г. Запрет уклонения адвоката от прений // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 53.

⁹ См.: Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 1 сентября 2022 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.

¹⁰ См.: Касаева Т. Г. Реалистическая теория права и современность. Саратов : СЮИ МВД России, 2009. 120 с.

¹¹ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 344.

¹² См.: Афоничкина Н. В. Диалектика взаимодействия внутригосударственного и международного механизмов правового регулирования в обеспечении прав человека : теоретические аспекты // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов : материалы международной научно-практической конференции / под ред. А. П. Гуськовой. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 14–15.

¹³ См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М. : Дахабов, Ткачев, Димов, 1995. С. 213.

¹⁴ См.: Касаева Т. Г. Правосознание : ценностный ориентир современного общества // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 3.

¹⁵ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Рос. газета. 2011. 14 июля.

*Воронежский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации*

Насонова И. А., доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры уголовного
процесса

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation*

Nasonova I. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Professor of the Department of Criminal
Procedure

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

Халимоненко С. С., кандидат юридических
наук, преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии

E-mail: shalimonenko@yandex.ru

Khalimonenko S. S., Candidate of Legal
Sciences, Lecturer of the Department of Criminal
Law and Criminology

E-mail: shalimonenko@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются вопросы соотношения норм уголовно-процессуального права и криминалистических рекомендаций, использование которых обеспечивает правильное применение уголовно-процессуального закона, достижение целей уголовного судопроизводства, предупреждение следственных ошибок. По мнению автора, дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения предварительного расследования целесообразно вести по следующим основным направлениям: 1) внесение изменений и дополнений в нормы УПК РФ, регламентирующие основания и порядок производства следственных действий, с учетом положений криминалистики; 2) развитие существующих и разработка новых, современных частных криминалистических методик; 3) усовершенствование системы подготовки будущих следователей при реализации образовательных программ высшего образования, а также в рамках повышения квалификации и профессиональной переподготовки следственных работников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, криминалистика, предварительное следствие, следователь, профессиональное образование.

CRIMINAL PROCEDURAL FORM AND CRIMINALISTIC CONTENT: TOPICAL ISSUES OF IMPROVING INVESTIGATIVE ACTIVITIES

A b s t r a c t: the article deals with the issues of correlation between the norms of criminal procedure law and criminalistic recommendations, the use of which ensures the correct application of the criminal procedure law, the achievement of the goals of criminal proceedings, the prevention of investigative errors. According to the author, it is advisable to further improve the criminal procedural and forensic support of the preliminary investigation in the following main areas: 1) amendments and additions to the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the grounds and procedure for conducting investigative actions, taking into account the provisions of criminalistics; 2) development of existing and development of new, modern private forensic techniques; 3) improvement of the system of training future investigators in the implementation of educational programs of higher education, as well as in the framework of advanced training and professional retraining of investigative workers.

Key words: criminal procedure, criminalistics, preliminary investigation, investigator, professional education.

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Прошедший после введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) двадцатилетний период позволяет проанализировать практику его применения, в том числе на стадии досудебного производства, сделать некоторые выводы, наметить пути дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона с учетом криминалистических знаний.

На тесную взаимосвязь уголовно-процесса, особенно теории судебных доказательств, и криминалистики обращается внимание в юридической литературе. В частности, профессор О. Я. Баев отмечал, что теория судебных доказательств и криминалистика «имеют общий объект исследования: практическую деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, доказывание в уголовном судопроизводстве. В этом смысле доказывание в уголовном судопроизводстве – системный междисциплинарный объект»².

Наиболее эффективные тактические приемы, выработанные криминалистической и апробированные следственной практикой, получают законодательное закрепление в нормах уголовно-процессуального права. «За каждым положением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации <...>, за каждой его статьей стоит многолетний опыт уголовного судопроизводства <...> В нормы доказательственного права в принципе включаются те и только те правила доказывания, опосредованные в порядке производства следственных действий, которые показали свою эффективность во всех мыслимых ситуациях, возникающих при уголовном судопроизводстве о преступлениях любых видов, разновидностей и категорий»³.

Разумеется, уголовно-процессуальный закон не может регламентировать

все криминалистические приемы и методы расследования, поэтому залогом надлежащего осуществления предварительного следствия является строгое соблюдение не только норм УПК РФ, но и применение на практике криминалистических знаний. Профессор Е. П. Ищенко отмечает, что «качественное расследование конкретного уголовного дела предполагает детальное планирование, отработку всех выдвинутых версий, деловое взаимодействие следователя с органом дознания, экспертами и специалистами, имеющими, как и он сам, надлежащую профессиональную подготовку и опыт работы по специальности; разумное количество уголовных дел в производстве, <...> наличие технико-криминалистического обеспечения, адекватных тактических приемов производства следственных действий, а также криминалистической методики расследования данного состава преступления <...> и др.»⁴.

Вопросы качества предварительного следствия тесно связаны с проблемой следственных ошибок или недостатков следственной деятельности, которые, в свою очередь, могут быть вызваны как нарушением положений материального или процессуального права, так и несоблюдением положений криминалистики. При этом, в отличие от нарушений уголовно-процессуальной формы, криминалистические недостатки нередко являются следствием невыполнения криминалистических рекомендаций, не имеющих законодательной регламентации, не всегда получающих отражение в процессуальных документах, а потому их сложнее выявить, оценить, проследить их влияние на принятие необоснованного, ошибочного решения.

Образно и точно охарактеризовал ошибки следователей, допускаемые при осуществлении познавательного процесса, вызванные, в частности, несоблуже-

нием тактических и методических рекомендаций, содержащихся, как правило, в научно-методической, учебной литературе, О. Я. Баев, отмечавший, что незаконные и (или) процессуальные решения следователя – «...лишь процессуальный итог некачественной, ошибочной работы следователя, “верхушка” айсберга, основную подводную часть которого – далеко не всегда находящую отражение в материалах дела – составляют ошибки *тактические*»⁵.

По нашему мнению, криминалистические ошибки, упущения, нарушения можно объединить более общим понятием, например, недостатками, которые препятствуют достижению целей уголовного судопроизводства. Должностные лица, осуществляющие руководство следственными органами, ведомственный процессуальный контроль обязаны принимать меры, направленные на выявление, устранение, предупреждение криминалистических недостатков. При этом граница между разновидностями криминалистических недостатков – ошибок, упущений и нарушений – имеет достаточно условный характер. Например, ошибка, добросовестное заблуждение начинающего следователя, вызванная недостаточным опытом работы, незнанием криминалистической методики, неоднозначной следственной и судебной практикой, для его более опытного коллеги, обладающего соответствующими знаниями и навыками, может быть упущением, а иногда и умышленным нарушением. Субъективная сторона криминалистических недостатков предварительного следствия имеет значение для их правильной оценки и решения вопроса об ответственности допустивших их должностных лиц.

Полагаем, что совершенствование уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения предваритель-

ного расследования целесообразно вести по следующим основным направлениям.

1. Внесение изменений и дополнений в нормы УПК РФ, регламентирующие основания и порядок производства следственных действий, с учетом положений криминалистики, показавших свою эффективность на практике и соответствующих принципам уголовного судопроизводства. Правоприменительная практика и исследования ученых показывают, что, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, внесенные в течение двух десятилетий в УПК РФ, данный закон по-прежнему нуждается в корректировке, в том числе и с позиций криминалистики⁶.

В действующем УПК РФ закрепление положений криминалистической тактики представляется далеко не безупречным. В соответствии с ч. 2 ст. 189 УПК РФ (Общие правила проведения допроса) задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса. По справедливому замечанию О. Я. Баева, данное положение УПК РФ «может быть расценено как некая индульгенция правоприменителям для использования всех других тактических приемов допроса, в которых не содержатся наводящие вопросы»⁷. Ввиду многообразия следственных и судебных ситуаций ученый считал невозможной законодательную регламентацию критериев допустимости средств доказывания.

Поддерживая в целом данную позицию, полагаем заслуживающим внимания вопрос о необходимости законодательной регламентации общих, принципиальных критериев допустимости тактических приемов воздействия на участников уголовного судопроизводства. К таким критериям принято относить, в частности, законность, избирательность воздействия, нравственность.

По мнению Р. С. Белкина, наиболее полно и обоснованно этические требования, предъявляемые к тактическому приему, были изложены И. Е. Быховским, считавшим, что «тактический прием:

- не должен унижать честь и достоинство участников расследования;

- не должен влиять на позицию невиновного, способствуя признанию им несуществующей вины;

- не должен оправдывать само совершение преступления и преуменьшать его общественную опасность;

- не должен способствовать оговору невиновных или обвинению виновных в большем объеме, чем это отвечает их действительной вине;

- не должен основываться на неосведомленности обвиняемого или иных лиц в вопросах уголовного права и процесса;

- не должен способствовать развитию у обвиняемого или иных лиц низменных побуждений и чувств, даче ими ложных показаний, совершению иных аморальных поступков;

- не должен основываться на сообщении следователем заведомо ложных сведений;

- не должен подрывать авторитета органов прокуратуры, МВД и суда»⁸.

Представляется, что указанные критерии должны найти отражение при корректировке соответствующих положений УПК РФ. Предусмотренные УПК РФ запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство (ст. 9), применение насилия, угроз и иных незаконных мер (ч. 4 ст. 164), на наш взгляд, недостаточно конкретны и допускают неоднозначное толкование. К числу «тактических приемов», которые по-разному могут быть истолкованы правоприменителями, относится, например, обман со сто-

роны следователя допрашиваемого лица, о недопустимости которого предупреждал еще основоположник криминалистики Ганс Гросс, считавший категорически недопустимым использование судебным следователем (далее – С. С.) обмана при допросе обвиняемого: «Но есть и еще нечто другое, чего С. С. вообще не должен забывать, а в данном случае особенно применять к делу. Я говорю о любви к правде, которую С. должен блюсти непоколебимо, до педантизма»⁹.

Изучение зарубежного опыта показывает, что прямой запрет на использование в уголовном судопроизводстве обмана установлен в уголовно-процессуальных кодексах Азербайджанской Республики (ст. 15), Республики Казахстан (ст. 112), Республики Узбекистан (ст. 88)¹⁰.

С учетом изложенного, полагаем целесообразным конкретизировать сформулированный в ст. 9 УПК РФ запрет осуществления действий и принятия решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращения, унижающего его человеческое достоинство либо создающего опасность для его жизни и здоровья, дополнив запретом на использование обмана, т. е. сообщения следователем заведомо ложных сведений.

Полагаем, что давно назрела необходимость законодательного закрепления и других положений криминалистической тактики. По действующему УПК РФ требование о недопустимости постановки наводящих вопросов на стадии досудебного производства содержится только в нормах, регламентирующих производство допроса (ст. 189), предъявление для опознания (ст. 193), проверку показаний на месте (ст. 194). Вместе с тем очевидно, что наводящие вопросы недопустимы и при производстве иных следственных действий.

Следует отметить, что в ходе следственных действий, в частности, проверки показаний на месте, недопустимы не только наводящие вопросы, как это закреплено в действующей редакции ст. 194 УПК РФ, но и подобные действия, поведение участников следственного действия, в связи с чем справедливо вносятся предложения о внесении соответствующих дополнений в указанную норму закона¹¹. Также недопустимы не только вопросы, но и любые высказывания участников проверки показаний и других следственных действий, имеющие наводящий характер. В настоящее время такие запреты носят лишь характер тактических рекомендаций.

Положения ч. 2 ст. 193 УПК РФ, согласно которым опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, ограничивают возможность предъявления лица для опознания случаями, когда опознающий наблюдал опознаваемое лицо с помощью органов зрения. Между тем в следственной практике нередко используется опознание по другим признакам – голосу, особенностям походки. Известен случай «нестандартного» проведения опознания мужчины, совершившего особо тяжкие преступления, слепоглухонемой потерпевшей, запомнившей его по тактильным ощущениям, полученным во время совершения в отношении нее преступления, посредством осязания ею пальцами рук лица опознаваемого¹².

С учетом опыта ряда стран СНГ и потребностей отечественной следственной практики высказываются обоснованные предложения о корректировке ст. 193 УПК РФ, в частности, дополнении ее возможностью опознания лица по голосу, речи, походке, звуко- и видеозаписи¹³.

2. Важным направлением обеспечения надлежащего качества предварительного следствия является дальнейшее совершенствование существующих и разработка новых, современных частных криминалистических методик, которые были бы приспособлены непосредственно для применения в следственной практике. Так, Р. С. Белкин отмечал, что в будущем частные криминалистические методики «упростятся и станут более похожи на алгоритмы расследования в собственном смысле этого понятия, т. е. на такие программы действий следователя, которые выглядят более жесткими и однозначными по сравнению с обычными частными методиками, где такие алгоритмы неизбежно многовариантны и менее категоричны»¹⁴. В связи с этим представляются актуальными и перспективными алгоритмизация и программирование процесса раскрытия и расследования преступлений, целесообразность которых обоснована во многих научных работах¹⁵.

Большие возможности данное направление получает в современных условиях информатизации. Создание компьютерных криминалистических программ и алгоритмов действий следователя в типичных следственных ситуациях и их практическая реализация позволяют оптимизировать работу следователя, минимизировать следственные ошибки, что особенно полезно для следователей, не имеющих достаточного опыта работы. В то же время алгоритмизация следственной деятельности не означает подавления ее творческого характера, а, напротив, предполагает применение творческих способностей следователя при реализации на практике криминалистических программ и алгоритмов.

При этом некоторым криминалистическим рекомендациям с учетом их эффективности, значимости для надлежа-

щего осуществления следственной деятельности целесообразно придание обязательного для исполнения характера, вследствие чего они становятся тактическими предписаниями¹⁶.

Перспективным направлением развития криминалистической тактики является разработка рекомендаций по вопросам применения при подготовке и проведении следственных действий, в частности, проверки показаний на месте, новых тактических приемов, соответствующих современному уровню научно-технического развития: установление точных координат определенного места с помощью GPS-навигатора (самостоятельно или в сочетании с традиционным методом искусственных координат, предусматривающим использование так называемых «маячков»), географических карт, полученных с помощью средств спутниковой связи, компьютерных программ, позволяющих создавать трехмерные изображения, применение метода 3D-сканирования и т. д.

Изменения законодательства, регламентирующего порядок проведения следственных действий, вызывают необходимость корректировки существующих криминалистических рекомендаций и разработки новых. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УПК РФ дополнен статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», согласно которой следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам статьи 164 и главы 26 настоящего

Кодекса с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

В связи с этим необходим анализ применения на практике данной нормы закона, в том числе с позиции криминалистической тактики, с целью выявления возможных проблем организации и проведения данных следственных действий, выработки предложений по их решению. При этом может быть полезен зарубежный опыт проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи. В частности, в январе 2016 г. в УПК Республики Беларусь введена ст. 224.1 «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи». Прошедший период применения на практике данной нормы закона позволяет проанализировать полученный опыт, выявить проблемы, разработать тактику проведения данных следственных действий¹⁷.

3. Необходимыми условиями правильного применения норм уголовно-процессуального закона и соблюдения криминалистических рекомендаций являются профессионализм следователя, овладение им соответствующими знаниями. В связи с этим обеспечение надлежащего качества предварительного следствия предполагает налаживание системы обучения и воспитания будущих следователей, повышения уровня их профессиональной подготовки. На приоритетный характер данного аспекта обеспечения качества предварительного следствия обращает внимание С. Б. Россинский, который пришел к выводу о том, что «первый этап реформирования органов предварительного следствия должен носить не организационный и не законодательный, а именно образовательный характер и заключаться в подготовке и воспитании специалистов, обладающих принципиально иными профессио-

нальными качествами и принципиально иным уровнем правосознания»¹⁸.

Представляется, что особое место в системе профессиональной подготовки следователей должно быть уделено наукам уголовно-правового цикла, в том числе уголовному процессу и криминалистике. Важную роль в профессиональном образовании будущих следователей призваны сыграть высшие учебные заведения в системе Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных ведомств, осуществляющих подготовку следователей. При этом особое значение для приобретения необходимых навыков имеет проведение практических занятий, «деловых игр», на которых обучающиеся отрабатывали бы применение тактических приемов производства отдельных следственных действий¹⁹.

С учетом комплексного применения следователем своих знаний при расследовании преступлений представляются обоснованными предложения профессора А. Ф. Волынского о формировании междисциплинарного, межнаучного курса «Организация и методика раскрытия и расследования преступлений»²⁰, создании интегрированного учебного курса, «основу которого должны составлять деловые игры, решение ситуационных задач, обсуждение процесса и результатов расследования конкретных уголовных дел»²¹.

На необходимость более предметного, практико-ориентированного обучения будущих следователей обращали внимание исследователи вопросов предварительного следствия еще в конце XIX столетия. Так, анализируя недостатки деятельности судебных следователей, отечественный ученый-юрист и практик того периода А. А. Левенстим в своей работе приводил мнение Ганса Гросса, отмечавшего, что «большинство юристов

недостаточно подготовлены для работы в качестве следователей. Из университета их выпускают с прекрасным общим образованием, с массой теоретических знаний, но им не дают никаких сведений, которые нужны при расследовании уголовных дел. Большинство из них не знает, как писать протоколы осмотра, о чем нужно допрашивать свидетелей и как делать обыски, чтобы не уйти с пустыми руками»²².

Вместе с тем при раскрытии и расследовании преступлений нередко от следователей требуется творческий, инициативный подход к порученному делу, умение быстро принимать верные решения в условиях тактического риска, для чего необходимо развитие у будущих следователей криминалистического мышления, на важность разработки теории которого обращает внимание профессор Н. П. Яблоков²³.

Полученные в образовательных учреждениях знания необходимо поддерживать и развивать в дальнейшем в рамках дополнительной профессиональной подготовки, осуществляемой ведомственными вузами.

Таким образом, необходимыми условиями для осуществления качественного расследования преступлений являются дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального закона, приведение его в соответствие с потребностями следственной практики и апробированными, показавшими свою эффективность положениями криминалистики; развитие частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений с учетом применения методов алгоритмизации и программирования следственной деятельности, разработка тактики проведения следственных действий, соответствующей как изменениям уголовно-процессуального закона, так и современному уровню достижений науки

и техники; совершенствование системы подготовки будущих следователей при реализации образовательных программ высшего образования, а также в рамках

повышения квалификации и профессиональной переподготовки следственных работников.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Баев О. Я. Криминалисты и процессуалисты : соседи по коммунальной квартире или игроки одной команды? // Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.) / Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. С. 15.

³ Баев О. Я., Солодов Д. А. Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по УПК России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Ищенко Е. П. К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 124.

⁵ Баев О. Я. К методологии следственной тактики (причины следственных ошибок) // Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.) / Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. С. 374.

⁶ См., например: Белкин А. Р. УПК РФ : отменить нельзя поправить? : в 2 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2017 ; Т. 2. Досудебное производство. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2017.

⁷ Баев О. Я. Криминалисты и процессуалисты : соседи по коммунальной квартире или игроки одной команды? С. 24.

⁸ Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. Т. 3. С. 158–160.

⁹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб. : Типография М. Меркушева, 1908. С. 143.

¹⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=763;-43 (дата обращения: 31.10.2022) ; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=2499;5#pos=2499;5 (дата обращения: 31.10.2022) ; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101&sub_id=880000&pos=1320;-56#pos=1320;-56 (дата обращения: 31.10.2022).

¹¹ См.: Меркулова М. В. Тактика проверки показаний на месте события : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/taktika-proverki-pokazanii-na-meste-sobytiya/read> (дата обращения: 31.10.2022).

¹² См.: Никешкин В. А. О поиске нетривиальных решений и нетрадиционных методов при раскрытии особо тяжких преступлений // Предварительное следствие. М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2015. Вып. 2 (28). С. 6–9.

¹³ См., например: Маевский С. С., Дударев В. А. Порядок предъявления для опознания по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ : сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 26–29.

¹⁴ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1977. Т. 3. С. 218.

¹⁵ См., например: *Ищенко Е. П., Водянова Н. Б.* Алгоритмизация следственной деятельности : монография / под ред. Е. П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2010.

¹⁶ См.: *Центров Е. Е.* Сущность и основные понятия криминалистической тактики // Вестник криминалистики. 2015. № 2 (54). С. 14–28.

¹⁷ См.: *Локтевич О. И.* Тактика проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // II Минские криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 10 декабря 2020 г.). Ч. 1. Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2020. С. 146–150.

¹⁸ *Росинский С. Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.

¹⁹ См., например: *Цветков С. И.* Тактические решения и тактические ошибки // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар, 23–24 мая 2002 г. Краснодар, 2002. С. 89–90.

²⁰ *Волынский А. Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. М. : МосУ МВД РФ имени В. Я. Кикотя, 2016.

²¹ *Волынский А. Ф.* Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики : после дифференциации знаний необходима их интеграция // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 79.

²² См.: *Левентим А. А.* Предварительное следствие по судебным уставам, его недостатки и меры к улучшению // Журнал Министерства юстиции. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1895. № 11. С. 103–158.

²³ См.: *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее : достижения и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 116–120.

Следственный комитет Российской Федерации

Саньков В. И., кандидат юридических наук, старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра), полковник юстиции

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Tel.: 8-968-016-20-74

Investigative Committee of the Russian Federation

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences, Senior Inspector of the Department of Investigation of Problems of Methods of Investigation of Crimes of the Department of Scientific Research (Research Institute of Criminalistics) of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center), Colonel of Justice

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Tel.: 8-968-016-20-74

ДИСТАНЦИОННАЯ КРИМИНАЛИСТИКА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ)

А н н о т а ц и я: констатируется необходимость разработки новой концепции, условно названной автором «дистанционной криминалистикой», а также рассматриваются ее научные и правовые основы. При сопоставлении с критериями частных криминалистических теорий делается вывод о том, что дистанционная криминалистика полностью отвечает рассматриваемым требованиям и может быть отнесена к таковым. В статье уделяется внимание структуре, целям, задачам, принципам и методам дистанционной криминалистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дистанционная криминалистика, частная криминалистическая теория, дистанционные следственные действия, видео-конференц-связь.

REMOTE CRIMINALISTICS (PROBLEM STATEMENT AND BASIC CONCEPT)

A b s t r a c t: this article states the necessity to develop a new concept, conditionally named "distant criminalistics" by the author, and also considers its scientific and legal bases. Having compared it with criteria of private criminalistic theories, the conclusion is made that distant criminalistics completely corresponds to the considered requirements and may be referred to such. In the article attention is paid to structure, goals, tasks, principles and methods of remote forensics.

Key words: remote forensics, private forensic theory, remote investigative activities, video conferencing.

Поступила в редакцию 4 октября 2022 г.

Вопросы дистанционного производства некоторых следственных действий поднимались в криминалистике и уголовно-процессуальном праве с конца XX в., но лишь в XXI получили свое монографическое отражение. Так, в 2004 г. в диссертации Е. Ю. Самолаева указывала, что «возможность проведения "дистантного" предъявления для опознания по принципу видео-конференц-связи (при его законодательном закреплении) представляется полезным не только в

случае нахождения опознаваемого на удаленном расстоянии, но и при производстве опознания в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым»¹. Также в 2004 г. в диссертационном исследовании К. Д. Шевченко прозвучало предложение допустить «дистанционный допрос защищаемого лица с использованием телеконференционных технологий»². В 2005 г. Р. О. Никитин рассмотрел в диссертации отдельные вопросы применения виртуальной реальности в ходе следственных действий, указав, что «например, все допросы потерпевшего, его представителя,

свидетеля можно проводить в виртуальном режиме, а подписание протоколов осуществлять электронной подписью. Оpozнание допрашиваемых следует также проводить в виртуальном режиме с целью соблюдения мер безопасности при опознании согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ. При привлечении к следственным действиям специалиста он может, как и вышеупомянутый эксперт, переводчик и свидетель, участвовать виртуально, а подписать протокол следственного действия электронной подписью»³. Достаточно массовые исследования различных направлений и аспектов дистанционного производства тех или иных следственных действий, дистанционного участия в судопроизводстве начались примерно с 2010 г. Однако вплоть до последнего времени эти исследования не выходили за пределы аналитических справок и предлагаемых новелл. Законодатель же ограничивал применение дистанционных элементов допросом с применением видео-конференц-связи в судебном заседании для обеспечения безопасности участника судопроизводства.

Так, в 1999 г. при кассационном рассмотрении дела Челябинский областной суд обеспечил дистанционное участие в судопроизводстве подсудимых, находящихся в следственном изоляторе⁴. Однако первые элементы именно процессуальной регламентации видео-конференц-связи в уголовном процессе возникли с введением законодателем ст. 278.1 УПК РФ в 2011 г.

Пандемия COVID-19 вынудила максимально сократить личный контакт участников уголовного судопроизводства. Был принят ряд документов, направленных на увеличение дистанционной составляющей судопроизводства. Но, к сожалению, только в постановлениях Президиума Верховного Суда рассматривались вопросы дистанционно-

го производства, и было рекомендовано максимально активизировать использование видео-конференц-связи⁵.

Между тем еще до пандемии коронавируса в 2018 г. разрабатывался законопроект о возможности проведения видеодопроса не только в суде, но и на этапе предварительного расследования. Законопроектом № 434998-7 предполагалось, что «допрос будет производиться на основании постановления следователя, которое будет направляться в следственный орган или орган дознания по месту нахождения допрашиваемого свидетеля. Предлагалось производить допрос посредством видео-конференц-связи по правилам ст. 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса», а в отношении несовершеннолетних – в соответствии со ст. 191 УПК РФ»⁶. Однако в 2020 г. законопроект был отозван для доработки. После доработок были предложены изменения в ст. 5 УПК РФ, содержащие определение допроса посредством видео-конференц-связи, новая статья 189.1, рассматривающая условия и особенности такого допроса, и т. д.

О необходимости разработки широкого спектра следственных действий, проводимых в дистанционном режиме, 3 марта 2021 г. в ходе расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации сказал Президент РФ В. В. Путин, подчеркнув необходимость проработать вопрос включения в уголовный процесс новых форм сбора доказательств, в том числе в тех случаях, когда участники следственных действий объективно не могут явиться к месту их проведения⁷.

Наконец 30 декабря 2021 г. УПК РФ был дополнен статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», что позволяет нам уже говорить о формировании цело-

го «пула» следственных действий, проводимых в дистанционном режиме.

Все эти действия имеют свою техническую, методическую, организационную специфику. Указанное предопределяет необходимость теоретической разработки криминалистических рекомендаций по производству следственных действий. Поэтому по аналогии с «полевой криминалистикой» нам представляется уместным поднять вопрос о новой концепции, которую мы предлагаем условно назвать «дистанционной криминалистикой». При этом мы не посягаем на изменение всей сложившейся структуры криминалистики, а предлагаем блок научно-практических криминалистических рекомендаций.

Дистанционная криминалистика связана с производством дистанционных следственных действий, т. е. таких действий, при которых следователь и объект следственного действия (участник судопроизводства, материальный или информационный объект) находятся территориально в разных, далеко находящихся друг от друга местах.

Анализируя концепт дистанционной криминалистики с учетом признаков частных криминалистических теорий, можно заметить ряд характерных факторов. Потребность в теоретическом осмыслении и разработке единой концепции дистанционных следственных действий обусловлена как уже принятыми изменениями в законодательстве, допускающими дистанционную форму проведения отдельных следственных действий (допрос, очная ставка, предъявление для опознания), так и потребностями практики в проведении некоторых иных следственных действий без личного присутствия следователя на месте производства таких действий для обеспечения безопасности и нивелирования вопро-

сов больших расстояний и пересеченной местности.

Представляется возможным констатировать, что под «дистанционной» криминалистикой необходимо понимать не разрозненные тактические приемы производства классических следственных действий, а единую систему рекомендаций, обладающую такими эмерджентными свойствами, которые позволяют сформулировать концепт соответствующей частной теории.

Становление частной теории дистанционной криминалистики будет способствовать развитию науки криминалистики, поскольку отражает взгляд на отдельные закономерности собирания доказательств, составляющие предмет криминалистики. Данная частная теория будет иметь максимально практико-ориентированное направление исследований. В первую очередь теория дистанционной криминалистики будет иметь значение для общих положений криминалистической тактики, затрагивать тактику производства соответствующих следственных действий, а также применяемую криминалистическую технику. Безусловно, возможность дистанционного производства ряда следственных действий в определенных условиях должна учитываться при разработке методик расследования отдельных видов преступлений.

Уровень общности элементов частной теории достиг уже качества системы. Системность элементов теории обуславливает ее соответствующую структуру, состоящую из трех частей.

Структура дистанционной криминалистики нам видится в следующей форме.

1. Общая теория дистанционной криминалистики, в которой рассматривается понятийный аппарат, концепция частной теории, ее цели, задачи, принципы, методы и т. д.

2. Производство вербальных следственных действий в дистанционном режиме.

3. Производство невербальных и смешанных следственных действий в дистанционном режиме.

Динамичность рассматриваемой частной теории обусловлена развитием соответствующей техники, позволяющей проводить следственное действие в отдаленном от следователя месте с отдаленными участниками, скачкообразным развитием электронной техники, активной цифровой трансформации деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и судопроизводства в целом.

Что касается требования о «достойном внедрении основных отдельных положений формирующейся частной теории в научный оборот»⁸, то можно отметить активную разработку с 2005 г. вопросов видео-конференц-связи, роботизации следственной деятельности, использования виртуальной реальности, спутниковой съемки открытых участков местности и других аспектов дистанционных следственных действий как в рамках кандидатских исследований и подготовки монографий, так и в публикациях в периодических изданиях, входящих в список рекомендованных ВАК, а также в международные базы цитирования.

Таким образом, можно констатировать становление новой частной теории, которую можно условно назвать «дистанционной криминалистикой».

Целью данной частной теории будет являться содействие своими разработками практике борьбы с преступностью. Указанная цель реализуется в следующих задачах:

1) обоснование единой системы следственных действий, проводимых в дистанционном режиме;

2) разработка организационного обеспечения проведения дистанционных следственных действий;

3) технологизация криминалистики и технико-криминалистическое обеспечение конкретно производства дистанционных следственных действий;

4) методологическое и тактическое обеспечение производства следственных действий.

В дистанционном режиме закон уже регламентирует производство допроса, очной ставки и предъявления для опознания, однако нам представляется, что список следственных действий, проводимых в подобном режиме, должен быть расширен с учетом включения в него следственного осмотра. Многие авторы еще более расширяли круг предлагаемых дистанционных следственных действий. В. С. Латыпов видит потенциальную необходимость в введении дистанционного (цифрового) расследования по уголовным делам⁹. С. Г. Матинов, Е. В. Решетов, З. Г. Матинова предлагают разрешить проведение следственных действий на электронной платформе в удаленном режиме¹⁰.

К. С. Плахота привела «результаты опроса 50 следователей правоохранительных органов, которые на вопрос: “В ходе каких следственных действий, по Вашему мнению, возможно применение видео-конференц-связи или видеосвязи мессенджеров?” ответили: 79 % – допрос потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и иных участников уголовного судопроизводства, 36 % – очная ставка, 36 % – предъявление для опознания, 18 % – освидетельствование, 27 % – следственный эксперимент, 18 % – осмотр места происшествия, 9 % – обыск, 6 % – выемка, 21 % – проверка показаний на месте, 9 % – эксгумация, 6 % – иное»¹¹.

Принципы дистанционной криминалистики состоят из общих (законности,

соблюдения прав и свобод человека и гражданина и т. д.) и частных.

К частным мы относим: 1) соблюдение руководящей роли следователя (особое значение имеет этот принцип в рамках активизации предложений по применению робототехники для производства следственных действий и даже разработке идей «киберследователя»¹² и «технических интеллектуальных агентов» вместо следователя¹³); 2) активная технологизация следственных действий (повышение общего технического уровня); 3) цифровизация расследования (усиление цифрового содержания технического оснащения); 4) соразмерность затрат и экономия процессуальных и материальных сил и средств (производство следственных действий в дистанционном режиме, когда это обусловлено требованиями безопасности, экономии времени, дальности транспортировки, сложности доступа, а не в целях набора показателей отчетности); 5) эффективность и научность; 6) безопасность и защищенность информационных каналов.

Правовыми основами дистанционной криминалистики на настоящий мо-

мент выступают ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий», 189.1 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», ст. 278.1 УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи», а также нормы, регламентирующие производство конкретных следственных действий. Кроме того, в дальнейшей работе нами будет предложен ряд предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство.

Методы дистанционной криминалистики в основном совпадают с методами «классической» криминалистики с учетом специфики производства следственных действий в дистанционном режиме.

Таким образом, концепция дистанционной криминалистики представляется уже вполне назревшей, крайне актуальной и развивающейся теорией, отвечающей всем признакам частных криминалистических теорий.

¹ Самолаева Е. Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20.

² Шевченко К. Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 24.

³ Никитин Р. О. Правовое обеспечение использования электронно-информационных технологий в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 12.

⁴ См.: Вяткин Ф., Зильберман С., Зайцев С. Видео-конференц-связь при рассмотрении кассационных жалоб // Российская юстиция. 2000. № 6. С. 11–12.

⁵ См.: Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808. Текст постановления опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апре-

ля 2020 г. № 821. Текст постановления опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и т. д.

⁶ Поправки в УПК о применении видео-конференц-связи для допроса свидетелей внесены в Думу // Адвокатская газета. 2018. 9 апр. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/popravki-v-upk-o-primenenii-video-konferents-svyazi-dlya-doprosa-svideteley-vneseny-v-dumu/> (дата обращения: 27.04.2022).

⁷ См.: Путин предложил ввести новые формы сбора доказательств по уголовным делам. URL: https://iz.ru/turbopages.org/iz.ru/s/1131976/2021-03-03/putin-predlozhit-vvesti-novye-formy-sbora-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (дата обращения: 27.04.2022).

⁸ Лавров В. П. Частные криминалистические теории : современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 89.

⁹ См.: Латышов В. С. Применим ли УПК РФ России в условиях пандемии? (В контексте вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 78.

¹⁰ См.: Матинов С. Г., Решетов Е. В., Матинова З. Г. Расследование и рассмотрение уголовных дел в условиях пандемии // Наука и образование : хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № (122). С. 107.

¹¹ Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 100.

¹² См.: Быстряков Е. Н. Усанов И. В. Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 29–32.

¹³ См.: Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

Саратовская государственная юридическая академия

Смушкин А. Б., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

E-mail: Skif32@yandex.ru

Saratov State Law Academy

Smushkin A. B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology

E-mail: Skif32@yandex.ru

О. Я. БАЕВ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ

А н н о т а ц и я: исследуется методология следственной тактики как подсистемы криминалистической науки. Характеризуется вклад профессора О. Я. Баева в формирование и развитие теоретико-методологической конструкции следственной тактики. Автор, основываясь на научных идеях О. Я. Баева, анализирует проблемные вопросы следственной тактики. Особое внимание уделено феномену противодействия расследованию как структурообразующему элементу следственной тактики и методологическому ориентиру в ее криминалистическом познании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следователь, расследование, следственная тактика, противодействие расследованию, конфликт.

O. Ya. BAEV ON METHODOLOGICAL GUIDELINES IN THE STUDY OF THE PROBLEMS OF INVESTIGATIVE TACTICS

A b s t r a c t: the methodology of investigative tactics as a subsystem of forensic science is investigated. The contribution of Professor O. Ya. Baev to the formation and development of the theoretical and methodological construction of investigative tactics is characterized. The author, based on the scientific ideas of O. Ya. Baev, analyzes the problematic issues of investigative tactics. Special attention is paid to the phenomenon of counteraction to investigation as a structure-forming element of investigative tactics and a methodological guideline in its forensic cognition.

Key words: investigator, investigation, investigative tactics, counteraction to the investigation, conflict.

Поступила в редакцию 29 ноября 2022 г.

Научное наследие Олега Яковлевича Баева, выраженное в его многочисленных трудах, весьма обширно, творчески многогранно и для многих – судьбоносно. В своих работах О. Я. Баев исследовал самые разнообразные теоретические и прикладные криминалистические проблемы – от развернутого методологического анализа объектно-предметной области криминалистики и вопросов самоидентификации криминалистической науки до подробной характеристики ви-

дов и форм посягательств на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве; от изучения феномена замаскированных убийств до разработки методики расследования принуждения к даче показаний¹.

Только лишь перечень разнообразных криминалистических проблем, исследованных О. Я. Баевым, можно длительное время продолжать.

Одно же из центральных мест в научном творчестве О. Я. Баева занимает анализ проблем криминалистической тактики и, в частности, такой ее подсистемы, как следственная тактика. Заме-

тим, что и первые монографические работы О. Я. Баева были посвящены именно этой проблематике².

Вклад О. Я. Баева в развитие следственной тактики очевиден и, в частности, выражается:

- в определении методологических ориентиров познания следственной тактики как самостоятельной криминалистической подсистемы и выделении (на основе анализа феномена противодействия расследованию преступлений) ее структурообразующих элементов;

- методологически тонком и принципиально важном уточнении понятий категориального аппарата указанной подсистемы;

- обосновании сущности следственной (криминалистической) тактики и практической значимости соответствующих тактико-криминалистических средств на основе анализа философских категорий (формы и содержания, свободы и необходимости) и их преломлении к исследованию теоретических и прикладных тактико-криминалистических проблем;

- исследовании сущности конкретных тактических средств с позиций допустимости их практического применения; и т. д.

Методологические ориентиры познания следственной тактики как самостоятельной подсистемы деятельности и применения тактико-криминалистических средств исходят из совершенно необходимого и точного указания О. Я. Баевым на феномен *противодействия* расследованию преступлений как, по сути своей, структурообразующий элемент всей конструкции следственной тактики, и тезиса о необходимости его предупреждения и преодоления. При этом заметим, что в основном большинстве определенных криминалистической (следственной) тактики, предложенных в разно-

образных научных публикациях (от уровня научных статей до изданий монографических и энциклопедических), указание на феномен противодействия вовсе отсутствует или, по выражению самого О. Я. Баева, из определений «выпадает»³.

Однако трудно не согласиться с тем, что вся следственная деятельность, в первую очередь – доказывание в ней, как правило, чаще всего осуществляется в условиях целенаправленного противодействия (конфликтов) со стороны субъектов (лиц, организаций и сообществ), имеющих иные, чем у следователя, интересы в досудебном производстве по уголовному делу⁴. Такого рода сосуществование в едином правовом пространстве противоборствующих субъектов с противоречивыми интересами есть не что иное, как отражение сущности философского закона единства и борьбы противоположностей.

Противоположные стороны «не могут мирно сосуществовать в едином предмете: противоречивый, взаимоисключающий характер противоположностей с необходимостью вызывает борьбу между ними»⁵, которая, в свою очередь, составляет не только внутреннее содержание, но и источник развития действительности⁶. При этом, как объясняет О. Я. Баев, полем деятельности следователя становится борьба за информацию с использованием им всего инструментария тактических средств, что в конечном счете способствует удовлетворению следователем своих профессионально-ролевых интересов в уголовном судопроизводстве⁷.

Конфликты (противоречия) в деятельности следователя не существуют в постоянно неизменном виде. Их позитивное разрешение – процесс последовательный, стадийный. Итогом же является получение следователем нового знания (криминалистически значимой ин-

формации), его переработка, исследование и, так сказать, развитие действительности (учитывая стадийность уголовного судопроизводства); последовательный процесс идентификации данного знания с истинным.

Обратим внимание в этой связи на логику рассуждений О. Я. Баева о следователе как носителе определенной социальной роли, предполагающей возникновение соответствующих этой роли внутриролевых и межролевых конфликтов, и как субъекте, которому в силу этой роли необходимо думать об этих конфликтах и формах возможного противодействия, их прогнозировать, предупреждать и преодолевать.

Так, характеризуя «цепочку» возникновения и возможного развития тактико-коммуникативных, в том числе конфликтных (как имманентно присутствующих следственной деятельности) взаимоотношений следователя с субъектами, вовлекаемыми в орбиту следствия, О. Я. Баев рассуждает следующим образом.

«Лицо, в любом качестве – свидетель, потерпевшего, обвиняемого и т. п., – вызываемое к следователю, всегда видит в нем прежде всего абстрактного носителя определенной социальной роли, роли следователя, и в соответствии со своим к ней отношением, процессуальным положением и личностными качествами устанавливает так называемое ролевое расстояние между собой и следователем. Аналогичным образом следователь предполагает определенное поведение лица, носителя социальной роли свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, независимо от исполнения этим лицом других известных или неизвестных ему социальных ролей или с учетом последних. Чем больше будет отклоняться ролевое расстояние от ожидаемого как следователем, так и взаимодействующим с ним

лицом (или с одной какой-либо стороны), тем более острым будет межролевой конфликт. Напротив, сокращение ролевого расстояния в разумных и нравственно допустимых пределах приведет к снятию или удовлетворительному разрешению межролевого конфликта»⁸.

Даже такого рода первичная диагностика характера складывающейся следственной ситуации обуславливает формулирование следователем определенных выводов, в частности, о наличии (отсутствии) противодействия расследованию и его формах, в том числе потенциальных, и дальнейших направлениях и способах борьбы за информацию. В этой связи О. Я. Баев формулирует определение следственной тактики с прямым указанием в нем на эти важнейшие структурообразующие особенности следственной деятельности.

Следственная тактика, по О. Я. Баеву, представляет собой «систему научно обоснованных средств допустимого и рационального собирания, исследования и использования следователем доказательственной информации в целях предупреждения и преодоления потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия расследованию преступлений со стороны субъектов, имеющих иные, чем следователь, личные или профессиональные интересы в уголовном судопроизводстве»⁹.

Ценность такого вывода в методологии следственной тактики бесспорна. Такой подход логично переплетается с рядом *нижеперечисленных* положений и принципов общей теории систем, отражающих сущность методологии познания профессиональной деятельности в целом и деятельности следователя в частности (для обоснования значимости структурообразующих, в том числе компетентностных, характеристик ее тактико-криминалистической подсистемы).

1. Уникальность следственной деятельности в конкретных условиях расследования и в определенной степени ее непредсказуемость (обуславливающая принятие следователем решений в условиях информационной неопределенности и тактического риска).

2. Наличие свободы воли в деятельности следователя; но в то же время и наличие предельных возможностей, определяемых соответствующими ресурсами – правовыми, этическими, интеллектуальными, материальными, техническими, информационными и др.

В контексте сказанного заметим, что свобода, образно выражаясь, «тактического маневрирования» в деятельности следователя закреплена в самом законе – в ч. 2 ст. 189 УПК РФ. Соответствующим положением, по сути своей, законодательно провозглашен принцип «свободной тактики допроса», по поводу корректности лингвистического оформления которого О. Я. Баев резонно замечает, что его ни в коем случае нельзя расценивать как своеобразную индульгенцию для следователей на применение любых тактических приемов¹⁰.

3. Способность следственной деятельности адаптироваться к изменяющимся условиям среды и помехам (очевидно, имманентно ей присущим), причем как к внешним, так и внутренним.

4. Способность к целеобразованию – причем не только исполнительского типа, где следователю цель, так сказать, просто задана законом, но и продуктивно-творческого типа – где целеобразование и целедостижение происходит, благодаря активности, инициативности и наступательной позиции следователя (не преходящей, как подчеркивает О. Я. Баев, в обвинительный уклон¹¹).

5. Способность следователя противостоять разрушающим тенденциям (как внешним, так и внутренним) и в этой

связи выработать различные варианты поведения (целеобразования и целедостижения) и при необходимости изменять свою структуру, сохраняя при этом целостность и основные свойства¹².

Именно с учетом указанных обстоятельств, при реализации своих профессиональных функций следователь выступает не только как исполнитель, но и как деятель и творец, формирующий доказательства в уголовном преследовании (в условиях различных следственных ситуаций).

Одна из задач следователя заключается в верной оценке конфликтных ситуаций, чему может способствовать системный анализ последних¹³. В этой связи важнейшее значение в методологии познания следственной тактики и оптимизации следственной деятельности имеет учет следователем классификационных разновидностей противодействия расследованию преступлений. Ведь формы противодействия расследованию (как объекта изучения криминалистики и следственной тактики) разнообразны. В свою очередь, в прямой зависимости от этих форм находятся тактические способы и направления предупреждения и преодоления противодействия расследованию.

Любому объекту (в том числе и феномену противодействия расследованию) присущи определенные особенности, системообразующие признаки, классификации, отражающие действительную природу этого объекта и характеризующие его именно как самостоятельную систему, отличающуюся от других объектов (систем). Классификация же данного объекта есть логическая процедура деления объема соответствующего понятия, направленная на выяснение того, из каких подмножеств состоит делимое множество или родовое понятие («противодействие расследованию»).

В криминалистической (следственной) тактике формы противодействия расследованию могут быть классифицированы по различным основаниям:

– по источнику происхождения противодействие может быть классифицировано на непосредственное и опосредованное, внешнее и внутреннее;

– по моменту возникновения – на реальное (существующее в данный момент времени) и потенциальное (ожидаемое, возможное противодействие);

– по характеру действий противостоящего следователю субъекта – на активное и пассивное, открытое и скрытое противодействие.

Возможны и более дробные классификационные деления феномена противодействия расследованию (отражающие его принадлежность одновременно к нескольким из указанных классов).

В наличии тех или иных форм конфликтных взаимоотношений, противоречий, противодействия (как имманентно присущих следственной деятельности) нетрудно убедиться, анализируя в работах О. Я. Баева системные характеристики тактики отдельных следственных действий.

Так, очевидным обстоятельством является наличие *реального* противодействия при допросе в ситуации избрания допрашиваемым субъектом тактики активной или пассивной лжи (полного или частичного искажения истинной картины происшедшего события или избрания субъектом, так сказать, «молчаливой тактики»).

Феномен реального противодействия является, по сути своей, свойством, имманентно присущим и такому следственному действию, как очная ставка, что прямо следует из ее процессуальной регламентации. Так, в ст. 192 УПК РФ прямо говорится о праве следователя произвести очную ставку между ранее допро-

шенными лицами, в показаниях которых имеются существенные *противоречия*. Причем для данного следственного действия характерным является существование нескольких уровней конфликтных взаимоотношений (что обуславливается противоречивостью в показаниях ее участников, а также наличием противодействия со стороны «недобросовестного» или «недобросовестных» ее участников следователю).

Реальным, по сути своей (и – как правило), является противодействие в обычной ситуации производства обыска при наличии «достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), если, конечно, таковые не выданы добровольно.

А, например, конструкция ч. 8 ст. 182 УПК РФ и криминалистическая интерпретация закрепленного в ней положения (о праве следователя запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или с иными лицами до окончания обыска) указывает на существование феномена *потенциального* противодействия расследованию и имеет превентивную направленность. В этой связи, если исходить из методологических постулатов следственной тактики, сформулированных, в частности, О. Я. Баевым, избрание такой тактики предпочтительно для *предупреждения* потенциального противодействия расследованию.

К возможным причинам, обуславливающим реализацию следователем права на применение указанных принудительных действий (являющихся, по сути

своей, превентивным тактическим приемом), О. Я. Баев относит:

- необходимость избежать утечки информации о факте производства обыска, его ходе и результатах (сокрытие соответствующей информации, например, от возможных соучастников преступления);

- необходимость исключения возможности выноса искомых объектов из обыскиваемого помещения; их последующего сокрытия или уничтожения;

- исключение возможности сговора лиц, находящихся в обыскиваемом помещении, о происхождении интересующих следователя объектов (предметов, ценностей);

- исключение возможности оказания этими лицами активного группового сопротивления либо уничтожения ими искомых следователем предметов или документов¹⁴.

Возможность прогнозирования потенциального противодействия при производстве обыска в помещении обусловлена и конструкцией ч. 2 ст. 184 УПК РФ о производстве личного обыска. В ней говорится о том, что следователь вправе подвергнуть личному обыску лиц, находящихся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, при наличии достаточных оснований полагать, что они скрывают при себе предметы или документы, которые имеют значение для уголовного дела. При этом, как совершенно справедливо замечает О. Я. Баев, такой (личный) обыск решает и несколько иных немаловажных задач, в частности, обеспечение безопасности участников обыска и исключение возможности для обыскиваемых оказать активное вооруженное сопротивление, скрыться либо уничтожить искомые следователем предметы или документы, находящиеся при них¹⁵.

Необходимо учитывать и такие ситуации производства следственных дей-

ствий, в которых возможность оказания противодействия может исходить и от вполне добросовестных их участников.

К примеру, вполне вероятными могут быть неблагоприятные последствия тактически неверной организации следователем предъявления для опознания, когда опознающий умышленно (к примеру, из чувства страха) не опознает подозреваемого (обвиняемого). В этой связи следователь, прогнозируя возможные результаты следственного действия, должен принять соответствующее тактическое решение в части его должной организации (например, с учетом ч. 8 ст. 193 УПК РФ) и имеющихся на этот счет научных (криминалистических, психологических, этических) рекомендаций.

Как видно из приведенных примеров, отдельные тактические средства, направленные на преодоление, в частности, потенциального противодействия расследованию преступлений, имеют прямое формальное выражение в нормах уголовно-процессуального закона. Тактико-превентивный характер других средств в значительно большей степени опосредуется научными рекомендациями криминалистики, направленными, например, на предотвращение различных криминальных угроз (в особенности по делам о резонансных преступлениях; при расследовании организованной преступной деятельности).

Но в любых своих выражениях (будучи закрепленными в нормах закона или выступая в качестве научных рекомендаций) эти средства отражают тактическую сущность следственной деятельности в связи с присутствием (в той или иной форме) в ее системе феномена противодействия расследованию.

Характеризуя особенности преодоления следователем тех или иных способов потенциального противодействия расследованию при производстве след-

ственных действий, следует особо подчеркнуть значение этих данных (выработанных в системе криминалистической тактики) для развития соответствующих частных криминалистических научных направлений и теорий.

Систематизация этих положений, вне всяких сомнений, представляет конструктивный материал и вполне может способствовать развитию *теории криминалистической профилактики* (криминалистической превенции) – в том числе для выработки криминалистических рекомендаций по нейтрализации (минимизации) возможности посткриминального воздействия на участвующих в деле лиц.

Бесспорна и очевидна тактика в тех следственных действиях, где источником криминалистически значимой информации (и возможного противодействия расследованию) выступает человек (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый). Но есть ли тактика в тех следственных действиях, которые направлены на получение информации сугубо от неодушевленных объектов материальной природы, от вещей, и какое противодействие здесь можно преодолевать? Например, при следственном осмотре или назначении судебной экспертизы?

О. Я. Баев формулирует ответы и на эти вопросы методологически четко и научно корректно, характеризуя особенности производства данных следственных действий в специфически присущей им среде, предполагающей наличие *опосредованного* противодействия расследованию, – в условиях «конфликтов с природой». Объяснение же О. Я. Баевым их сути – лаконичное и мудрое – заключается в том, что «мы не знаем... “замыслов” природы, но априори принимаем их антагонистическими (противоположными) интересам, в нашем случае, следователя»¹⁶.

При этом нередко в практике расследования преступлений случаи, когда на месте происшествия не удается отыскать криминалистически значимые объекты, вещественные доказательства в силу определенных действий самого преступника (уничтожение следов; изъятие с места происшествия, например, баллистических объектов, гильз и т. п.).

Также убедительно свидетельствуют о существовании феномена опосредованного противодействия процессу расследования преступлений и выявляемые, к примеру, в ходе осмотра места происшествия негативные обстоятельства, указывающие на различные инсценировки.

Таким образом, на основе анализа феномена противодействия расследованию преступлений, конфликтов в деятельности следователя и опосредованных ими следственных ситуаций О. Я. Баев определил исходные методологические ориентиры для познания разнообразных проблем следственной (криминалистической) тактики и системно их исследовал.

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли»¹⁷ (В. О. Ключевский). Это известное высказывание подтверждает вся жизнь О. Я. Баева.

Изучение творческого наследия Олега Яковлевича Баева, использование сформулированных им научных идей и познавательных ориентиров, вне всяких сомнений, есть одно из неперенных условий плодотворного развития криминалистической науки, обогащения практики и появления таких же позитивных «биографических фактов и событий» в научной и практической деятельности его учеников.

¹ См., например: *Баев О. Я. Избранные работы* : в 2 т. Воронеж, 2011 ; *Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.)*. Воронеж, 2016 ; *Расследование отдельных видов преступлений* / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 1986.

² См., например: *Баев О. Я. Содержание и формы криминалистической тактики*. Воронеж, 1975 ; *Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон*. Воронеж, 1977.

³ *Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс*. М., 2017. С. 170.

⁴ См.: *Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности)*. М., 2017. С. 164.

⁵ *Афанасьев В. Г. Основы марксистской философии*. М., 1961. С. 92.

⁶ См.: Там же. С. 95.

⁷ *Баев О. Я. Избранные работы* : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 181.

⁸ *Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории)*. Воронеж, 1981. С. 113–114.

⁹ *Баев О. Я. Тактика следственных действий*. Воронеж, 2012. С. 22.

¹⁰ См.: *Баев О. Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания*. М., 2017. С. 163–164.

¹¹ См.: *Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности)*. М., 2017. С. 168.

¹² См.: *Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология*. М., 2007. С. 241 ; *Волкова В. Н., Денисов А. А. Основы теории систем и системного анализа*. СПб., 2001. С. 51.

¹³ См.: *Васильев В. Л. Юридическая психология*. СПб., 1997. С. 461.

¹⁴ См.: *Баев О. Я. Тактика следственных действий*. С. 199.

¹⁵ См.: *Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него*. М., 2008. С. 151.

¹⁶ *Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс*. С. 178.

¹⁷ *Большая книга афоризмов / сост. К. В. Душенко*. М., 2003. С. 871.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ О. Я. БАЕВА ПО ОПТИМИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Аннотация: проанализированы предложения О. Я. Баева в сфере уголовно-правовых средств защиты доказательственной информации по уголовным делам. Обоснованы актуальность и практическая значимость указанных предложений в современном уголовном законе Российской Федерации. Сделан общий вывод о необходимости их оперативной реализации в нормах уголовного закона.

Ключевые слова: преступления против правосудия, доказательства в уголовном праве, доказательственная информация.

ON THE NEED TO IMPLEMENT O. Ya. BAEV PROPOSALS TO OPTIMIZE THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON LIABILITY FOR ENCROACHMENTS ON EVIDENTIARY INFORMATION

Abstract: the proposals of O. Ya. Baev in the field of criminal law means of protection of evidentiary information in criminal cases are analyzed. The relevance and practical significance of these proposals in the modern criminal law of the Russians Federation is substantiated. The general conclusion is made about the need for their operational implementation in the norms of criminal law.

Key words: crimes against justice, evidence in criminal law, evidentiary information.

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

В своих многочисленных научных трудах О. Я. Баев выдвинул и обосновал немало предложений по оптимизации уголовного судопроизводства, в том числе по изменению конструкций составов преступлений против правосудия, посягающих на доказательственную информацию. Значительная часть этих предложений была реализована на законодательном уровне. В то же время неко-

торые из указанных предложений, которые, по нашему мнению, нуждаются в одобрении и отражении в уголовном законе, остаются нереализованными. Остановимся подробнее на тех предложениях О. Я. Баева, необходимость закрепления которых в Уголовном кодексе Российской Федерации представляется нам очевидной.

Прежде всего речь идет о закреплении в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия» терминов, расширяющих предмет преступления. Ряд предложений по совершенствованию уголов-

ного закона вытекает и основывается на необходимости более широкой трактовки предмета преступления, когда речь идет о преступлениях в сфере доказывания по уголовным делам. По мнению О. Я. Баева, в данных составах необходимо помимо термина «доказательства» использовать (в различных модификациях) термин «доказательственная информация». Отметим, что и наиболее значимое монографическое исследование О. Я. Баева о преступлениях в сфере доказывания по уголовным делам он наименовал следующим образом: «Посыгательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения)»¹.

Отметим, что доказательства не возникают «в готовом виде» одновременно с совершением преступления. В результате совершения преступления возникает следовая информация, на основе которой уполномоченные субъекты доказывания не собирают (хотя такой термин широко используется в уголовно-процессуальном законе, достаточно упомянуть ст. 86 УПК РФ), а формируют доказательства. Причем формируются они в порядке и способами, указанными в УПК РФ, а именно путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных этим законом.

Законодательное расширение предмета преступлений в сфере доказывания приведет, по нашему мнению, к следующим положительным результатам:

– такое расширение будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовых средств, направленных на предупреждение и нейтрализацию сокрытия преступной деятельности в различных его проявлениях;

– усиливается значимость, эффективность и работоспособность статей УК РФ, содержащихся в главе 31 «Преступления против правосудия», призванных защитить от преступного воздействия доказательственную базу по уголовным делам;

– под уголовно-правовую защиту будут подпадать не только лица, официально признанные носителем доказательственной информации (свидетели, потерпевшие), но и иные лица, не имеющие процессуального статуса (очевидцы, жертвы). Таким образом, произойдет повышение уровня правовой защиты законных прав и интересов лиц, вольно либо невольно ставших причастными к преступлениям разной направленности. Соответственно повысится уровень общественно-государственного внимания к защите законных прав и интересов более широкой категории граждан;

– должностные лица, в компетенции которых находится раскрытие и расследование преступлений, получают возможность использовать средства уголовно-правового характера, направленные на нейтрализацию сокрытия преступлений, на более ранних этапах уголовного судопроизводства, а не только после возможности производства процессуальных действий (усиливается «криминалистическая составляющая» доказывания по уголовным делам).

Рассмотрим сформулированные и обоснованные О. Я. Баевым предложения, вытекающие из данного общего положения, более подробно. Притом отметим, что в ходе обоснования своих выводов им приводится не только полный и объективный анализ точек зрения исследователей в области уголовного права и процесса, но и анализ судебной и следственной практики.

Так, О. Я. Баевым предлагается дополнить ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ «Фаль-

сификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности» и включить в число предметов фальсификации объекты, которые в дальнейшем могут быть использованы в процессе формирования доказательств.

Согласно ст. 86 УПК РФ доказательства собираются дознавателями, следователями, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. На наш взгляд, очевидно, что такие лица могут стать субъектами не только фальсификации уже сформированных доказательств, но и фальсификации объектов в дальнейшем использованных в процессе формирования доказательств.

Субъектом фальсификации объектов – потенциальных доказательств может являться и защитник. Это обусловлено тем, что согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник участвует в собирании доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристики иных документов от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Более того, согласно ч. 2 указанной нормы подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Таким образом, указанные лица также могут участвовать в фальсификации не только доказательств, а доказательственной информации, которая в дальнейшем может быть признана дознавателем, следователем, прокурором и судом доказательствами. На наш взгляд, это обстоятельство является наиболее весомым доводом в пользу расширения

предмета уголовно наказуемой фальсификации в сфере доказывания по уголовным делам.

Также О. Я. Баевым предложено расширить предмет посягательств, предусмотренных ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», заменив термин «доказательства» термином «объекты, на основе которых могут быть сформированы доказательства». Им предлагается изложить ч. 3 указанной нормы путем включения в ее диспозицию деяний, соединенных с искусственным созданием и (или) представлением объектов, на основе которых могут быть сформированы доказательства, а также совершенные в процессе формирования доказательств².

Очевидно, что существующая редакция указанной нормы Особенной части УК РФ не вполне согласуется с законодательным определением перечня доказательств в уголовном судопроизводстве и субъектов, их формирующих. Данный перечень закреплен в ст. 74 УПК РФ. Согласно ч. 1 указанной нормы доказательствами по уголовным делам являются сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, установленном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Согласно ч. 2 указанной нормы в качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста; заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Соответственно, субъекты заведомо ложных доносов, которые в подавляющем большинстве осуществляются непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства, не являются субъектами формирования (сбора доказательств). Они негативно воздейству-

ют в целях незаконного привлечения к уголовной ответственности определенных лиц на информацию и ее источники, которые являются потенциальными доказательствами по уголовному делу. Как правило, такое негативное искажение на информацию и ее источники, прежде всего материальные, осуществляется в целях подкрепления заведомо ложного доноса, придания ему убедительности.

Восполнение указанного пробела позволит расширить возможности привлечения к уголовной ответственности более широкого круга субъектов, которые осуществили заведомо ложный донос, сопряженный с искажением информации и ее материальных носителей, подкрепляющих обоснованность ложного обвинения.

О. Я. Баев также предлагает дополнить УК РФ статьей 306-1. В главе 31 УК РФ предлагается закрепить состав «Недонесение о преступлении». В диспозиции предлагаемой нормы О. Я. Баев считает необходимым установить уголовное наказание за несообщение о достоверно известном (независимо от степени тяжести) факте готовящегося или совершенного преступления. В ч. 2 предусмотреть наказание за несообщение о достоверно известном факте готовящегося тяжкого или особо тяжкого преступления³.

Полагаем, что в целом данное предложение заслуживает поддержки и реализации в нормотворческой деятельности по совершенствованию уголовного закона. Лицо, достоверно знающее, например, о совершении убийства двух или более лиц (как и всех убийств при отягчающих обстоятельствах) и не сообщившее об этом правоохранительным органам в силу объективных либо субъективных причин при возможности такого сообщения, вольно или невольно способствует сокрытию указанного преступления, уменьшению следовой информации.

В конечном итоге это может существенно затруднить процесс раскрытия такого преступления. Вследствие уменьшения объема доказательственной информации в силу временного фактора осложняется и процесс формирования доказательственной базы обвинения.

Исходя из задач УК РФ (ст. 2 УК РФ), принципов справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ) следует предусмотреть и исключения из числа субъектов указанных преступлений отдельных категорий лиц. Думается, в данном случае следует использовать законодательный опыт, в частности, ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений», предусматривающую освобождение от уголовной ответственности за указанные действия, совершенные супругом или близким родственником.

В целом предложение об установлении уголовной ответственности за недонесение о преступлении должно быть реализовано. Спорными являются лишь отдельные его аспекты, такие как установление уголовной ответственности за преступления независимо от категории преступлений; неоптимальность использования термина «недонесение», а не несообщение⁴.

Отметим, что законодатель в определенной степени воспринял предложения о необходимости установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении, включив в 2016 г. в Особенную часть УК РФ статью 205-6 «Несообщение о преступлении». Отметим, что согласно данным судебной статистики за 2021 г. к уголовной ответственности по статье 205-6 УК РФ было привлечено 104 лица. Это подтверждает практическую востребованность, «работоспособность» данной нормы⁵.

Однако в данной статье законодатель признал уголовно наказуемым лишь несообщение об отдельных преступлении-

ях, прежде всего о преступлениях террористической направленности. Думается, оптимальным было бы закрепление состава «Несообщение о преступлении» в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия» с указанием не перечня отдельных составов, а категорий преступлений (тяжких и особо тяжелых), как это закреплено в действующей редакции ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений».

Не утратило актуальности и предложение О. Я. Баева о необходимости установления уголовной ответственности работников правоохранительных органов за заранее не обещанное сокрытие преступлений с использованием служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности⁶. Достаточно распространено сокрытие преступлений, прежде всего с целью отказа от уголовного преследования из-за неперспективности установления неизвестных на момент совершения преступлений лиц.

Это подтверждают статистические сведения, полученные по результатам прокурорских проверок. Так, в докладе Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. отмечалось, что приоритетом для прокуроров остается обеспечение законности при приеме и регистрации преступлений. В результате вмешательства прокуроров возбуждено 165 тысяч уголовных дел о преступлениях, не получивших своевременного учета⁷.

Далее обратим внимание на предложение О. Я. Баева по оптимизации диспозиции ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний». Напомним, что согласно данной норме уголовно наказуемым признается принуждение к даче показаний способами, указанными в ч. 1 данной статьи, подозреваемого, обвиняемо-

го, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля.

В частности, О. Я. Баев полагает, что необходимо либо отказаться от перечня процессуального положения лиц, принуждаемых к даче показаний, либо дополнить его после их перечисления, завершающегося свидетелем, словами «иных лиц». В качестве примера им рассмотрен случай избияния сотрудниками милиции (в настоящее время полиции), занимавшими должности оперуполномоченных, гражданина Е. с целью принуждения к даче показаний. По данному делу Президиум Верховного Суда РФ сделал вывод об отсутствии в действии указанных сотрудников состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, так как Е. не относился к перечисленным лицам, не имел процессуального статуса.

По верному убеждению О. Я. Баева, «принуждавшие к даче показаний сотрудники милиции в принципе не задумывались о процессуальном статусе избиваемого ими человека, мотивация их действий – принуждение к даче показаний – от этого не менялась»⁸.

Соглашаясь в принципе с приведенным ранее предложением о необходимости изменения в этой части диспозиции ст. 302 УК РФ в качестве варианта предлагаем определить субъектов, которые могут принуждаться к даче показаний, как лиц, которые обладают либо могут обладать доказательственной информацией о совершенном или подготавливаемом преступлении. Такая формулировка позволит привлекать к уголовной ответственности субъектов принуждения к даче показаний независимо от процессуального статуса лиц, подвергаемых принуждению, и вместе с тем более точно определяет целевую направленность действий по принуждению. Кроме того, при реализации данного предложения

утрачивает свое значение факт возбуждения уголовного дела.

В то же время следует положительно оценить принятое в 2022 г. решение законодателя о расширении перечня субъектов данного преступления путем включения в него наряду со следователями и лицами, производящими дознание, «иных сотрудников правоохранительных органов». Как показывает практика, принуждать к даче показаний либо давать молчаливое согласие на это могут и иные сотрудники, прежде всего осуществляющие оперативно-разыскную деятельность.

В заключение остановимся на предложениях О. Я. Баева, направленных на совершенствование ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования».

К числу субъектов данного преступления законодатель относит лиц, не осуществляющих уголовное преследование: адвокатов, понятых, специалистов, представителей средств массовой информации. По мнению О. Я. Баева, необходимо рассмотреть вопрос о возможности включения в число субъектов данного преступления лиц, которые непосредственно причастны к осуществлению уголовного преследования.

О. Я. Баев ссылается на примеры из собственной практики, когда сведения о предстоящем обыске становились известными заинтересованному лицу от руководителей следственного органа. Указанный руководитель давал согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства о его проведении. Также им приводится пример, когда судья, санкционировавший производство прослушивания телефонных переговоров, разгласил заинтересованному лицу сведения о начале прослушивания его телефонных переговоров⁹.

В то же время О. Я. Баев считает необходимым рассматривать разглашение данных предварительного расследования как уголовно наказуемые действия в случае, если они повлекли тяжкие последствия. По его мнению, примерный перечень таких последствий должен быть дан в примечании к ст. 310 УК РФ либо определен Пленумом Верховного Суда РФ¹⁰.

Расширение субъектов данного преступления (с указанием их перечня в диспозиции статьи) является обоснованным. Думается, необходимо выделить разглашение данных предварительного расследования указанными субъектами в отдельной части ст. 310 УК РФ, определяя факт разглашения указанных данных лицами, осуществляющими уголовное преследование, и судьями как квалифицирующих признаков.

Таким образом, законодатель, приводя указанный перечень:

- отразит важность объекта преступного посягательства (отношения в сфере правосудия);

- отразит повышенную общественную опасность разглашения, осуществляющегося такими субъектами, по сравнению с аналогичными действиями, осуществляемыми непрофессиональными субъектами уголовного судопроизводства;

- закрепит в уголовном законе правовой фактор, имеющий превентивное значение и способствующий предупреждению коррупции в сфере уголовного судопроизводства).

В то же время полагаем, что закрепление в качестве уголовно наказуемого разглашения данных предварительного расследования, только если оно повлекло тяжкие последствия, является излишним. Судебная практика по конкретным делам, получившая одобрение Верховного Суда РФ, исходит из того, что при

решении вопроса о наличии в действиях лица признаков преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, следует учитывать существо разглашенных данных, конкретные условия времени, места и обстановки совершения деяния, характер и степень его общественной опасности. В случаях, когда данные предвари-

тельного расследования стали достоянием гласности до их разглашения лицом, привлеченным к уголовной ответственности, нужно учитывать еще и обстоятельства, при которых данные предварительного расследования были преданы гласности¹¹.

¹ Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий : проблемы и возможные решения). М. : Юрлитинформ, 2010.

² См.: Там же. С. 29–30.

³ См.: Там же. С. 129.

⁴ Подробнее о дискуссиях по данной проблематике см.: Там же. С. 120–121.

⁵ См.: Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>

⁶ См.: Баев О. Я. Указ. соч. С. 123.

⁷ См.: Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru>

⁸ Баев О. Я. Указ. соч. С. 81.

⁹ См.: Там же. С. 159.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 8. С. 40.

Воронежский государственный университет

Трухачев В. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru

Voronezh State University

Trukhachev V. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Department of Criminal Law

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

А н н о т а ц и я: статья посвящена вопросам совершенствования нормативно-правовой регламентации следственных действий и практики их производства, а именно тактико-криминалистическому обеспечению проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Затрагивается взаимосвязь криминалистики и уголовного процесса, влияние положений уголовно-процессуального закона, который является юридической базой криминалистики, ее правовой основой. Поднимается вопрос о необходимости совершенствования тактико-криминалистического обеспечения с учетом затруднительного применения уже существующего арсенала тактических приемов в условиях видео-кофференц-связи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: видео-конференц-связь, следственные действия, допрос, очная ставка, предъявление для опознания, тактико-криминалистическое обеспечение, тактический прием.

ON THE NEED FOR TACTICAL AND FORENSIC SUPPORT OF INVESTIGATIVE ACTIONS CARRIED OUT VIA VIDEO CONFERENCING

A b s t r a c t: the article is devoted to the issues of improving the legal regulation of investigative actions and the practice of their production, namely, tactical and forensic support for interrogation, confrontation, presentation for identification through the use of videoconferencing systems (Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). The article touches upon the relationship between forensic science and the criminal process, the influence of the provisions of the criminal procedure law, which is the legal basis of forensic science, its legal basis. The question is raised about the need to improve tactical and forensic support, taking into account the difficult application of the already existing arsenal of tactics in a video conferencing environment.

Key words: videoconferencing, investigative actions, interrogation, confrontation, presentation for identification, tactical and forensic support, tactical technique.

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Непрерывно развиваясь, общество порождает все более сложные формы криминального поведения в целом и противодействия расследованию пре-

ступлений в частности, что приводит к очередным трудностям, возникающим в правоприменительной практике. С каждым годом наблюдается появление новых и совершенствование существующих способов совершения и сокрытия преступлений, а также внедрение в преступную

деятельность последних достижений науки и техники. В этой связи имеются объективные потребности в постоянной оптимизации приемов и методов работы органов дознания и предварительного следствия, в развитии уголовно-процессуальной формы, появлении новых процессуальных гарантий обеспечения доброкачественности, надежности и пригодности для последующего использования получаемых познавательных результатов, в разработке соответствующих тактических и методических рекомендаций и т. д.

М. С. Строгович указывал на то, что установление по уголовным делам объективной истины является одним из принципов уголовного процесса¹. Анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, С. А. Шейфер пришел к выводу, что целью доказывания является установление истины: «...стремление уполномоченных органов государства установить обстоятельства исследуемого события такими, какими они были в действительности, сохраняет свое значение как ведущая тенденция доказывания, т. е. его цель»². Доказывание является познавательной деятельностью, направленной на получение доказательств в целях установления истины.

Как известно, в своем арсенале следователь имеет достаточно большое количество способов собирания доказательств, основную часть которых составляют следственные действия.

В. П. Божьев отметил, что доказывание, в отличие от других форм познавательной деятельности, совершается в строгом соответствии с правилами, установленными уголовно-процессуальным законом, т. е. протекает в рамках процессуальной формы³.

Поэтому не вызывает удивления тот факт, что особое внимание в настоящее

время уделяется совершенствованию нормативно-правовой регламентации следственных действий и практике их производства.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ были введены новые положения, устанавливающие возможность и определяющие особенности проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). То есть в следственную практику впервые была внедрена технология, уже хорошо апробированная и доказавшая свою эффективность в ходе производства в первой инстанции, апелляционного, кассационного, надзорного производства, позволяющая дистанционно получать имеющие значение для уголовного дела сведения, в первую очередь сведения вербального характера, т. е. способствующая процессуальной экономии, значительному сокращению временных, финансовых и иных затрат.

Несмотря на постоянное совершенствование нормативной базы, «ни один самый совершенный закон, – замечает А. И. Винберг, – не может предусмотреть всего бесконечного разнообразия приемов и средств предупреждения и раскрытия преступлений. Закрепляя в законе лишь основные и наиболее важные тактические правила, относящиеся к порядку проведения отдельных следственных действий, уголовный процесс не может детально регламентировать тактические приемы и методы»⁴.

По мнению профессора О. Я. Баева, уголовно-процессуальный закон является юридической базой криминалистики, ее правовой основой. Уголовно-процессуальный закон оказывает весьма существенное, если не сказать решающее, влияние на существование такой слож-

ной системы, как криминалистическая тактика⁵.

Указанные положения уголовно-процессуального законодательства, в первую очередь ввиду их новизны, несформированности соответствующей правоприменительной практики и отсутствия приемлемых тактических и методических рекомендаций, еще вызывают множество вопросов, приводящих к известным трудностям в деятельности органов дознания и предварительного расследования, в частности, к малой информативности и ненадежности получаемых познавательных результатов.

В силу определенных обстоятельств в ходе расследования преступления зачастую использование одних лишь следственных действий не приводит к достижению желаемого результата, ведь законодатель не может предвидеть все возможные ситуации, возникающие в ходе расследования. Эффективность проведения определенного следственного действия во многом зависит от его тактико-криминалистического обеспечения. Следователю приходится обращаться к использованию в своей профессиональной деятельности определенных тактических приемов, тактических операций и тактических комбинаций.

С точки зрения правовой регламентации, тактические приемы делятся на три группы:

- 1) прямо предписанные законом для исполнения во всех случаях;
- 2) указанные в законе, применение которых зависит от усмотрения следователя;
- 3) не предусмотренные законодательством, а сформированные в результате обобщения передовой следственной практики.

Ряд ученых считают, что тактические приемы не могут быть предписаны законом. Так, например, Н. А. Селива-

нов⁶ полагает, что тактические приемы, представляя собой научные положения в сфере криминалистической тактики, после их легитимации в уголовно-процессуальном законе утрачивают статус тактических приемов.

Вообще, существуют две ситуации: первая описана выше (когда тактическая рекомендация находит свое закрепление в законе), а вторая ситуация проявляется в том случае, когда законодатель вводит новое положение в законодательство (в нашем случае речь идет о ст. 189.1 УПК РФ).

Наибольший интерес, по нашему мнению, вызывает второй случай. Рассматривая подробнее возможность проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи, возникает логичный вопрос: приемлемы ли те тактические приемы, которые уже выработаны практикой и широко используются следователями при проведении перечисленных следственных действий в режиме «офлайн» или же есть потребность в выработке принципиально новых тактических приемов?

Безусловно, существуют «классические» приемы, такие как предъявление доказательств, разъяснение значения чистосердечного признания и дачи правдивых показаний, убеждение с помощью логических доводов в бессмысленности попытки дачи ложных показаний, максимальная детализация и т. д. Но как быть с теми тактическими приемами, применение которых затруднительно ввиду отсутствия непосредственного контакта «лицом к лицу»? В связи с этим стоит задуматься над адаптацией такого рода тактических приемов именно применительно к проведению следственных действий посредством видео-конференц-связи.

Кроме того, многие тактические приемы, применяемые следователем при проведении допроса и очной ставки, основаны на психологическом воздействии на допрашиваемое лицо. Возможно ли отследить невербальные средства общения и психофизиологические реакции организма допрашиваемого лица в полной мере при производстве допроса и очной ставки с использованием видео-конференц-связи? Полагаем, что это затруднительно. Качество видеоизображения по каналам связи нередко достаточно низкое, что не позволяет следователю в полной мере воспринять и оценить действия, реакции лица.

Если говорить о предъявлении для опознания, то встают вопросы: «Удастся ли правоприменителю полностью соблюсти процедуру дистанционного предъявления для опознания живого лица, предмета или документа в соответствии со ст. 193 УПК РФ? Не исключаются проблемы определения опознаваемого опознающим по чертам лица или по голосу?» К сожалению, имеющиеся в территориальных органах внутренних дел технические средства не всегда способны обеспечить надлежащего качества связь, что может негативно сказаться на результатах предъявления для опознания.

Помехи, обрывы связи, плохая слышимость, низкое качество видеоизображения, иные технические сбои создают определенные препятствия проведению

следственного действия. Осознавая затруднительность в применении психологических тактических приемов, следователю необходимо компенсировать это более тщательным планированием и подготовкой к проведению следственного действия, предусмотрения своей линии поведения при возникновении конфликтной ситуации, что позволит, несмотря на рассмотренные выше трудности, получить доказательства.

Хотя норма введена относительно недавно и следственной практики не столь много, единичные случаи применения видео-конференц-связи указывают на тот факт, что проведение следственных действий посредством применения современных технологий возможно и вполне успешно, необходимо лишь адаптировать уже имеющееся тактико-криминалистическое обеспечение, которое позволит проводить допрос, очную ставку и предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи на том же высоком уровне, что и при непосредственном участии в них лиц.

Учитывая, что «значительное число тактических приемов своим происхождением обязано практике»⁷, предположим, что по мере того, как практика проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи будет накапливаться, будет разрабатываться и тактико-криминалистическое обеспечение их проведения.

¹ См.: *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19–53.

² *Шейфер С. А.* Доказательство и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 43.

³ См.: *Божьев В. П.* Основные вопросы советского уголовного процесса : учеб. пособие. М., 1978. С. 81.

⁴ Винберг А. И. О научных основах криминалистической тактики // Правоведение. 1965. № 3. С. 44–45.

⁵ См.: Баев О. Я. Избранные работы. Воронеж, 2011. С. 56–57.

⁶ См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика : система понятий. М., 1982. С. 14.

⁷ Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 105.

Академия управления МВД России

Фарафонова О. А., адъюнкт

E-mail: ofarafonova99@mail.ru

*Academy of Management of the Ministry of
Internal Affairs of Russia*

Farafonova O. A., *Post-graduate Officer*

E-mail: ofarafonova99@mail.ru

ТАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.98

М. О. Баев, К. М. Баева

Воронежский государственный университет

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ И СМЕЛОСТЬ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются вопросы о структурообразующих началах адвокатской деятельности, анализируется классификация данных проблем; предлагаются пути их преодоления в целях повышения оптимизации и повышения эффективности деятельности и, как следствие, обеспечение правовой защищенности лиц, обратившихся за юридической помощью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокатура, адвокат-защитник, уголовное судопроизводство, самоотверженность и смелость в адвокатской деятельности, тактический риск.

DEDICATION AND COURAGE AS THE STRUCTURE-FORMING BEGINNINGS OF ADVOCACY

A b s t r a c t: the article discusses the issues of the structure-forming principles of advocacy, analyzes the classification of these problems; suggests ways to overcome them in order to improve optimization and increase the efficiency of activities and, as a consequence, ensuring the legal protection of persons who have applied for legal assistance.

Key words: advocacy, defense attorney, criminal justice, dedication and courage in advocacy, tactical risk.

Поступила в редакцию 26 апреля 2023 г.

Проблемы самоидентификации как устойчивого отождествления себя с какой-либо общностью, принятия ее целей и системы ценностей, осознания себя членом этой группы с очевидностью являются одними из основных как для конкретного адвоката, так и для адвокатуры в целом. Именно от того, насколько осознанным и внутренне мотивированным будет решение стать членом корпорации, от готовности добровольно принять дополнительные обязательства – и перед собой, и перед доверителями, и перед обществом, и перед государством, и перед

сословием – во многом зависит успешность профессиональной деятельности, существования адвоката внутри корпорации и стабильность сообщества в целом.

Лишь честный ответ на вопрос «зачем я иду в адвокатуру?»: для себя (способ заработка, престиж, гарантии независимости и т. д.) либо ради чего-то большего – позволит минимизировать риск принятия данного судьбоносного решения. Печальный опыт последних лет (имеются в виду факты привлечения адвокатов-криминалистов к уголовной ответственности) позволяет сделать неутешительный вывод, что в абсолютном большинстве случаев это люди случай-

© Баев М. О., Баева К. М., 2023

ные, стаж в профессии от нескольких лет, как правило, выходцы из оппонирующих структур.

В связи с этим невольно напрашивается неутешительный вывод:

1) ошибка в целеполагании;

2) недооценка рисков, в то время как вся адвокатура не просто под пристальным вниманием системы правоохраны, а когда профессиональная деятельность каждого конкретного адвоката рассматривается чуть ли не через лупу.

Чем осознаннее принимается данное решение, чем больше и глубже претендент разобрался в идеологических и профессиональных основах деятельности и существования корпорации и конкретного адвоката внутри сословия, тем четче понимание специфики принятия решений при выполнении конкретных профессиональных задач.

Тема, вынесенная в заглавие статьи, на первый взгляд может показаться излишне тенденциозной, тем не менее, по нашему мнению, именно самоотверженность в ее объективном понимании как раз и является определяющей в целеполагании профессиональной деятельности адвоката.

Согласно легальному определению самоотверженность – положительное психологическое, социальное и морально-политическое качество личности, которое выражается в способности к подчинению своих интересов и жертвованию ими.

Специфика адвокатской деятельности заключается в многоплановости системы взаимоотношений в рамках осуществления профессионального функционала: «человек – человек», «человек – общество», «человек – государство». Поскольку адвокат априори – профессионал, более того, человек и гражданин с собственным социально-личностным опытом, устоявшимися взглядами, мнениями

и позициями, его участие в разрешении соответствующих правовых конфликтов с неизбежностью преломляется через них.

Адвокатская профессия – деятельность, безусловно, исключительно творческая. Французский адвокат Ж. Фавр так изложил данную мысль: «Адвокат – профессия творческая, девиз адвоката – исследование и свобода»¹.

Но так ли на самом деле свободен адвокат?

Часть 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² как одно из статусных положений определяет адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам.

Несмотря на то что темой данного исследования является анализ категорий и степени независимости адвоката в системе взаимоотношений «адвокат – система правоохраны», «адвокат – адвокатская корпорация» и самое главное – адвокат в системе «адвокат – доверитель», во многом в постановочном плане обозначим позицию, что если в первых двух случаях она (независимость) объективно достижима, то в третьем случае независимость адвоката во многом зависит именно от его самоотверженности, т. е., как обозначено выше, готовности жертвовать собственными интересами во благо доверителя, что порой исключительно сложно и фактически свидетельствует об относительной независимости адвоката от воли доверителя.

Причем ни для кого не секрет системно предпринимаемые попытки со стороны государства, направленные на ограничение и ущемление самостоятельности и независимости адвокатуры и каждого конкретного адвоката как ответственного профессионального участника судопроизводства.

Анализируя события последних лет, невольно вспоминается цитата А. Я. Вы-

шинского в его бытность генеральным прокурором СССР: «Ограничивая свою задачу лишь интересами своего подзащитного, независимо от интересов государства, защитник вступает в противоречия с самим собой, как с советским гражданином»³.

Складывается устойчивое ощущение о желании «власть придержащих» и в современных условиях возложить на адвоката очевидно не свойственные ему функции, причем в ущерб интересам доверителя. И лишь самоотверженность, понимаемая как внутренняя ответственность, является способом преодоления и пресечения подобных попыток.

В силу специфики профессии адвокат имманентно оппозиционен к власти, но, как это ни странно, подобное должно усиливать его положительную характеристику в общественном сознании, однако, несмотря на аксиоматичность данного тезиса, мы подобной корреляции категорически не наблюдаем. Отношение общества к адвокатуре очень мягко можно охарактеризовать как негативно настроенное. И подобное отношение, о чем свидетельствует мировая практика, не является особенностью российского менталитета, что достаточно объяснимо.

Адвокат, как правило, не видит счастливых людей – к нему приходят с проблемами, злобой, завистью, подозрениями. Знаковым является высказывание А. Шопенгауэра о том, что «врач видит человека во всей его слабости, теолог – во всей его глупости, а юрист – во всей его подлости»⁴.

По нашему мнению, именно самоотверженность как возможность подчинить свои личные интересы интересам доверителей и интересам корпорации делает из юриста адвоката, позволяет, цитируя профессора З. Ф. Ковригу, «держат марку», поддерживать и свою собственную репутацию как в профессии,

так и в жизни, и реноме сословия. Только это позволит добиться того, «чтобы судьи видели, что адвокаты действительно хорошие люди. Усилия убедить будут совершенно тщетны, если их жизнь будет противоречить их словам»⁵ (Ларош-Флавен).

О самоотверженности свидетельствует и текст присяги адвоката, несмотря на всю его лаконичность: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией РФ, Законом и Кодексом профессиональной этики адвоката»⁶.

Неразрывно с понятием самоотверженности в адвокатской деятельности связано и понятие смелости как особой психологической установки, способности противостоять страху и идти на оправданный риск ради определенной цели.

Цель адвокатской деятельности достаточно очевидна – достижение всеми законными средствами и способами субъективно и (или) объективно выгодного доверителю результата.

Однако с учетом того, что в абсолютном большинстве случаев все стратегически и тактически значимые действия адвоката порождают юридические последствия для доверителя, исключительно важным является проблема пределов рискованных действий при осуществлении профессиональной деятельности.

Наиболее остро данная проблема стоит при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования. Данный риск мы определяем как неизбежный (закономерный), поддающийся прогнозированию, количественной и качественной оценке, системообразующий фактор, характеризующий как защитную деятельность в целом, так и ситуативную деятельность

адвоката-защитника по принятию решений и совершению действий в условиях неопределенности и потенциальной возможности наступления негативных последствий, наличие и степень которого находятся в зависимости от конкретной защитной ситуации, в том числе от отношения к ней подзащитного, уровня конфликтности интересов процессуальных противников, информационной обеспеченности, процессуальной оснащенности и субъективных прогностических особенностей принимающего решение лица.

Ранее предложенный нами принцип максимина – минимизация тактического риска при принятии тактически значимых решений и совершении соответствующих действий в целях обеспечения максимально гарантированного объективно

и (или) субъективно выгодного результата⁷, по нашему мнению, в полной мере относится не только к защитной деятельности, но и к любому виду профессиональной деятельности адвоката.

Завершая очень краткое исследование вопросов самоотверженности и смелости в адвокатской деятельности, хочется привести две известные цитаты: «В жизни всегда есть место подвигу»⁸ и из любимого фильма «Тот самый Мюнхгаузен»:

«– Что вы скажете, бургомистр, о человеке, который ежедневно направляется на подвиг, точно на службу?»

– Я сам служу. Сударыня. Каждый день я должен идти в магистрат. Я не скажу, что это подвиг. Но, вообще, что-то героическое в этом есть»⁹.

¹ Фавр Ж. Адвокатские идеалы : пер. с фр. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1880. С. 16.

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2023).

³ Вышинский А. Я. Революционная законность и задачи советской защиты (исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании московской коллегии защитников 21 декабря 1933 г.). М. : Редакционно-издательский сектор мособлисполкома, 1934. 44 с.

⁴ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М. : Канон+, 2016. С. 125.

⁵ Чурилов Ю. Самоучитель начинающего адвоката. М. : Литагент АСТ, 2018. С. 21.

⁶ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2023).

⁷ См.: Баев М. О. Риск в деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 212–219.

⁸ Горький М. Старуха Изергиль. М. : Олимп, 2003. С. 6.

⁹ Горин Г. И. Тот самый Мюнхгаузен. М. : Эксмо, 2008. С. 14.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

Tel.: 8-910-342-66-64

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department

E-mail: baev_co@mail.ru

Tel.: 8-910-342-66-64

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

Т. Ю. Маркова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАЩИТНИКА НА СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А н н о т а ц и я: рассматриваются права защитников-адвокатов, предусмотренные ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и ч. 3 ст. 86 УПК РФ и связанные с получением адвокатом информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи доверителю. Уделяется внимание трудностям и запретам, с которыми адвокату приходится сталкиваться при осуществлении данных полномочий. Приводятся правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по проблемным аспектам получения и предоставления адвокатом необходимой для защиты информации. Даются рекомендации защитникам-адвокатам по вопросам получения и дальнейшего использования полученных сведений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: защитник-адвокат, адвокатский запрос, отказ в предоставлении сведений, опрос лиц с их согласия, протокол опроса, получение предметов.

PROBLEM ASPECTS OF REALIZING THE RIGHT OF THE DEFENDER TO COLLECT EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the article deals with the rights of defenders-lawyers, provided for by Part 3 of Art. 6 of the Federal Law "On advocacy and advocacy in the Russian Federation" and part 3 of Art. 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and related to obtaining by a lawyer the information necessary to provide qualified legal assistance to the principal. Attention is paid to the difficulties and prohibitions that a lawyer has to face in the exercise of these powers. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the problematic aspects of obtaining and providing by a lawyer the information necessary for protection are given. Recommendations are given to defense lawyers on obtaining and further using the information received.

Key words: attorney-attorney, attorney's request, refusal to provide information, interview of persons with their consent, protocol of the interview, receipt of items.

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым

законным способом. Аналогичное положение закреплено в ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Поиск и получение информации могут быть необходимы человеку как в

личных целях, так и для осуществления профессиональной деятельности. Так, ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предоставляет право адвокату собирать сведения, необходимые для оказания квалифицированной юридической помощи своим доверителям, чтобы с помощью полученных сведений адвокат имел возможность самостоятельно обосновывать на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства позицию, разработанную и сформулированную им в интересах доверителя, а также осуществлять иные действия в целях защиты (представительства) своего доверителя (например, обосновать ходатайство или жалобу, заявить отвод участнику процесса, подготовиться к следственному действию и т. д.). Аналогичное положение закреплено и в ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Адвокаты вправе собирать только определенные сведения и исключительно для осуществления своей профессиональной деятельности. Получение сведений не в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю или в не предусмотренных законом целях (не для сбора доказательств) недопустимо, так же как недопустим сбор информации следователем или судом вне расследования или рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела.

Часть 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 3 ст. 86 УПК РФ закрепляют перечень тех действий, которые вправе осуществлять адвокат (адвокат-защитник) для получения сведений в ходе оказания юридической помощи по уголовному делу. Они по существу отличаются от следственных

и иных процессуальных действий, которые вправе совершать органы предварительного следствия и суд при собирании доказательств. Это обусловлено тем, что адвокаты не имеют властных полномочий и не могут использовать средства принуждения для получения необходимых сведений. Поэтому совершаемые ими действия основаны, как правило, на добровольном согласии субъектов, к которым адвокат обращается за получением сведений, на их предоставление.

К указанным выше действиям относятся следующие: 1) запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке, предусмотренном ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; 2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; 3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

При разработке и принятии УПК РФ законодатель, закрепив указанные средства собирания доказательств по уголовному делу, не установил процессуальный порядок производства этих действий, что на практике вызывает споры и влечет необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом доказательств к материалам дела со стороны дознавателей, следователей, прокуроров и судов и оценке их в совокупности с другими собранными по делу доказательствами. Но несмотря на это рассматриваемые способы собирания доказательств

используются адвокатами достаточно широко.

1. Право адвоката запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке, предусмотренном ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Из приведенной нормы закона следует, что адвокат вправе запрашивать любые документы, которые ему необходимы для оказания юридической помощи доверителю. Это могут быть справки, характеристики (как прямо указано в самом законе), договоры, соглашения, выписки из домового книги, из государственных реестров, различного рода свидетельств, грамоты, локальные акты организаций и т. д.

Документы могут быть запрошены из любого государственного органа, органа местного самоуправления, а также от любого юридического лица. Запросить можно как оригинал документа (например, справку об отсутствии в организации печати), так и его заверенную копию (например, копию устава). Цели получения документа могут быть различными: приобщение их к материалам уголовного дела с целью подтверждения показаний обвиняемого или опровержения обстоятельств вмененного ему преступления, для обоснования ходатайства о производстве следственного действия или жалобы на решение следователя или суда, для заявления отвода лицу, ведущему производство по делу, для проверки компетентности лица, привлеченного в качестве специалиста, или для подготовки к судебному разбирательству.

У адвоката нет обязанности передавать полученные документы следова-

телю, дознавателю или суду, например, если адвокат придет к выводу, что сведения, содержащиеся в документе, не имеют к его доверителю никакого отношения или могут ухудшить его положение. Но адвокат не вправе использовать такие сведения в личных интересах или передавать их третьим лицам без согласия своего доверителя. Однако адвокат может передать полученные документы самому доверителю, который вправе распорядиться ими по своему усмотрению.

Норма закона указывает на то, что адвокат вправе (а не обязан) запрашивать документы. Но если адвокат уверен (или хотя бы у него есть предположение) в том, что документы могут помочь его доверителю, то он должен их запросить, что вытекает из требования закона честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Запрашивать документы адвокат вправе только в порядке, предусмотренном ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», т. е. путем направления адвокатского запроса. Подавать (направлять) адвокатские запросы необходимо официально, только по тем вопросам, которые входят в компетенцию запрашиваемого органа или организации, и исключительно с целью оказания квалифицированной юридической помощи своему доверителю. Отказ в предоставлении запрошенных сведений признается законным, если адвокат не приводит доказательств того, что отсутствие этих сведений привело к нарушению прав подзащитного, невозможности оказания юридической помощи в рамках заключенного соглашения либо оказания неквалифицированной помощи (Апелляционное определение Москов-

ского городского суда от 22 марта 2019 г. по делу № 33а-1688/2019).

Нарушение требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса является основанием для отказа в предоставлении адвокату запрошенных сведений (п. 2 ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Однако отказ в предоставлении сведений в случае неправильно оформленного запроса, как следует из нормы закона, является правом, а не обязанностью запрашиваемого органа или организации. Они могут предоставить необходимые адвокату документы даже при несоответствии запроса всем предъявляемым к нему требованиям.

По общему правилу, органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения. В случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, при этом адвокату, направившему адвокатский запрос, направляется уведомление о продлении срока рассмотрения адвокатского запроса (ч. 2 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Ответ на запрос может быть получен адвокатом и раньше окончания установленного тридцатидневно-го срока, если адвокат в запросе укажет причину, по которой ответ требуется в более короткие сроки, а орган или организация признают указанную причину уважительной, и у них будет возможность подготовить ответ быстрее.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, не вправе оставить его без рассмотрения и не предоставлять запрошенный документ, ссылаясь на нахождение истребуемой информации в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Это связано с тем, что в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 75, 84, 86 УПК РФ, полученные в сети «Интернет» документальные сведения не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу в силу несоблюдения в данном случае требований о допустимости доказательств (Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17 декабря 2019 г. по делу № 33а-1535/2019).

Из общего правила об обязанности органов и организаций предоставлять адвокату запрошенные документы имеется два исключения. В предоставлении запрошенных сведений может быть отказано в случае, если субъект, получивший адвокатский запрос, не располагает запрошенными сведениями; запрошенные сведения отнесены законом к информации с ограниченным доступом. И если первое основание не вызывает никаких вопросов, то со вторым возникают определенные сложности, из-за которых существенно ограничивается право адвоката на получение документов, необходимых ему для оказания квалифицированной юридической помощи.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов дру-

гих лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства доступ к информации может быть ограничен. Такие ограничения устанавливаются федеральными законами, и обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен.

В настоящее время достаточно большой объем информации отнесен к охраняемой федеральным законом. Прежде всего, осуществляется защита информации, составляющей государственную тайну (ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»).

Коммерческая тайна охраняется Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»; персональные данные – ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»; налоговая тайна – ст. 102 и 313 НК РФ; банковская тайна – ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и ст. 57 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»; нотариальная тайна – ст. 16 и 28 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1; врачебная тайна – ст. 13, 92 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; тайна усыновления – ст. 139 СК РФ; тайна связи – ст. 23 Конституции РФ, ст. 53 и 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» и ст. 15 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» и т. д.

Адвокат вправе запросить документ, содержащий информацию, которая охраняется законом и доступ к которой ограничен, однако в ответ на свой запрос

он может получить отказ в его предоставлении. После получения отказа адвокат вправе ходатайствовать перед лицом, ведущим производство по уголовному делу, о том, чтобы оно запросило нужный документ (по запросу органов предварительного расследования и суда предоставляется даже информация, составляющая охраняемую законом тайну). Однако ответ на такой запрос будет направлен непосредственно в правоохранительный орган или суд, что исключает возможность предварительного ознакомления адвоката с направленным документом и его оценки с точки зрения ценности или опасности для оказания юридической помощи доверителю.

Отказ органа или организации в предоставлении документа, содержащего охраняемую законом тайну, адвокат вправе обжаловать, например, в вышестоящий орган или в судебном порядке. Однако такие жалобы адвокатов, как правило, не удовлетворяются. В качестве примера можно привести решение Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга от 8 сентября 2016 г. по делу № 2-2496/2016~М-2077/2016. Суд отказал в предоставлении сведений по запросу адвоката от 17 февраля 2016 г., сославшись на то, что адвокат не лишен возможности обратиться в суд, который рассматривал уголовное дело его доверителя, с ходатайством о запросе необходимых ему сведений.

Аналогична позиция по данному вопросу и Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что в силу ч. 2 ст. 24 Конституции РФ любая затрагивающая права и свободы гражданина информация (за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, ком-

мерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью) должна быть ему доступна, при условии что законодателем не предусмотрен специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты. При этом Конституция РФ допускает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан. Однако установление такого режима не лишает адвокатов возможности при рассмотрении судом конкретного дела с участием его доверителя обратиться к суду с ходатайством об истребовании доказательств, в том числе сведений, содержащих конфиденциальную информацию (Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О).

При этом суды отмечают, что с такими ходатайствами адвокаты вправе обращаться только после получения отказа от органа или организации, в которые был направлен соответствующий запрос. При отсутствии сведений о том, что адвокату отказано в предоставлении тех или иных документов, которые имели существенное значение для правильного разрешения уголовного дела по существу, мотивированные постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайств стороны защиты о направлении различных запросов признаются законными и обоснованными (Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2018 г.).

2. Право адвоката опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь.

Право адвоката опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией по делу, схоже с правом следователя, дознавателя и суда допрашивать свидетелей. Но в то же время имеется и ряд отличий.

Так, по общему правилу, адвокат вправе опрашивать любых лиц (об исключении будет написано ниже) независимо от их социального положения, занимаемой должности, национальности, гражданства и т. д. Не содержит закон ограничений и по опросу лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, недееспособных или ограниченно дееспособных. Однако опрос таких лиц следует проводить с согласия их законных представителей и в их присутствии. Если опрашиваемое лицо не владеет русским языком, то возможно проведение опроса с участием переводчика. Допускается привлечение для опроса специалиста, например, в области детской психологии, строительства, бухгалтерского дела и др. Расходы на оплату переводчика или специалиста не могут быть возложены на опрашиваемое лицо. Опрос можно проводить и в присутствии своего доверителя.

Адвокат вправе опрашивать только тех лиц, которые не являются свидетелям (потерпевшими) в установленном порядке. Показания таких лиц получают в соответствии с правилами проведения следственных действий, их показания тщательно исследуются, поэтому их последующий опрос защитником в интересах своего подзащитного является недопустимым (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 января 2010 г. № 1ПК10).

Однако в Методических рекомендациях для адвокатов указывается, что такой опрос возможен в случае, если в ходе их допросов не были выяснены все во-

просы, имеющие существенное значение для дела (Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Адвокат не должен быть уверен в том, что лицо, которое ему необходимо опросить, обладает информацией, имеющей значение для дела. Адвокату достаточно предположения об этом. Сам опрос, как представляется, может быть оформлен в виде ответов на конкретные вопросы либо в форме свободного рассказа с постановкой уточняющих вопросов в конце его.

Во время опроса адвокат вправе задавать любые вопросы, которые имеют отношение к делу и помогут ему оказать квалифицированную юридическую помощь доверителю. Во время опроса не запрещено задавать даже наводящие вопросы. При этом перед адвокатом во время опроса не стоит задача (как, например, перед следователем) объективного выяснения всех обстоятельств дела. Он может задавать только те вопросы, которые считает необходимыми для осуществления защиты или представительства своего доверителя. Количество вопросов и последовательность их постановки определяются адвокатом самостоятельно (возможно, по согласованию с доверителем). Однако адвокату следует перед опросом разъяснить опрашиваемому лицу, что оно вправе не отвечать на какие-то вопросы без объяснения причин отказа.

Опрос лиц адвокат вправе проводить только с их согласия. Согласие необходимо получить до начала опроса в письменном виде. При получении согласия на опрос недопустимо применение незаконных приемов и способов (например, запугивания, шантажа, подкупа и т. п.).

Опрашиваемому лицу необходимо пояснить, что согласие должно быть только добровольным и что такое согласие лицу вправе не давать. При этом никаких негативных последствий для лица не наступит, если оно откажется от проведения опроса.

Опрос, как правило, проводится в месте, удобном для опрашиваемого. По требованию опрашиваемого лица опрос должен проводиться в условиях, обеспечивающих конфиденциальность опроса (в отсутствие третьих лиц). Не следует проводить опрос в ночное время, а также лиц, которые находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или жалуются на плохое самочувствие на момент опроса.

В ходе опроса защитник не имеет права предупреждать опрашиваемое лицо об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ст. 307, 308 УК РФ). Наделение защитника таким правом означало бы придание – вопреки требованиям Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства – несвойственной ему процессуальной функции (Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О). Однако адвокату не запрещено разъяснять лицам перед их опросом ст. 51 Конституции РФ, а также иные права, которыми лицо может воспользоваться в связи с участием в опросе.

Ход и результаты опроса рекомендуется фиксировать в специальном документе (например, «Протоколе опроса лица с его согласия»). Не следует называть его протоколом допроса, так как УПК РФ составление такого процессуального документа предусмотрено по результатам производства процессуальных действий, проводимых следственными органами.

Протокол опроса должен соответствовать требованиям ст. 189–191 УПК РФ, предъявляемым к протоколу допроса свидетеля (Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Протокол опроса подписывается как адвокатом, так и опрашиваемым лицом. Желательно подписание каждой страницы протокола опроса. Удостоверение (заверение) подписи опрашиваемого лица не требуется.

У адвоката нет обязанности направлять результаты опроса следователю, дознавателю или в суд. Если адвокат понимает, что полученная информация не имеет отношения к его доверителю или может ему навредить, он не должен ее использовать. Однако результаты опроса могут быть использованы адвокатом как для подготовки к процессуальным действиям или судебному заседанию, так и для обоснования различного рода ходатайств.

Результаты опроса могут рассматриваться как основание для допроса опрошенных лиц в качестве свидетелей или для производства других следственных действий, поскольку они должны быть проверены и оценены, как и любые другие доказательства, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. При этом само по себе отсутствие процессуальной регламентации формы проведения опроса и фиксации его результатов не может рассматриваться как нарушение закона и основание для отказа в приобщении результатов к материалам дела (Определение Конституционного Суда

РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 сентября 2010 г. № 74-О10-29).

Однако, как следует из ст. 74 УПК РФ, результаты подобного опроса сами по себе не могут являться доказательствами по уголовному делу, поэтому у суда нет необходимости давать им самостоятельную оценку (Апелляционное определение Западно-Сибирского окружного военного суда от 1 февраля 2019 г. по делу № 22-5/2019 (22-127/2018)). Опрошенные лица в последующем подлежат допросу, в рамках которого надлежащим образом удостоверяется их личность, с соблюдением их прав и гарантий, установленных уголовно-процессуальным законом (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 марта 2005 г. по делу № 47-О05-9; Приговор Благовещенского гарнизонного военного суда от 26 мая 2014 г. по делу № 1-1/2014 (1-25/2013)). Такая практика вытекает из положений ст. 86 УПК РФ, в соответствии с которыми собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Доказательствами в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются полученные в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, которые, согласно ст. 240 УПК РФ, подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании. Если адвокаты в судебном заседании заявляют ходатайство только о приобщении к материалам уголовного дела протоколов опросов, полученных в порядке п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, без ходатайства о вызове указанных лиц в суд в качестве свидетелей, например, если данные лица проживают

в другом городе и не желают дать показания в суде, то суды отказывают в удовлетворении такого рода ходатайств, что признается законным судами вышестоящих инстанций («Справка по результатам изучения практики применения норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих обеспечение судом права на защиту обвиняемого (подсудимого), при рассмотрении уголовных дел Нижегородским областным судом по первой инстанции за период 2012 года и 6 месяцев 2013 года». Подготовлена Нижегородским областным судом).

3. Право адвоката собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Адвокат вправе собирать любые предметы и документы, которые имеют значение для оказания его доверителю квалифицированной юридической помощи. Документы могут быть как оригиналами, так и копиями (в том числе незаверенными). При собирании предметов и документов адвокат не вправе применять какое-либо принуждение. Получение необходимых адвокату предметов и документов осуществляется только на добровольной основе и на основании согласия владельца. С этой целью адвокату необходимо получить письменное заявление от владельца данного предмета (документа).

Процедура добровольной передачи предмета (документа) от владельца к адвокату может осуществляться в присутствии граждан в числе не менее двух, которые должны засвидетельствовать факт и результаты добровольной передачи предмета (документа). При необходимости использования специальных познаний при получении или осмотре предме-

та для участия в данном процессуальном действии может быть приглашен специалист. Данное полномочие установлено п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Ход и результаты получения предмета (документа) могут фиксироваться с помощью фото-, аудио- и видеотехники. После получения предмета (документа) адвокату в присутствии его владельца и свидетелей, при необходимости с участием специалиста, необходимо детально осмотреть предмет (документ) и выявить его характерные приметы и имеющиеся следы.

По окончании данного процессуального действия необходимо составить документ, в котором отразить основания, ход и результаты получения предмета (документа). Таким документом может быть, например, «Протокол получения предмета (документа)». К протоколу должны быть приложены полученный предмет (документ), аудио-, фото- и видеоматериалы, фиксирующие ход и результаты его проведения, о чем делается отметка в самом акте (Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Предметы и документы, имеющие значение для дела, адвокат не вправе получать путем производства следственных действий, предусмотренных УПК РФ (например, путем осмотра места происшествия, проведения следственного эксперимента и т. д.). Обусловлено это тем, что производство следственных действий строго регламентировано УПК РФ и возложено на уполномоченные государственные органы и должностные лица – следователя, дознавателя и суд (Определение Верховного Суда РФ от 11 ноября 2008 г. № 58-008-81; Определение Верховного Суда РФ от 23 октя-

бря 2008 г. № 73-008-16сп; Определение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2006 г. по делу № 5-006-159СП).

Как мы видим, в своей деятельности при собирании сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи, адвокат сталкивает-

ся с большим количеством затруднений, вызванных в том числе несовершенством действующего законодательства. Поэтому именно совершенствование норм процессуального и материального права может внести значительный вклад в разрешение возникающих проблем.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Маркова Т. Ю., кандидат юридических наук, доцент

E-mail: tatjana_markova@mail.ru

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA)

Markova T. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: tatjana_markova@mail.ru

**АДВОКАТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ
ОБЪЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

А н н о т а ц и я: рассматриваются актуальные проблемы теории и практики, связанные с процессуальным статусом, а также полномочиями адвоката – представителя в уголовном процессе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, адвокат, следователь, прокурор, суд, следственный орган.

**REPRESENTATIVE LAWYER: PROCEDURAL GUARANTEES
OF OBJECTIVITY OF ACTIVITY**

A b s t r a c t: the article deals with topical problems of theory and practice related to the procedural status, as well as the powers of a lawyer – a representative in a criminal process.

Key words: objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, lawyer, investigator, prosecutor, court, investigative body.

Поступила в редакцию 20 декабря 2022 г.

Ответ на вопрос об объективности и беспристрастности адвоката-представителя в уголовном судопроизводстве на первый взгляд должен быть отрицательным. На адвоката-представителя не распространяется правило, согласно которому субъект уголовного судопроизводства не может участвовать в производстве по уголовному делу, в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела. Данное правило распространяется лишь на судью, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя (ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Адвокат-представитель, участвующий в деле по приглашению потерпевше-

го, лично заинтересован в исходе дела, поскольку это связано с его материальным интересом (получением и отработкой гонорара).

Более того, УПК РФ не запрещает осуществление представления интересов родственником потерпевшего, хотя личный (и, как правило, не корыстный) интерес в исходе дела здесь очевиден.

Что касается участия адвоката в доказывании, то ему (в отличие от судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя) закон не предписывает оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Таким образом, на адвоката не распространяется принцип свободы оценки доказательств.

Однако анализ иных законодательных положений, а также судебной прак-

тики показывает, что категорическое отрицание объективности адвоката-представителя неправомерно.

Изучение законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, показывает, что оно содержит ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности адвоката в уголовном процессе. Рассмотрим их более подробно.

Согласно ст. 72 УПК РФ представитель потерпевшего не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

1) ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;

2) является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;

3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого или подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Исключение адвоката – представителя потерпевшего из участия в производстве по уголовному делу, если он ранее являлся одним из участников уголовного судопроизводства, перечисленных в п. 1

ч. 1 ст. 72 УПК РФ, обосновано. Беспристрастность и непредвзятость перечисленных субъектов, равно как и их профессиональной деятельности, выступает залогом принятия по делу законных и справедливых решений, а в итоге и залогом реализации назначения уголовного судопроизводства.

В данном случае переход «в другое качество» порождает обоснованные сомнения в объективности как расследования либо судебного разбирательства, так и адвокатской деятельности. Обусловлено это тем, что адвокат, ранее участвующий в деле в качестве следователя, прокурора и т. д., в ходе осуществления защитительной деятельности вынужден критически относиться к своим собственным процессуальным решениям и к их результатам, что в принципе невозможно сделать беспристрастно.

В то же время следует подчеркнуть, что в перечень субъектов, определяемый в ст. 72 УПК РФ, необходимо включить процессуальные фигуры руководителя следственного органа и должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Как отмечалось ранее, указанные субъекты уголовного судопроизводства, несомненно, относятся к стороне обвинения и играют в уголовном преследовании далеко не последнюю роль.

Продолжая рассмотрение вопроса об основаниях исключения адвоката – представителя потерпевшего из уголовного процесса, можно отметить, что не вызывает сомнений обоснованность положений п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, касающихся запрета участия адвоката – представителя потерпевшего в уголовном деле, если он является родственником иных профессиональных субъектов уголовного процесса или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, за-

ключившего с адвокатом соглашение на представление интересов.

Дополнительные ограничения, направленные на обеспечение объективности и беспристрастности адвоката, установлены в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Так, согласно п. 2 ч. 4 ст. 6 Закона, адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он:

- имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица;

- участвовал в деле в качестве судьи, третейского судьи или арбитра, посредника, прокурора, следователя, дознавателя, эксперта, специалиста, переводчика, является по данному делу потерпевшим или свидетелем, а также если он являлся должностным лицом, в компетенции которого находилось принятие решения в интересах данного лица;

- состоит в родственных или семейных отношениях с должностным лицом, которое принимало или принимает участие в расследовании или рассмотрении дела данного лица;

- оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Положения, направленные на обеспечение объективности адвоката, содержатся в Кодексе профессиональной этики адвоката, принятом Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.

В соответствии со ст. 9 Кодекса адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам лица, обратившегося к адвокату за юридической помощью, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной

выгоды, безнравственными интересами или под воздействием давления извне.

Анализ приведенных положений УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката позволяет сделать следующие выводы:

- 1) законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность, содержит ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности адвоката-представителя;

- 2) уровень законодательных требований к объективности адвоката-представителя значительно ниже, чем уровень подобных требований к суду, субъектам уголовного процесса, осуществляющим уголовное преследование, экспертам, специалистам и переводчикам. Это положение обуславливается рядом объективных факторов, прежде всего зависимостью позиции по делу адвоката от позиции (воли) доверителя;

- 3) адвокат-представитель может быть пристрастен, может иметь в деле личный интерес, однако его пристрастие, его личный интерес непременно должны совпадать или, по крайней мере, не противоречить законным интересам представляемого лица и не нарушать его права. Неточным представляется утверждение И. Л. Трунова о том, что вне зависимости от личного отношения к проступку подозреваемого или обвиняемого или к нему самому *адвокат обязан быть беспристрастен*, руководствоваться законом и осуществлять квалифицированную помощь¹.

На протяжении длительного времени предметом острых дискуссий является вопрос о допустимости исключения адвоката-представителя из уголовного процесса в связи с его подозрениями в противоправной деятельности. Данный вопрос в российском уголовно-процес-

суальном законодательстве отражения не получил, хотя проблема исключения адвоката по указанному основанию для отечественного уголовного судопроизводства актуализировалась. В первую очередь это связано с упрочением в России за последние 10–15 лет организованной преступности, ростом коррупции, проявлений терроризма. Защиту и представление интересов потерпевших по делам первых двух категорий нередко осуществляют так называемые «вовлеченные» либо «коррупцированные» адвокаты².

На наш взгляд, само по себе исключение адвоката – представителя потерпевшего из уголовного процесса на основании подозрения в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием, обосновано. Такое исключение, также как и исключение на основании того, что адвокат-представитель ранее участвовал в уголовном деле в качестве иного субъекта, состоит в родственных отношениях с профессиональными участниками процесса, носит профилактический характер.

В случае подозрения адвоката в совершении преступления, представление интересов потерпевшего в таких случаях не может быть объективным по следующим основаниям:

1) адвокат-представитель, который одновременно является соучастником, весьма вероятно будет исказить свою роль в преступной деятельности (преуменьшать ее или, напротив, преувеличивать);

2) адвокат-представитель с высокой степенью вероятности будет сконцентрирован не на защиту прав и законных интересов своего доверителя, а на собственной выгоде;

3) в такой ситуации адвокат-соучастник с высокой степенью вероятности будет не защищать права и законные инте-

ресы потерпевшего, а оправдывать само преступление, в совершении которого он принимал участие;

4) весьма вероятно, что под угрозой уголовного преследования, успешное осуществление которого приведет к запрету профессиональной деятельности, адвокат-представитель прибегнет к незаконным методам осуществления представления интересов потерпевшего.

В то же время дискуссионным является вопрос о процессуальных основаниях исключения представителя потерпевшего из уголовного процесса на основе подозрения в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием.

На наш взгляд, основанием для исключения адвоката-представителя из участия в уголовном деле в связи с подозрением в совершении противоправной деятельности, являющейся предметом данного дела, может являться лишь официальное признание адвоката-представителя подозреваемым или обвиняемым по данному делу.

Думается, что решение об исключении адвоката-представителя из процесса не может приниматься лишь на основе сведений, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности, подтверждающих «общение», «сотрудничество» и даже «соучастие» адвоката с лицами (группами лиц), которые привлекаются к уголовной ответственности. Иное дело, если данные сведения в соответствии со ст. 89 УПК РФ отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и наряду с доказательствами были использованы в данном качестве в доказывании, по результатам которого адвокат был признан подозреваемым либо обвиняемым.

Таким образом, с учетом требований УПК РФ адвокат-представитель должен

быть исключен из участия в уголовном процессе по рассматриваемому основанию, если:

- в отношении него возбуждено уголовное дело;
- он задержан в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ;
- к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;
- в отношении него вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- в отношении него вынесен обвинительный акт.

С учетом изложенного обоснованным представляется внесение следующего дополнения в УПК РФ.

Основанием для исключения представителя потерпевшего из участия в производстве по уголовному делу в связи с подозрением в совершении противоправной деятельности, являющейся предметом данного дела, признается лишь признание указанного лица подозреваемым или обвиняемым по данному делу, в порядке, предусмотренном ст. 46 и 47 УПК РФ.

Как отмечалось ранее, решение об отводе либо исключении адвоката из уголовного процесса в досудебном производстве должен принимать суд.

В заключение отметим, что проблема обеспечения объективности адвоката-представителя может и должна решаться не только путем создания процессуальных гарантий, но и организационно-правовыми средствами³.

¹ См.: Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М., 2005. С. 100–101.

² См.: Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2005. С. 80–111.

³ См.: Петрухин И. Л. Отчет о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской городской коллегии адвокатов // Рассказывают адвокаты. М., 2000. С. 114–115.

Воронежский государственный университет

Федорин В. Е., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Тел.: 8-950-756-76-19

Voronezh State University

Fedorin V. E., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of
Criminalistics

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Tel.: 8-950-756-76-19

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылке на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.